АЛЕКСАНДР ВОЛКОВ

СЕМЬ ПОДЗЕМНЫХ КОРОЛЕЙ

FANTASY WORLD

САМИЗДАТ

Семь подземных королей

Александр Мелентьевич Волков

Аннотация
Александр Волков. СЕМЬ ПОДЗЕМНЫХ КОРОЛЕЙ
Часть первая. ПЕЩЕРА
  В осаде
  Охота в подземелье
  Пленник
  Город Семи владык
  Аудиенция у короля
  Жёлтое после оранжевого
  Немного истории
  Королевский сказочник
  Беспокойные сутки
  Новое предательство Руфа Билана
  Большой Совет
  Приготовления к войне
Часть вторая. НАШЕСТВИЕ
  Арриго
  Первый бой
  Завоевание Изумрудного города
  Звери выходят из леса
  Дворец-крепость
  Битва в сумерках

Неволя
Часть третья. ГИГАНТСКИЕ ПТИЦЫ
Добрая волшебница Виллина
Кагги-Карр снова в Канзасе
Как могут приходить письма
Воздушные путешественники
Встреча
Моряк Чарли указывает путь
Искушение Урфина Джюса
Переговоры
Лазутчик
Часть четвёртая. ОСВОБОЖДЕНИЕ
Заговор развивается
Хитрость Страшилы
В верхнем мире
Час борьбы близок
Один да один — два
Худо жить без торговли
Руф Билан пытается шпионить
Маленькая посланница из большого мира
Бурлит Пещера...
Птичья эстафета
Неожиданные преграды
Неразбериха
Первый успех дуболомов
Элли пускает в ход колдовство

Оружие — факелы!
Предатель получил по заслугам
Битва гигантов
Генеральное сражение
Много разных событий
Время королей кончилось

Аннотация

Директор музейного комплекса Томского государственного педагогического университета Наталья Викторовна Сайнакова любезно предоставила фотоснимки страниц первой редакции «Семи подземных королей», написанной Волковым в 1963 году и отвергнутой издательством. Эта версия текста — черновая, она нигде не публиковалась, и отличия её от канонической версии кардинальны. В 1964 году Волков по сути переписал сказку заново, значительно изменив сюжет.

Основные отличия — многое по-взрослому. Борьба за власть, интриги, сражения, казни. Дуболомы, например, там совсем не смешные. Детскую редакцию, понятно, в вегетарианском 1963 году это не устроило, и книга была полностью переделана.

Сделано для библиотеки
FLIBUSTA
Сделано для библиотеки

Александр Волков
СЕМЬ ПОДЗЕМНЫХ КОРОЛЕЙ

Часть первая
ПЕЩЕРА

В осаде

Руф Билан бежал. Его короткие толстые ноги заплетались, дыхание с хрипом вырывалось из широко открытого рта. Фонарь колебался в дрожащей руке Руфа, слабо освещая дорогу.

Остановиться бы, отдохнуть!.. Но сзади доносился тяжкий топот ног Железного Дровосека. И непобедимый страх гнал беглеца вперёд.

Ещё так недавно Руф Билан, первый государственный распорядитель его величества короля Урфина Первого, расхаживал по улицам Изумрудного города, опьянённый властью. Правда, его всегда сопровождали деревянные солдаты и полицейские. Это нужно было не столько для почёта, сколько для того, чтобы уберечь сановника от кирпичей: брошенные невидимой рукой, они частенько вылетали из-за угла. Народ ненавидел честолюбца, который из выгоды предал доброго соломенного правителя Страшилу Мудрого и открыл врагам городские ворота. Однако Руф Билан чувствовал себя в безопасности под защитой свирепых дуболомов, оживлённых волшебным порошком Урфина Джюса.

И вот всё изменилось. Из-за Великой пустыни и

Кругосветных гор явилась девочка Элли с дядей, одноногим моряком Чарли, мастером на всякие дела. Они сумели освободить из заключения Страшилу и его друга Железного Дровосека, они вооружили Мигунов и сокрушили власть Урфина Джюса.

Весть о решительной битве и разгроме деревянной армии принесли Руфу Билану быстроногие полицейские, удравшие с поля боя. Это случилось накануне вечером. Другие королевские советники, сослуживцы Билана, решили покаяться перед народом и просить прощения. Но их вина была не так велика в сравнении с преступлением Руфа. Вряд ли он получил бы пощаду за своё гнусное предательство. И Руф Билан задумал бежать.

Но во всей Волшебной стране не нашлось бы человека, который укрыл бы Билана от народного гнева.

«Я спрячусь в подземелье», — решил Билан.

Страх предателя был так велик, он так спешил покинуть город, что не захватил с собой ничего съестного и только взял фонарик с масляной лампочкой внутри: ведь в подземном ходе вечный мрак.

Руф Билан украдкой пробрался в подвал башни, на верхней площадке которой содержались

в плену Дровосек и Страшила. Этот подвал отделялся от подземелья массивной дверью. Но в двери моряк Чарли пропилил отверстие, когда в компании с Элли и её друзьями — Смелым Львом, Тотошкой и вороной Кагги-Карр — явился сюда освобождать пленников. Через это отверстие выбрались на свободу Дровосек и Страшила, а теперь с трудом протиснулся толстый Руф Билан.

Беглец не решился идти в неведомую тьму и целую ночь просидел неподалёку от двери, скорчившись на каменном полу подземелья. Сон его был беспокоен: то и дело Руф вздрагивал и просыпался. Ему чудилось, что приближаются преследователи, схватывают его, ведут на суд… То были лишь кошмары. Но утром следующего дня за дверью зазвучали голоса: его убежище было открыто!

Руф Билан с лихорадочной поспешностью высек огонь, зажёг фитилёк лампочки и бросился в темноту подземелья. Вскоре он услышал за собой гулкую поступь Железного Дровосека.

Преследователь кричал:

— Вернись, безумный человек! В Пещере чудовища! Тебе грозит гибель!..

Но для ослеплённого страхом Руфа Билана всё было лучше, чем возвращение в преданный им

город. Ужас гнал его вперёд и вперёд, и наконец, заметив в стене подземного коридора чёрное отверстие, Руф, не раздумывая, бросился туда. Перед ним открылся узкий извилистый ход, и Руф Билан, стараясь не шуметь, прокрадывался дальше и дальше. Шаги и голос Железного Дровосека не стали слышны: как видно, он потерял след беглеца.

— Спасён! — вздохнул Руф Билан, упал на каменный пол и лишился сознания.

Фонарь выпал из его руки, лампочка, мигнув, погасла, и непроглядная тьма окружила Билана.

* * *

Руф Билан очнулся. Он не знал, долго ли лежал без чувств, но его руки и ноги онемели, он с трудом сел. Только теперь он в полной мере понял ужас своего положения. Один, без пищи и воды, без света, потому что масла в лампочке едва ли хватит на три-четыре часа, затерянный в холодном каменном мешке…

«Пойду обратно и сдамся, — решил Билан. — Там мне, быть может, сохранят жизнь, а здесь я погибну от голода и жажды в жестоких муках…»

Он засветил фонарь и пошёл. Но после обморока Руф Билан не сумел взять нужное направление

и не приближался к оставленному им главному коридору, а удалялся от него. Он догадался об этом нескоро, когда узкий ход вдруг расширился и превратился в обширную круглую пещеру, в стенах которой виднелось несколько отверстий.

Прежде чем беглец сумел обдумать свои действия, он вышел на средину пещеры и осмотрелся.

— Я не был здесь, — сказал себе Руф, и слабый звук его голоса, многократно отразившись от стен, стал неожиданно гулким. — Значит, я шёл не в ту сторону. Но по какому ходу я сюда проник?..

И тут ужас оледенил ему кровь: он не мог узнать, из какого коридора вышел!

Потеряв способность размышлять, Руф Билан бросился в первое отверстие, которое попалось ему на глаза. Десять минут безрассудного бега привели его к стенке, преградившей дорогу: ход оказался тупиком.

Вернувшись в знакомую пещеру, Руф прежде всего положил камень у отверстия, из которого вышел.

— Я стану отмечать таким образом каждый ход, в котором побываю, — сказал себе Билан. — Так я не буду по крайней мере дважды проходить по

одному и тому же месту…

Отдохнув несколько минут, Руф Билан углубился в соседний коридор. Вскоре этот коридор раздвоился, беглец избрал правый ход. Но вскоре Руфу снова пришлось выбирать одно из двух направлений. И чем далее он шёл, тем причудливее становилось переплетение широких и узких, высоких и низких, прямых и кривых переходов. Эти ходы соединяли пещеры, то походившие на обширные пиршественные залы, до верха которых не достигал слабый свет фонаря, то напоминавшие круглые чаши с водой на дне, то загромождённые россыпью камней, выпавших из потолка…

Руф Билан, гонимый страхом, всё ускорял шаги. Вдруг под его ногой открылась пустота, и Билан, выпустив из руки фонарь, с криком рухнул в колодец, оказавшийся на пути. К его счастью, колодец походил на быстро сужавшуюся воронку, и ноги Руфа упёрлись в камень. Фонарь не погас, и при его свете Билан сумел выкарабкаться из ямы, ободрав себе ногти. Дальше он пошёл осторожнее, внимательно глядя себе под ноги.

Беглец уже не отмечал камнями начало коридоров, куда вступал: он понял, что это не поможет. Только счастливая случайность могла вывести

его на правильный путь.

В бесцельных скитаниях прошло немало часов. Сколько? Билан этого не знал, но видел, что лампочка в фонаре начинает угасать: масло приходило к концу. Скитальца ждало самое худшее из испытаний: могильный мрак подземелья, в котором он сможет передвигаться только ползком, ощупывая дорогу…

При последних вспышках угасающего фонаря Руф Билан выбрался в пещеру, которая по величине превосходила все, пройденные им до той поры. И тут же из тьмы бесшумно вынырнуло существо, заставившее задрожать Билана. Это был могучий зверь на шести круглых низких лапах, с огромной круглой головой, с незрячими круглыми глазами, в которых отражался свет фонаря…

Билан не привык к физической работе, он не отличался ни силой, ни ловкостью, ни зоркостью глаз, но страх сделал его и проворным, и наблюдательным. Прямо перед ним, на высоте в 15–20 футов, был неширокий карниз на стене пещеры, а в самой стене виднелись углубления и выступы, представлявшие грубое подобие лестницы.

Бросив обременявший его фонарь, Руф Билан мгновенно вскарабкался на карниз стены и сделал это вовремя. Шестилапый не успел схватить

его. Раздражённый неудачей, он испустил низкое глухое рычанье, разнёсшееся по пещере и усиленное эхом.

Лампа погасла, но густая белая шерсть Шестилапого испускала слабый фосфорический свет, и Билан отчётливо видел зверя у подножия стены. Он ходил под убежищем человека взад и вперёд, принюхивался и недовольно мотал большой круглой головой.

«Железный Дровосек был прав, предупреждая меня о чудовищах, — подумал Руф Билан, — а я был безумен, не вняв его словам…»

Изменник хотел бы снова очутиться в Изумрудном городе, предстать перед судом народа, и даже смертный приговор теперь казался ему благом при мысли о том, что он послужит пищей отвратительному зверю…

Часы проходили за часами. Измученному долгой ходьбой и тяжёлыми переживаниями человеку хотелось спать. Но во сне он мог свалиться с карниза, а Шестилапый не уходил. С терпеньем голодного зверя он растянулся на каменном полу пещеры и только время от времени поднимал голову, желая своим тонким обонянием удостовериться, здесь ли его добыча.

Охота в подземелье

Силы окончательно покинули Руфа Билана. Его терзал голод, но ещё невыносимее была жажда. За каждую каплю воды он отдал бы каплю своей крови. Язык Руфа высох, кожа на губах потрескалась, вдыхаемый им воздух казался жгучим. Уже Билан готов был покончить со своими мучениями и броситься в пасть Шестилапому, как вдруг поведение зверя изменилось. До того лежавший неподвижно, он почуял опасность, беспокойно нюхал воздух и к чему-то прислушивался.

Наконец, даже и не столь чуткий слух Руфа Билана уловил какие-то слабые звуки, доносившиеся издалека. Несли они ему спасение или новую опасность? Впрочем, положение беглеца было настолько отчаянным, что вряд ли могло ухудшиться. У Билана появилась даже робкая надежда.

А тем временем Шестилапый встал и начал бесшумно удаляться от выступа стены, на котором укрылся Руф. Что встревожило зверя? Эта загадка быстро разъяснилась. Вдали показались неясные светлые пятна, колыхавшиеся в воздухе. Вскоре Билан различил фигуры людей, на головных

уборах которых были укреплены светящиеся шарики. Их свет походил на тот, что испускала шерсть Шестилапого, но был гораздо ярче и освещал предметы на несколько шагов вокруг.

Кто это мог быть? Жители Изумрудной страны, посланные в погоню за предателем? Но они не знали таких источников света, как эти странные шарики. Люди приближались, и когда Руф Билан смог разглядеть их получше, оказалось, что они непохожи на его соотечественников. Ростом они были выше, плечи шире, а кожаные костюмы совсем не напоминали просторную мягкую одежду жителей Изумрудного города.

«Это подземные рудокопы», — догадался Руф Билан.

Много лет назад в Волшебной стране знали, что кроме их верхнего мира существует ещё и нижний, скрытый в недрах земли. Это было в те времена, когда сообщение между страной Жевунов и Изумрудным городом происходило беспрепятственно по дороге, вымощенной жёлтым кирпичом. Но потом случились трагические события. Сначала близ дороги поселился кровожадный Людоед, подкарауливавший путников и уносивший в свой замок, чтобы съесть. Затем в окрестностях Большой реки появились страшные

саблезубые тигры, гроза всего живого. И в довершении бедствий землетрясение раскололо почву, и дорогу преградили два огромных оврага.

После таких несчастий страна Жевунов оказалась отрезанной от Изумрудного города. Прошли года, и в городе забыли о существовании подземных рудокопов. О них вспомнили только тогда, когда друзья Элли уничтожили Людоеда, а деревянные солдаты Урфина Джюса расправились с тиграми, построили через овраги прочные мосты, и сообщение с Голубой страной возобновилось.

От наместника Голубой страны Кабра Гвина Руфу Билану стало известно, что Жевуны ведут меновую торговлю с рудокопами. Подземным жителям не хватало пищи, и они должны были выменивать у Жевунов продукты питания. Взамен они давали изделия своей промышленности: медь и бронзу, железные плуги и бороны, стекло, драгоценные камни. Это от них получил Гудвин Великий и Ужасный огромное количество изумрудов, когда строил свой великолепный город, хотя и не любил распространяться об этом.

Торговля между нижним и верхним миром шла уже в течение столетий, и местом, возле которого она производилась, был выход из подземного мира в страну Жевунов. Этот выход, расположен-

ный близ восточной границы Голубой страны, был закрыт так называемыми Торговыми воротами и охранялся изнутри часовыми. Напрасная предосторожность: простодушным Жевунам никогда не пришло бы в голову пойти войной на подземных рудокопов.

Полночный звук колокола, подвешенного у ворот, возвещал наступление очередного базарного дня. Утром правитель Голубой страны и деревенские старшины проверяли и пересчитывали товары, вынесенные подземными жителями в ночную пору. Цены на них установились давным-давно, и сотни Жевунов привозили на тачках мешки с мукой, корзины с фруктами и овощами, бочонки вина, ящики с маслом и сыром. В следующую ночь всё это исчезало. Подземные люди обставляли торговлю чрезвычайно таинственно, и ни одного из них никогда не видели Жевуны.

Пока Руф Билан вспоминал всё, что слышал о подземных рудокопах, они приближались к его убежищу ровным строем и на одинаковых промежутках друг от друга.

«Слишком много войска на одного безоружного человека», — насмешливо подумал Руф Билан.

Как все трусы, он быстро переходил от дикого ужаса к спокойствию, лишь только убеждался,

что его жизни не грозит непосредственная опасность.

Когда рудокопы подошли поближе, Билан разглядел, что они несут длинную сеть, растянутую во всю ширину пещеры. И у некоторых из них были в руках палки с петлёй на конце.

Руф Билан сообразил, что такие обширные приготовления были бы смешны, если бы дело шло о поимке одинокого пришельца. Конечно, обитатели подземного царства вышли на охоту, и целью её был Шестилапый.

Чудовище и само это почуяло и, услышав шаги врагов, быстро повернулось и юркнуло в тот коридор, по которому пришёл в пещеру Билан. Но охотники были мастера своего дела. Оказалось, что и там выход преграждала сеть, которую держали люди.

Шестилапый с воем выскочил обратно и заметался по пещере. А люди подняли крик, затопали ногами, застучали палками по каменному полу. Адский шум, усиленный эхом, так напугал зверя, что тот бросился вперёд и запутался в широких ячейках сети. Сеть затрещала под мощными ударами лап, но охотники продолжали закидывать зверя сетью, и скоро Шестилапый оказался прочно охваченным множеством петель.

Забыв о своём бедственном положении, Руф Билан при свете фосфорических шариков с любопытством следил за этой необычайной охотой.

«Как они потащат такую тяжёлую тушу?» — думал он.

Его недоумение скоро разрешилось. Из коридора показалась вторая партия охотников. Люди с радостными возгласами столпились вокруг Шестилапого, и Руф Билан понял назначение палок с петлями. Постепенно освобождая ноги чудовища, звероловы накидывали на них петли и привязывали лапы одну к другой так, чтобы Шестилапый мог делать только маленькие шаги. На голову зверя надели прочный кожаный намордник, а к шее привязали несколько верёвок. Когда всё это было проделано с ловкостью, говорившей о большом опыте, сеть с Шестилапого сняли, и несколько человек принялись её сворачивать.

До этого времени, поглощённые своим опасным занятием, охотники не смотрели по сторонам, но теперь один из них поднял голову и увидел Руфа Билана, примостившегося на выступе стены. Раздался удивлённый возглас:

— Господин Ортега, сюда! В Заповеднике чужестранец!

К убежищу беглеца бросилось сразу несколько

человек. Ортега, предводитель звероловов, отличавшийся от своих подчинённых более нарядной одеждой и повелительным видом, велел Билану спуститься, и тот немедленно подчинился приказу.

Пленник

— Кто ты такой и как попал в Государственный заповедник? — сурово спросил Ортега.

— Я несчастный беглец из верхнего мира, — дрожа, ответил Билан. — Меня преследовали, мне угрожала смерть, и я скрылся в это подземелье…

— Нам известно, что верхние жители добродушны и миролюбивы. Ты, должно быть, совершил тяжкое преступление, если тебя ждала такая кара, — проницательно заметил зверолов.

— Увы, это так! — сознался Билан и упал на колени. — Я помог врагам проникнуть в мой родной город, который они безуспешно осаждали.

— А, ты — предатель! — воскликнул Ортега, и все охотники с презрением посмотрели на Руфа Билана. — Ты убежал от своих соотечественников, но, мне кажется, было бы справедливо казнить тебя здесь.

— О, пощадите, пощадите!.. — Изменник с рыданьем припал к ногам Ортеги. — Ведь моя измена не помогла завоевателям: они разбиты, и Изумрудный город освобождён…

— Что заставило тебя стать предателем? — полюбопытствовал Ортега.

— Жажда власти. Ведь я сделался первым вельможей при дворе его величества короля Урфина.

— Так ты был первым вельможей? Будь же последним рабом моего короля Барбедо Двенадцатого, если страх смерти у тебя так велик, что рабство тебя не пугает!..

— О, благодарю, благодарю, великодушный Ортега! — воскликнул просиявший Билан. — Всё, что угодно, любые тяжёлые работы, только не смерть! Но если вы не хотите, чтобы я умер здесь, на месте, дайте мне воды! Я погибаю от жажды.

Ортега отстегнул от пояса плоскую фляжку и подал Билану. Не поднимаясь с пола, Руф припал к ней губами и оторвался только тогда, когда осушил фляжку до дна.

— Теперь бы ещё кусочек съестного, и я прямо возродился бы! — со вздохом удовлетворения молвил Билан, вставая.

— Да, ты рождён с душой раба, — язвительно заметил Ортега. — У тебя совершенно отсутствует чувство собственного достоинства, и рабский колпак — самый подходящий для тебя головной убор.

Охотники собрались в путь. Несколько самых рослых и сильных потащили Шестилапого за шею, а когда тот упёрся, другие кольнули его за-

ди острыми концами своих палок-копий. Зверь сразу смирился, пошёл за людьми и жалобно заскулил.

— Ну, ну, иди, не прикидывайся добрячком! — прикрикнул на него один из звероловов.

Вся компания вошла в просторный коридор, начинавшийся в дальнем углу пещеры. Спасённый от гибели, утоливший жажду Руф Билан сиял от радости. Он шёл рядом с Ортегой и в неровных местах угодливо поддерживал предводителя под руку, хотя суровый сильный зверолов в этом не нуждался.

Ход, по которому вели пленённого Шестилапого, по временам раздваивался. Руф Билан заметил, что охотники всякий раз направлялись по указаниям стрелок, нарисованных красной краской на стенах коридоров.

«Если бы я знал это раньше, я, может быть, выбрался бы из лабиринта, — с сожалением подумал Билан. — А, впрочем, к чему? Наверху меня не ждало ничего хорошего, а здесь я ещё постараюсь вывернуться…»

И в голове предателя, привычной к уловкам и хитростям, уже замелькали планы, как бы подладиться к королю Барбедо Двенадцатому.

Дорога всё время круто понижалась. Часто

спускались по лестницам, каменные ступени которых были когда-то высечены человеческой рукой. Путь был долгим, медленным, потому что Шестилапый еле переступал связанными лапами, а его победители, как видно, не решались предоставить могучему зверю больше свободы.

Но вот пол коридора стал горизонтальным, стены его раздвинулись, сияние шариков начало меркнуть, и впереди показался слабый свет, похожий на свет угасающего дня.

Перед взором Руфа Билана открылась удивительная Страна подземных рудокопов. Она простиралась так далеко, как хватал глаз, и на её ровной поверхности кое-где поднимались невысокие холмы, поросшие лесом.

Казалось, на холмах и лугах Подземной страны царствует осень. Листва на деревьях и кустах была багряная, розовая, оранжевая, а луговые травы желтели, точно просясь под косу косаря. Позднее люди узнали, что такая окраска вообще была свойственна растительности Подземной страны, никогда не видевшей солнечного света. Колоссальную пещеру освещали клубившиеся под её невидимым снизу сводом золотистые облака. Они давали не очень много света, и в Подземной стране был сумрак, как на земле вскоре после

солнечного заката.

На все эти наблюдения у Руфа Билана оказалось достаточно времени, потому что Ортега с двумя подчинёнными повёл его к городу, смутно видневшемуся вдали. А остальные звероловы направились с Шестилапым к длинным низким строениям, по-видимому служившим стойлами для подобного рода «домашнего скота».

— Как называется город, куда вы меня ведёте, почтенный Ортега? — спросил Билан.

Вместо ответа он получил такой тычок, что отлетел на несколько шагов и еле удержался на ногах.

— Ни о чём не спрашивай, если тебе дорога жизнь! — грозно сказал Ортега. — В нашей стране низшие не имеют права задавать вопросы высшим!

В Руфе Билане заиграла былая спесь. Он хотел гордо возразить, что в верхнем мире занимал весьма высокое положение, но вовремя вспомнил, что теперь он раб, и смолчал.

«Как видно, здесь надо надеяться только на свои глаза и уши», — подумал Билан и начал внимательно осматриваться.

Он увидел очень много интересного. Дорога, вымощенная каменными плитами, пролегала

между полей, кое-где огибая холмы. Её ограничивали расставленные по обочинам столбики, окрашенные в нежно-зелёные, голубые, серебристые тона. И как приятно было останавливаться на них глазу после блёклых сумрачных красок подземелья…

На одном из полей, примыкавших к дороге, шла пахота. В огромный плуг был впряжён Шестилапый. Слегка косолапя толстыми круглыми лапами, он без усилий тащил плуг, из-под лемеха которого отваливались широкие пласты земли. За плугом шёл крестьянин в длинной холщовой куртке, в засученных панталонах, босой. На голове у него был поношенный оранжевый колпак с кисточкой наверху. Второй крестьянин, одетый, как и первый, вёл Шестилапого за уздечку, заставляя его поворачивать, когда плуг доходил до границы участка.

Это зрелище позабавило Руфа Билана.

«Вот, значит, зачем они ловят Шестилапых, — сказал он себе. — Такая скотинка может работать…»

Руф хотел спросить у своих провожатых, много ли таких укрощённых зверей у них в стране, но вспомнил недавний урок и прикусил язык. Вскоре им попался второй Шестилапый, а там и

третий. Должно быть, их немало использовалось на полевых работах.

Но тут Руф Билан увидел зрелище, которое заставило его оцепенеть от ужаса и присесть к земле. Откуда-то сверху, шумя длинными перепончатыми крыльями, слетел огромный дракон свирепого вида, со скользким белым брюхом, с жёлтыми глазами по чайному блюдечку величиной. На спине чудовища сидел человек в таком же кожаном костюме, какие были на охотниках, в оранжевом берете. Ортега и его спутники носили такие же оранжевые береты.

У человека, прилетевшего на ящере, за спиной был длинный лук и колчан со стрелами, в руке он держал копьё. Длинное бледное лицо его с крючковатым носом выглядело сурово.

Руф Билан понял, что это надсмотрщик за работами, потому что при его внезапном появлении два пахаря, отдыхавшие посреди поля, виновато вскочили, один начал погонять Шестилапого, а второй ухватился за ручки плуга. Надсмотрщик строго поговорил с крестьянами, очевидно, браня их за леность, потом взобрался на дракона и улетел. А в это время высоко среди облаков пронёсся второй такой же ящер с человеком на спине.

Подумав о том, что ему придётся работать под

надзором таких же надсмотрщиков, Руф Билан помрачнел и поник головой.

Ортега вёл пленника уже около часа. По расчётам Руфа Билана, давно должна была наступить ночь, а сумерки всё не кончались. Так же вверху светились золотистые облака, так же смутно виднелась даль, и темнел на холме город, к которому приближались пешеходы.

И тогда Билан понял, что здесь всегда одно и то же время суток — бесконечные сумерки. Но много недель прошло до той поры, пока глаза его приспособились к этому слабому освещению, и он привык так же различать предметы, как коренные обитатели подземелья.

Поля кончились, местность стала каменистой и возвышенной. Слева от дороги высилось сооружение, которое оказалось громадным валом с насаженными на него зубчатыми колёсами, большими шкивами и цепями, перекинутыми через них.

Руф Билан, несмотря на плохое настроение, невольно рассмеялся, увидев, что всю эту сложную систему приводили в движение два Шестилапых, ходивших друг за другом вокруг вертикального столба, к которому были прикреплены четыре прочные крестовины.

Из глубины шахты, над которой возвышался подъёмник, одна за другой поднимались тяжёлые бадьи с рудой и с грохотом опрокидывались над большой телегой на четырёх колёсах. Руфа Билана обуял неистовый хохот, когда он увидел, что и в телегу был запряжён Шестилапый, который смирно ожидал конца погрузки, мотая для развлечения большой круглой башкой.

Если бы Элли и Чарли Блек не сидели в это время на пиру у Страшилы Мудрого, а находились здесь, в Подземной стране, они наверняка узнали бы зверя. Это был тот самый, который напал на них в пещере, когда они шли освобождать Дровосека и Страшилу, и это ему Элли опалила косматые бока, приложив к ним горящие факелы. Шерсть ещё и теперь не совсем отросла, и на ней виднелись коричневые подпалины.

«Вот так рудокопы, — с невольным одобрением подумал Руф Билан. — Всё умеют повернуть себе на пользу…»

Вдали от дороги виднелись большие здания. Из их высоких труб вился дымок. Пленник догадался, что это фабрики и заводы, где выплавляется металл из добытой на шахтах руды и превращается в различные изделия.

Город Семи владык

Город стоял у большого озера, заключённого в плоских берегах. Пока шли вдоль берега, Руф Билан снова убедился, как изобретательны подземные жители. В воде было установлено громадное колесо с широкими лопастями, далеко отстоявшими одна от другой. Колесо вертелось, потому что по его лопастям карабкался кверху, убегая от настигавшей его воды, Шестилапый. Зверь очень устал, он дышал тяжело, из раскрытой пасти клубами падала пена.

— Поделом тебе, негодник! — зло бросил в сторону чудовища Ортега. — Покалечил нашего Ривалью, теперь покачай воду в Город Семи владык!

«Ага, так вот как зовут ваш город! Тут, видно, многое можно узнать, если открывать уши пошире! — злорадно подумал Билан. — Теперь я и без расспросов понимаю, что ваша страна разделена на семь частей, и в каждой правит свой король. Невелики же у вас королевства!..»

Маленькая группа остановилась у городских ворот. Крепостная стена была сложена из кирпича, побуревшего от времени, по верху её шли

зубцы, прорезанные бойницами. Ортега дёрнул за верёвку, свешивавшуюся сверху. В воротах открылось окошко, из него выглянуло угрюмое лицо часового. Узнав звероловов, часовой открыл калитку и впустил пришедших. Он с любопытством разглядывал чужестранца, но не осмелился задать вопрос.

«Значит, Ортега старше его по званию», — решил Руф Билан.

Город был невелик. По сторонам извилистых улочек стояли причудливо раскрашенные дома с высокими узкими окошками, с прочными дверями. Из окошек выглядывали любопытные женщины в оранжевых чепчиках и провожали глазами чужестранца.

Улица вывела на центральную площадь, посреди которой возвышалось семиугольное здание. Казалось, его строители окраской здания решили возместить недостаток ярких тонов в остальной части Подземной страны. У Руфа Билана зарябило в глазах, когда он увидел перед собой три смежные стены, выкрашенные в зелёный, голубой, синий цвета такой изумительной чистоты, что они могли поспорить с цветами радуги.

Каждая грань здания имела своё нарядное крыльцо с массивной дверью, перед которой сто-

ял часовой в красивом мундире соответственного цвета. Над каждой дверью висели песочные часы необыкновенного устройства, каких Руф Билан не видывал в верхнем мире. Там у богатых людей были песочные часы, но за их ходом следил слуга, и когда песок пересыпался из верхнего отделения в нижнее, он переворачивал их и на весь дом объявлял время.

А здесь длинная стеклянная трубка с перемычкой посредине была укреплена вертикально на большом круглом циферблате. Вряд ли Руф Билан понял бы, как действуют эти часы, но как раз, когда он проходил мимо голубой двери, последние крупинки песка пересыпались из верхней части трубки в нижнюю, и в тот же момент трубка автоматически перевернулась, а циферблат передвинулся справа налево на одно деление так, что против стрелки, укреплённой на конце трубки, оказалась следующая цифра. И сейчас же внутри часов мягко и приятно зазвонил колокол.

«Эти подземные люди — удивительные мастера», — с уважением подумал Билан.

Одно только показалось ему странно: трое часов над тремя дверями показывали разное время.

Руф Билан был дрянной человек, но он был

очень сообразителен. Он сразу догадался, что удивительное здание — дворец семи королей, правящих Подземной страной: ведь недаром же и самый город назывался Городом Семи владык. И очевидно, каждый из них выбрал своей эмблемой один из семи цветов радуги. Должно быть, из всех воспоминаний о верхнем мире, оставшихся у здешних людей после того, как им по неизвестным причинам пришлось уйти под землю, воспоминание о радуге было самым дорогим и волнующим…

«Теперь перед нами появится фиолетовая стена, за ней красная, а потом и оранжевая, куда мы держим путь, — решил Билан. — Потому что я попал в рабство к оранжевому королю, это ясно по цвету шапок его людей».

Бывший вельможа не ошибся в своих предположениях. Его ввели на оранжевое крыльцо, за ним мимо оранжевого часового прошёл в оранжевую приёмную Ортега, оставивший своих подчинённых у крыльца.

В обширной приёмной не было окон, но она достаточно ярко освещалась светящимися шариками, расположенными под потолком и на самом потолке. На одной из стен висели песочные часы в красивом футляре. По зале прохаживались

придворные в нарядных оранжевых костюмах, в шапочках, украшенных драгоценными камнями.

Увидев человека, какого никогда ещё не бывало в Подземной стране, придворные бросились к Ортеге и стали засыпать его вопросами. По званию они были выше Ортеги, и тот отвечал им с величайшей почтительностью.

— Накануне в двадцать восьмой пещере Заповедника были замечены следы Шестилапого, — начал рассказывать Ортега.

«Я погибал, заблудившись в подземном лабиринте, — подумал Руф Билан, — а у них, оказывается, все пещеры записаны под номерами. Да и то сказать, это их родной дом…»

Ортега продолжал:

— Когда мы благополучно закончили охоту и связали Шестилапого, один из наших увидел на карнизе стены вот этого человека. На мои расспросы он ответил, что сбежал из верхнего мира, потому что совершил гнусное преступление: предал врагам Изумрудный город…

Придворные разом отхлынули от Руфа Билана, как от зачумлённого. Послышались возмущённые и презрительные возгласы. Билан понял, что в подземном царстве предательство считается

таким же позорным делом, как наверху.

Один из придворных, статный старик с седыми усами и бородой, спросил у Ортеги:

— Господин королевский ловчий, что вы сделали с пойманным Шестилапым?

— Я отправил его в собственный его величества шестилапник, господин министр зверового хозяйства!

— Хорошо! Сами последите за его укрощением. Шестилапый номер двадцать три, поставленный на работу, оказался таким строптивым, что чуть не откусил голову своему вожаку.

— Слушаюсь, господин Кориенте!

«Да у них тут всё, как видно, числится под номерами», — в изумлении подумал Руф Билан.

Его предположение тут же подтвердилось, потому что Кориенте спросил у другого придворного:

— Господин смотритель королевских драконников, сколько снесла яиц драконица номер тридцать один?

— Шестнадцать, господин министр! Все они перенумерованы, заклеймены королевской печатью и помещены в инкубатор под надзором трёх часовых!

— То-то же! Вы знаете, что смотрители других

драконников не зевают, и если у нас пропадёт хоть одно яйцо, гнев его величества будет ужасен!

Руф Билан не успел ещё вдуматься в смысл этого разговора, как двустворчатая дверь в другом конце приёмной распахнулась, и пышный церемониймейстер, появившийся на пороге тронного зала, провозгласил:

— Его подземное величество, король Барбедо Двенадцатый, приказывает ввести пленного чужестранца в тронный зал Радужного дворца!

Аудиенция у короля

Фосфорические шарики, собранные пучками, развешанные гирляндами, укреплённые в люстрах, создавали в тронном зале необычайно яркое освещение, но оно не резало глаз, и странные светильники не отбрасывали от предметов тени. Не было от них и тепла, они испускали холодный свет.

Позднее Руф Билан узнал, что в каждом жилище Подземной страны имелись светящиеся шарики, так как окна пропускали внутрь домов слишком мало света. Количество фосфорических светильников определяло богатство человека. В домах вельмож они насчитывались десятками, а лачужку бедняка освещал единственный шарик, величиной с горошину. За шарики можно было купить дом, приобрести Шестилапого. Девушка, за которой в приданое давали пять шариков, считалась выгодной невестой…

Но всё это стало известно Билану впоследствии, а теперь он обратил взор в конец залы. Там на возвышении помещался королевский трон. В обширном кресле со множеством резных украшений сидел тучный человек с большой голой

головой. Это и был король Барбедо Двенадцатый. С его плеч свешивалась широкая мантия, расшитая оранжевыми цветами.

За спиной короля висели на стене такие же часы, как и в приёмной, но роскошно отделанные. Под цифрами были вставлены изумруды, а в устройстве часов имелось усовершенствование. Стеклянная трубка разделялась золотыми полосками на двенадцать частей, и по количеству остающегося в трубке песка можно было судить, сколько минут данного часа истекло.

Взгляд Руфа Билана остановился на часах мимолётно, а потом приковался к лицу короля, большому, круглому, схожему с циферблатом.

— Делай как я! — шепнул Ортега Билану и начал лягать себя поочерёдно то правой, то левой пяткой.

Пленник остолбенел от изумления. Не сразу понял он, что ловчий приветствовал короля по способу, принятому в Подземной стране. Но когда это дошло до его сознания, он начал лягаться так усердно, что перещеголял самого Ортегу, и кончил только тогда, когда тот дёрнул его за рукав.

Ловчий рассказал королю, при каких обстоятельствах был взят в плен чужестранец, что он собой представляет и почему попал в подземное

царство.

Король Барбедо сердито заговорил:

— Итак, тебя зовут Руф Билан, и ты был главным государственным распорядителем при нашем верхнем собрате, короле Урфине Первом?

— Так точно, ваше величество, — дрожащим голосом ответил Руф Билан.

— Ты скверный слуга! — сказал король. — Ты вдвойне скверный слуга! — с силой подчеркнул он. — Если ты, движимый честолюбием, предал своего правителя Страшилу, о мудрости которого мы здесь слышали, это ещё можно понять, хотя мы и не оправдываем это ни в какой мере. Страшила был твоим законным повелителем, он по праву явился преемником Гудвина Великого и Ужасного. А мы считаем, что подданные должны чтить своего повелителя, это их священная обязанность. Но уж если ты содействовал восшествию на престол короля Урфина, как же ты, будучи при нём первым министром, допустил его низвержение?! Повторяю, ты вдвойне скверный слуга, и мне думается, что следует отдать тебя в пищу Шестилапым: это будет для них приятное разнообразие после рыбного стола.

Руф Билан подполз к трону и, целуя сапоги короля, начал оправдываться.

— Но, ваше величество, — со слезами говорил он, — что я мог поделать против чар феи Элли и её дяди, могучего Великана из-за гор? Они сделали оружие, стреляющее огнём, и с его помощью сокрушили деревянных солдат Урфина Джюса, как будто то были детские дергунчики!..

Барбедо Двенадцатый, немного смягчившись, сказал:

— Оружие, стреляющее огнём, действительно страшная вещь! Мы проверим твои слова, когда придёт очередной день торговли с Жевунами. Обитатели верхнего мира считают нас слепыми и глухими, но это неверно. Даже и через закрытые ворота можно много услышать, особенно когда имеешь дело с такими болтливыми людьми, как твои сородичи. Но что мне с тобой делать до того времени?

— Всё, что будет угодно вашему подземному величеству, — ответил ободрившийся изменник.

— Умеешь ли ты готовить вкусные блюда из тех продуктов, что мы выменяваем у верхних жителей?

— У меня были повара, ваше величество!

— Сможешь ли ты мыть и натирать полы, выколачивать пыль из ковров и оконных занавесей?

— У меня были лакеи, ваше величество!

— Может быть, ты играешь на каком-нибудь музыкальном инструменте?

— Увы, ваше величество, я видел инструменты только в руках придворных музыкантов!

— Так что же ты можешь делать, никчёмный ты человек?! — закричал король, и его жирное брюхо затряслось от гнева.

— Я могу заниматься государственными делами, — робко ответил Руф Билан.

Король саркастически рассмеялся.

— Но я вовсе не хочу разделить участь Урфина Джюса, дела которого ты привёл к такому блестящему концу! И неужели у тебя совершенно нет никакого уменья?

— Я могу рассказывать сказки, — признался Руф Билан.

Король Барбедо обрадовался.

— Это как раз то, что мне нужно. С тех пор, как умер мой старый сказочник, меня по ночам мучит бессонница. Я привык засыпать под сказку…

— Во мне вы найдёте неутомимого рассказчика, ваше величество! — заверил Руф Билан.

— Хорошо, быть по сему. Я назначаю тебя нашим королевским сказочником в ранге помощника четвёртого лакея. Жить будешь с дворцовой прислугой.

Руф Билан вышел из тронной залы сияющий.

Жёлтое после оранжевого

В Подземной стране с её вечно одинаковым сумеречным светом разделять сутки на день и ночь приходилось искусственно. Не только в королевских покоях, но даже в самой бедной хижине днём светили фосфорические шарики, а на ночь они завешивались чёрной материей.

Город Семи владык просыпался по звуку большого колокола, который висел в башенке, венчавшей кровлю дворца. Колокол отбивал семь ударов, это означало семь часов утра. Занавески с шариков сдёргивались, хозяйки готовили завтрак, дети собирались в школу, взрослые принимались за свои обычные дела.

Звон колокола будил горожан и жителей ближних поселений. Но он не доносился в дальние деревни и посёлки рудокопов и фабричных рабочих. Их будили надсмотрщики, прилетавшие на драконах. Снижаясь над землёй, они пронзительно гудели в трубы. Эти резкие звуки заставляли жителей поспешно выбегать из лачуг и начинать трудовой день: они знали, что промедление грозит наказанием.

Законы Подземной страны были суровы: за

нерадивую работу наказывали плетью и даже заключали в тюрьму, правда, на срок не более трёх дней, но зато в это время совсем не давали арестантам пить и есть. И эта кара пугала крестьян и рабочих больше, чем плети.

На следующий день после своего появления в городе Руф Билан проспал до тринадцати часов (в Подземной стране счёт часов в сутках вёлся от нуля до двадцати четырёх). Его новые товарищи отнеслись к Билану снисходительно. Зная, что Руфу пришлось много перетерпеть за минувшие трое суток, они не стали его будить.

Когда Билан проснулся, лакейская была пуста. Чувствуя голод, Руф пошёл разыскивать кухню, где накануне ужинал с лакеями, но заплутался в незнакомых коридорах и очутился на площади. Там, спеша по своим делам, проходили горожане, и Билана удивило, что они были в жёлтых колпаках, тогда как накануне все носили оранжевые.

Руф Билан взглянул на башенку, венчавшую Радужный дворец. Оказалось, что на флагштоке развевался жёлтый флаг вместо оранжевого, висевшего там вчера.

«Что это такое? Государственный переворот? — подумал Билан. — Барбедо Двенадцатый свергнут, и его эмблемы заменены эмблемами

нового короля? Быть может, между приверженцами старого и нового монарха шёл бой, а я, сломленный усталостью, всё это проспал?..»

Но горожане ходили по площади совершенно спокойно, нигде не замечалось волнения, как бывает после больших политических событий. Руф Билан не знал, что и думать, как вдруг к своему удовольствию заметил среди прохожих знакомое лицо дворцового лакея. Он бросился к нему.

— Скажи, друг, что произошло сегодня ночью, и почему оранжевый цвет везде заменился жёлтым?

Лакей посмотрел на него свысока.

— А ты в каком ранге находишься? — ответил он вопросом на вопрос.

— Я? Я состою в ранге помощника четвёртого лакея.

— Как же ты позволил себе лезть с вопросами к третьему лакею его величества?! Почему ты не приветствовал меня, как положено?! И как ты смеешь обращаться к высшему на ты, нарушая один из основных законов страны?!..

— Извините, — только и мог вымолвить смущённый Билан, а лакей спесиво прошёл мимо, задрав нос, но тут же подбоченился левой рукой, а кулаком правой помахал перед лицом министра

Кориенте, направлявшегося во дворец.

Билан остолбенел от изумления.

«Поистине это самая непонятная страна в мире! — подумал он. — Вчера они приветствовали высших, дрыгая пятками, а сегодня машут перед ними кулаком!..»

На площади показался другой лакей, и Билан, помахав перед ним на всякий случай кулаком, обратился к нему.

— Прошу прощения, почтенный, в каком ранге вы изволите состоять?

— У меня ранг помощника четвёртого лакея, а зовут меня Фенелла.

— О, так ты равен мне по званию, друг Фенелла, и я могу свободно разговаривать с тобой, — обрадовался Билан.

— Я знаю, по какой причине ты попал сюда, Руф Билан, и потому не могу называть тебя другом, — холодно возразил Фенелла. — Но из чувства человечности я буду с тобой разговаривать и отвечу на вопросы, которых у тебя, наверно, накопилось немало.

— Да, у меня их множество, — подтвердил Билан. — Прежде всего, я просил бы объяснить, что означает смена оранжевого цвета жёлтым. Я хочу знать, почему у вас сегодня совсем не тот

способ приветствовать высших, что был вчера. Я хочу знать…

— Довольно, довольно! — перебил его Фенелла. — Твои вопросы далеко не простые, и они связаны между собой. Чтобы ответить на них, я должен хотя бы коротко рассказать тебе историю нашего государства. Но я иду обедать. Может быть, ты пройдёшь со мной на кухню, и там мы поговорим за тарелками супа?

— Я страшно голоден и с радостью составлю тебе компанию.

И оба новых знакомца вошли во дворец.

Немного истории

Когда Руф Билан и Фенелла уселись за столиком в ожидании, пока поварёнок принесёт им есть, Фенелла заговорил:

— Видишь ли, Билан, тебе повезло, что со своим вопросом ты обратился ко мне. Мало кто в стране мог бы ответить тебе с такой полнотой и ясностью. Дело в том, что я смолоду и до недавнего времени был летописцем, и прошлое подземного царства известно мне так же хорошо, как ловчему Ортеге Заповедник, где он ловит Шестилапых.

— Почему же ты бросил своё занятие и пошёл в лакеи? — спросил Руф Билан. — Насколько я понимаю, должность летописца гораздо почётнее лакейской.

— Это бесспорно, но я не по доброй воле сменил род службы, — с горькой улыбкой молвил Фенелла. — Я имел неосторожность вписать в летопись несколько критических замечаний по адресу семи королей. Я предназначал это для грядущих поколений, не рассчитывая, что мой труд попадёт на глаза его величеству Барбедо, так как он за всю жизнь ни разу не брал в руки книгу. Но, на мою беду, умер королевский сказочник, Барбедо

одолела ночью бессонница, и он заставил министра Кориенте читать ему мою летопись… и вот с тех пор я — лакей!

Руф Билан выразил разжалованному историку сочувствие, а в душе порадовался его несчастью. Ведь если бы Фенелла по-прежнему занимал своё высокое положение, то не разговаривал бы с ним, Биланом.

— Но я обещал тебе рассказать о том, почему сегодня государственный цвет вместо оранжевого стал жёлтым. Я не знаю, с каких пор и почему наши предки поселились в Подземной стране, но ими издревле правили короли. И вот пятьсот лет назад у нас царствовал король Тубаго, на беду нашу чересчур чадолюбивый…

— Разве можно быть слишком чадолюбивым? — удивился Руф Билан, накидываясь на суп, который подал ему поварёнок, помахав у него перед носом кулаком, и так близко, что чуть не смазал его по лицу. Видно, это было сделано из озорства, потому что мальчишка удалился, фыркая.

— Любовь к детям не всегда бывает разумна, — сказал Фенелла. — У короля Тубаго было семь сыновей. И он всех так любил, что не мог выбрать себе наследника. Ему всё казалось, что, отдав

предпочтение одному, он обидит остальных. И Тубаго додумался до мысли, которая показалась ему превосходной. Он издал закон, гласивший, что после его смерти все семь сыновей будут царствовать поочерёдно, по месяцу каждый.

— А чем нехороша эта мысль?

— От неё-то и пошли все наши несчастья, — отвечал Фенелла, прихлёбывая суп. — После кончины Тубаго его сыновья сразу заспорили, кому из них царствовать первому. Королевич Вагисса был самый длинный, и он утверждал, что порядок правления следует установить по росту. Толстяк Граменто требовал взвесить братьев, и первым станет царствовать тот, кто всех тяжелее, так как бóльшему весу соответствует и бóльший ум. Самый сильный из наследников, королевич Бофаро настаивал на принципе: «Сила рождает право». Он применил это принцип на деле, и в результате некоторые из спорщиков недосчитались зубов, у других были подбиты глаза, вывихнуты или поломаны руки и ноги… В конце концов, согласились принять порядок, установленный природой: править по старшинству. Первым вступил на престол королевич Дацциаро под именем короля Дацциаро Четвёртого, потому что до него жили три короля этого имени.

— Эта штука у вас великолепна, — сказал Руф Билан, управляясь с огромной порцией краба. — Откуда вы её достаёте? У нас такой не водится.

— Этих крабов придворные рыболовы вылавливают в Срединном озере. Они идут исключительно к королевскому столу.

— А вот мы же их едим?

Фенелла хихикнул.

— Ты, верно, слишком наивен, если не знаешь простой штуки: что едят короли, то едят и лакеи, и иногда вперёд королей.

— Жаль, что я этого не знал, когда был у власти, — заметил Билан. — Но возвратимся к твоему рассказу. Пока я не вижу в нём ничего плохого, кроме того, что наследники переломали друг другу руки и ноги и расквасили носы. Но, в конце концов, это их дело.

— Плохое началось очень скоро, — серьёзно возразил летописец. — Началось с того, что каждый король к концу своего срока только входил во вкус, ему казалось, что он процарствовал слишком мало, не успел ничего сделать, и если бы ему ещё дали время, он совершил бы славные дела…

— Вполне естественное чувство, — подтвердил Руф Билан, разгрызая орехи, поданные на десерт. — Точь-в-точь то же испытал и я, когда меня

насильственно оторвали от дел правления.

— Вы с Урфином Джюсом захватчики, народ хорошо сделал, что вышвырнул вас. Но для нас дело обернулось хуже. Наши короли были законные, и нам приходилось терпеть их причуды. У нас в Подземной стране всего сто лет назад появились хорошие песочные часы, а у наших предков с календарём дело обстояло совсем плохо. Определить точно срок правления каждого короля было трудно, и когда его величество Граменто Пятого уличили в том, что он оттягал от своего преемника целых двенадцать дней, была введена должность Хранителя времени при каждом короле.

— Это помогло? — полюбопытствовал Руф Билан, разгрызая последний орех и наливая в бокал вино из бутылки, поданной поварёнком.

— Не очень, — беспристрастно признался Фенелла. — Дело в том, что к тому времени календарь так запутался, что восстановить правильный счёт времени было трудно. Да и кроме того, каждый Хранитель времени старался жульничать в пользу своего короля…

— Да, всё это очень забавно. Ну, а как обстоит дело теперь?

— Теперь? Ты видел, что в каждом секторе двор-

ца часы показывают разное время? — спросил летописец.

— Я обратил на это внимание.

— Это отголосок старых неурядиц. Теперь урвать у преемника несколько дней уже не удаётся, спор идёт о часах, и всё же каждый Хранитель считает делом чести продлить правление своего повелителя хотя бы на четверть суток.

— Я на месте любого из них так же бы делал! — заверил Руф Билан.

— Не сомневаюсь в этом. И если бы ты не проспал сегодня, тебе было бы весьма поучительно посмотреть, какая свалка шла возле большого колокола. Слуги вымели с площадки и с лестницы столько волос, выдранных Хранителями друг у друга, что их хватило бы набить подушку.

— Бедные служаки! — посочувствовал Руф Билан. — За твоё здоровье! — сказал он, поднося к губам новый бокал вина. — Славное винцо! Королевское?

— А ты как думал? — рассмеялся летописец.

— Вероятно, после трёх-четырёх битв Хранители времени становятся лысыми? — предположил Билан.

— Ну, это не так. В Заповеднике есть ключ, вода которого удивительно действует на рост

волос. Достаточно побывать там два-три раза, совершить омовения лица и головы, и волосы вырастают гуще прежнего.

— Почтенный Фенелла, ты должен указать мне туда дорогу! — с жаром воскликнул Руф Билан, ощупывая свои жиденькие волосы. — И прости меня, я всё-таки не понял, какое зло принёс стране король Тубаго тем, что его наследники стали царствовать поочерёдно.

— Ты прав, Билан, — согласился Фенелла, глядя на круглые песочные часы, висевшие в кухне, как и во всех дворцовых помещениях. — Я не успел дойти до этого в своём рассказе, но уже пятнадцать часов, и если мы с тобой сейчас не явимся к церемониймейстеру, нашему главному начальнику, он посадит нас на сутки в карцер, где нам не дадут ни пищи, ни воды. Тебе по душе такая перспектива?

— Нет, я дослушаю твою историю в другое время…

Королевский сказочник

В эту ночь под мерное журчанье сказки Руфа Билана его подземное величество Барбедо Двенадцатый заснул быстро, как давно уже не засыпал, почивал спокойно и проснулся в хорошем настроении. То же произошло и в следующую ночь. Билан своим искусством превзошёл прежнего сказочника, и король к нему благоволил. Уже через три дня он возвёл Билана в ранг четвёртого лакея, а спустя неделю сказочник получил звание третьего лакея.

Такое необычайно быстрое возвышение создало Билану много завистников среди дворцовой челяди. Но в глаза ему льстили, так как трудно было предвидеть, до каких придворных ступеней поднимется пришелец из верхнего мира.

День торжества для Руфа Билана наступил, когда король за особенно затейливую сказку пожаловал ему чин второго лакея. В этот день он нарочно встретил третьего лакея Каристо, который оскорбительно обошёлся с ним на площади в день смены королей. Руф Билан дал Каристо здоровенный нагоняй за то, что тот будто бы плохо убрал приёмную. И хотя это была явная вы-

думка, Каристо не осмелился возразить ни одним словом и только униженно кланялся и повторял:

— Да, ваша честь! Так, ваша честь! Слушаюсь, ваша честь!

С тех пор Каристо бегал от Руфа Билана как от огня, потому что тот при каждой встрече старался показать ему свою немилость, заставлял работать вне очереди, посылал с неприятными поручениями.

Руф Билан носил теперь оранжевый кафтан с золотым шитьём, широкие панталоны, стянутые у щиколотки, и только по лицу Билана, широкому и полному, ещё не утратившему загара, можно было узнать выходца из верхнего мира.

Благодарность не входила в число душевных качеств Билана, и он теперь свысока смотрел на бывшего летописца Фенеллу, хотя тот первый посвятил его в дела подземного царства. Билан даже не счёл нужным возобновить беседу с Фенеллой, чтобы узнать от него, какие бедствия принёс указ короля Тубаго.

«Я сам разберусь во всех этих запутанных делах», — решил Билан.

Он познакомился с лакеями других королей, конечно, только с такими, которые были не ниже его рангом. Особенно часто заглядывал он в

лакейскую короля Памельи Седьмого, который сменил Барбедо Двенадцатого. Билан лелеял мечту стать сказочником Памельи: по его мнению, лучше было служить королю царствующему, чем такому, очередь которого править придёт только через полгода. Но, к огорчению Билана, оказалось, что Памелья Седьмой терпеть не может сказок, а засыпает только под бой барабана.

Болтая с лакеями жёлтого сектора, Руф Билан узнал очень любопытную вещь. Ему рассказали, что в день своего вступления на престол король Памелья отменил все указы и постановления короля Барбедо и приказал народу руководиться только теми законами, которые будет издавать он, Памелья.

В этом и была беда Подземной страны, на которую намекал летописец Фенелла. В стране не было твёрдых законов. Её жители не успевали за месяц привыкнуть к постановлениям одного короля, как они шли насмарку, и вместо них появлялись другие.

Один король требовал, чтобы при встрече с ним становились на колени. А другой король считал коленопреклонение насмешкой, за которую полагался день тюрьмы. Его надо было приветствовать, приложив левую руку с расто-

пыренными пальцами к носу, а правой помахать над головой. Перед третьим надо было подскакивать на одной ножке…

Так каждый правитель старался выдумать что-нибудь почуднее, до чего не додумались бы другие короли. А подземные жители стоном стонали от таких выдумок.

У каждого обитателя Пещеры был набор колпаков семи цветов радуги, и в день смены правителей все должны были надевать колпаки соответственного цвета. И горе тому, кто забывал переменить головной убор. За этим зорко следили воины короля, вступившего на престол. Они летали на ящерах, высматривали виновных и строго наказывали…

В одном только были единодушны короли. Никто из них никогда не отменял налогов, введённых его предшественниками, а, наоборот, придумывал новые. Налоги в Подземной стране взимались натурой. Жители отдавали королям бóльшую часть того, что вырабатывали. Королям принадлежала вся пахотная земля, и крестьяне платили за землю, за пользование Шестилапыми и плугами. Эта плата составляла три четверти урожая. Людям оставалось лишь столько, чтобы они не умирали с голоду.

Короли владели фабриками и заводами, рудниками, алмазными и изумрудными россыпями. Рудокопы и фабрично-заводские рабочие получали за работу продовольствие, но его давалось так мало, что рабочие и их семьи еле-еле могли существовать. А чтобы заработать на одежду и обувь, на предметы домашнего обихода, приходилось трудиться сверхурочно. И потому рабочий день в Подземной стране продолжался шестнадцать, восемнадцать, а то и двадцать часов в сутки. Люди надрывались на работе, чтобы удовлетворить потребности своих повелителей. А этих потребностей было много.

Каждый король в честь своего вступления на престол задавал пышный пир, на который приглашались придворные всех семи владык. Праздновались дни рождения королей, их супруг и наследников, отмечались удачные охоты на Шестилапых, появление на свет маленьких дракончиков в королевских драконниках и многое-многое другое… Редкий день в Радужном дворце не гремели возгласы весёлых застольников, вдоволь наугощавшихся вином верхнего мира…

Каждый король имел воинов. Они были опорой строя, держали народ в повиновении и потому

жили припеваючи, без нужды. Преданность монархам воспитывалась в них веками, и скорее обвалился бы свод Пещеры, чем удалось бы склонить воинов пойти против королей. Каждый король содержал целый штат придворных и многочисленную ораву слуг. В городе жили ремесленники, обслуживавшие население дворца: хлебопёки и кондитеры, сапожники и портные, ювелиры, маляры и столяры, оружейники…

Из мастеровых лучше всего жилось оружейникам: семь королей задабривали их, чтобы те не вздумали снабжать народ оружием: мечами, кинжалами, наконечниками для копий и стрел. Тогда власти наследников короля Тубаго пришёл бы конец.

Такая жизнь простых обитателей подземелья имела свои последствия: их численность сокращалась из поколения в поколение. Народ вымирал, и семь королей с тревогой подумывали о том, что скоро наступит время, когда рудокопы и крестьяне не в состоянии будут прокормить всех тех, кто живёт их трудом.

Болтливые языки поведали Руфу Билану, что семь королей и их министры не раз собирались на совет и размышляли, как выйти из положения. Они не думали уменьшать налоги. Ведь в

этом случае им самим пришлось бы взяться за работу, а на это не пошли бы не только короли и придворные, но даже лакеи.

И кое-кто на этих совещаниях со вздохом зависти говорил о том, как много рабочих рук в верхнем мире… Но вот вопрос, как этими руками завладеть? Нужно было пойти войной на Гудвина Великого и Ужасного, а об его волшебном искусстве в Подземной стране ходили поразительные рассказы. Из подслушанных речей Жевунов знали о способности Гудвина перевоплощаться в любое существо. А если это так, то он, вероятно, может превращать и других, и кто помешает волшебнику сделать семь королей и их армии пауками или рыбами?..

Эти важные соображения удерживали подземных владык от выступления против верхнего мира. Но вот в Пещере стало известно, что Гудвин Великий и Ужасный покинул Изумрудный город и отправился к своему другу, Волшебнику Солнце. И семь королей сразу вздохнули свободнее и начали строить завоевательные планы. Когда Руф Билан услышал об этих планах, в его чёрной душе закопошилась мысль:

«Вот хороший случай выдвинуться…»

Беспокойные сутки

Прошёл месяц с тех пор, как Руф Билан попал в Подземную страну. Он уже имел ранг первого лакея, и даже вельможи дружески отвечали на его приветствия, видя в пришельце восходящую звезду.

Кончался срок правления короля Памельи Седьмого, и надо было передавать власть Пампуро Девятому. Но Пампуро Девятый был ещё младенцем, и за него правила мать, вдовствующая королева Стафида. Стафида была женщина властолюбивая, ей хотелось поскорее сменить Памелью на престоле, и она приказала своему Хранителю времени Ургандо, коренастому старику с длинной бородой, перевести часы на шесть часов вперёд. Но Хранитель времени короля Памельи, Туррепо, был хотя и молод, но опытен. Он отвёл часы жёлтого сектора на шесть часов назад.

В Подземной стране начали твориться совершенно непонятные вещи. Едва городские обыватели успели сомкнуть глаза и погрузиться в первый сладкий сон, как дворцовый колокол пробил семь часов утра — сигнал к подъёму.

Заспанные, ничего не понимающие люди нехотя вылезали из постелей, собираясь приниматься за работу. Они поспешно натягивали на головы приготовленные с вечера зелёные колпаки. Царствование Памельи Седьмого окончилось, и появиться на улице в жёлтом головном уборе означало навлечь на себя беду. Но, наученные опытом, люди держали жёлтые колпаки под рукой.

Те, кто вышел на площадь, услышали сверху страшный шум и вопли: это дрались в дворцовой башенке Ургандо и Туррепо. Туррепо старался вытолкать Ургандо из башенки, чтобы отбить свой счёт времени. Но старик оказался сильнее, сбросил противника с лестницы, и тот покатился, пересчитывая ступеньки головой и рёбрами.

Древний обычай требовал, чтобы спор о передаче власти одним королём другому решался между Хранителями времени. При этом им не позволялось пускать в ход оружие, кроме собственных кулаков. Такой порядок установился после одного печального случая, когда ссора перешла в междоусобную войну, унёсшую много жертв.

Туррепо полежал на нижней площадке несколько минут, встал и снова полез наверх. И опять скинул его Ургандо. Туррепо не угомонился. Во

время третьей схватки он изловчился схватить противника за бороду, и они свалились с лестницы вместе. Ургандо так ударился о ступеньку головой, что остался лежать без чувств.

Туррепо немедленно дал сигнал отбоя. Глашатаи побежали по городу, приказывая жителям ложиться спать, а жёлтые воины оседлали драконов и отправились по деревням и посёлкам возвещать людям, что зелёные разбудили их преждевременно. Жёлтые колпаки тотчас явились на смену зелёным.

Победитель пошёл спать, не заботясь о лежавшем в обмороке Ургандо, а тот, очнувшись часа через полтора, поднялся в башенку и снова разбудил и город, и страну.

За сутки обитатели Пещеры вставали и ложились семь раз, пока упорный Туррепо не уступил сопернику. Жителям было возвещено, что на престол вступил его величество король Пампуро Девятый. Жители, не мешкая, сменили жёлтые колпаки на зелёные — уже в четвёртый раз за эти сутки.

Новая королева объявила, что низшие должны приветствовать высших, держа себя руками за уши и подскакивая от одного раза до семи в зависимости от ранга того, кого приветствуют.

Королева Стафида ввела налог на младенцев, родившихся в один месяц с его величеством Пампуро Девятым. Родителей обязали оплачивать счастье, которое, без сомнения, почувствуют их дети, когда осознают, что они — ровесники короля. Крестьяне должны были вносить лишнюю меру зерна от каждого урожая, а рабочие отрабатывать лишние три часа в месяц.

Все прежние налоги остались в силе.

Новое предательство Руфа Билана

В продолжение многих дней Руф Билан вынашивал план военного нашествия на жителей верхнего мира. Две цели преследовал предатель: отомстить соотечественникам за ужасы своего бегства и занять высокое положение в Подземной стране. Когда все мелочи были обдуманы до тонкости, Билан попросил министра Кориенте доложить его величеству Барбедо Двенадцатому, что он, Руф Билан, желает получить секретную аудиенцию. Руф видел короля каждый вечер, когда рассказывал ему сказки, но не хотел мешать серьёзное дело с пустяками и боялся, что король, лёжа в постели, не придаст должного внимания докладу.

В назначенный час Билан был впущен к королю, одиноко сидевшему на троне. Взяв себя за уши и высоко подпрыгнув семь раз (настойчивыми тренировками Билан достиг в этом деле порядочных успехов), он опустился на колени. Король обратил к нему своё лицо, похожее на циферблат песочных часов.

— Наш сказочник решил развлечь нас в неурочное время? — небрежно спросил он.

— Ваше величество изволит ошибаться, — возразил Билан, склонившись до пола. — Я пришёл по очень важному делу. Мне известны заботы, волнующие семь подземных владык…

— Вот как? — насмешливо перебил король. — Остаётся только попросить тебя разделить с нами бремя этих забот.

— Я предвидел, что ваше величество отнесётесь к моим словам пренебрежительно, — хладнокровно возразил Билан. — И всё же я осмеливаюсь представить вам разработанный мною план покорения верхнего мира.

— Что?! — Король вскочил, и его круглое лицо побагровело. — Ты действительно хочешь нам помочь?

— Да, это моё горячее желание.

Руф Билан начал излагать свой проект. Воевать с верхними жителями следует только по ночам, говорил он, потому что глаза королевских воинов не выносят дневного света. Правда, если бы удалось вовлечь в войну литейщиков и стекловаров, привыкших смотреть на яркий огонь в заводских топках, то это принесло бы большую пользу. Однако этот вопрос он, Руф Билан, оставляет на благоусмотрение семи владык. Главной силой всё же надо считать воинов. Следует наготовить

для них достаточный запас фосфорических шариков, какие, кроме находящихся в домах, имеются только у охотников.

Освещая себе дорогу этими шариками, воины будут ходить по дорогам, ведомые Руфом Биланом, и забирать в плен тех, кто может с пользой работать в Подземной стране. Чтобы избежать утомительных длинных переходов, можно воспользоваться ящерами. Ведь каждый ящер может свободно увезти пять-шесть человек.

— Нашествие вряд ли потребует от нас жертв, — говорил Руф Билан, — потому что мои соотечественники не любят и не умеют воевать. Я убедился в этом ещё тогда, когда Урфин Джюс осаждал наш город…

— Однако они разгромили Урфина с его деревянными солдатами, — перебил король.

— Это дело рук Элли и её дяди, — не смутился Руф Билан. — Но, по моим сведениям, они покинули Волшебную страну, и её жители по-прежнему стали беззащитными.

— Всё это хорошо, — заметил король Барбедо, — но ты позабыл, что в первый же день пребывания на земле все наши воины ослепнут, и их можно будет взять голыми руками.

— Этого надо избежать, ваше величество! Мы

сошьём для них шатры из плотной тёмной материи, и там они будут прятаться в дневное время.

— Да, ты всё продумал, — с удивлением согласился король. — Но какая же ты всё-таки подлая гадина! У тебя хватает духу так бессовестно предавать свою родину.

— Родина там, где человеку лучше, — возразил Руф Билан. — Я служу у вас один месяц, а вы уже возвысили меня до положения первого лакея, и я надеюсь, что на этом дело не остановится.

Король обещал вознаградить Руфа Билана за его заслуги, однако в его голосе звучало презрение. Но предателя это ничуть не смутило.

Большой Совет

Руф Билан выступил со своими предложениями на Большом Совете, где присутствовали семь подземных владык, их министры и придворные. Обычай требовал, чтобы на Совете присутствовали все короли, поэтому его величество Пампуро Девятый был принесён нянькой, завёрнутый в пелёнки. Как царствующему в этом месяце королю, ему полагалось возглавлять Совет и восседать на большом троне, воздвигнутом в центре конференц-зала.

Необычайно красочное зрелище представлял собою круглый конференц-зал, где заседал Большой Совет. Он разделялся на семь секторов, каждый для придворного штата одного из королей. И каким разнообразием отличались одежды подземных владык и их придворных!

В одном секторе блистали всевозможные оттенки зелёного цвета от самого тёмного до аквамаринового и нежно-изумрудного. Другой поражал переливами красного: киноварь, рубин, вишня, роза пленяли глаза чудесными сочетаниями. А дальше шли строгие синие и фиолетовые цвета, небесно-голубой, солнечно-жёлтый… Здесь

была бы посрамлена сама радуга, если бы она спустилась с неба в этот огромный подземный зал.

Глаз, утомлённый однообразными бурыми, коричневыми, тёмно-красными тонами, преобладавшими в природе Подземной страны, отдыхал и нежился на этом буйном празднике ярких красок. Как видно, недаром мудрый король Карвенто ещё тысячу лет назад издал закон, приказывавший вносить как можно больше цветных пятен в скудную окраску подземелья. Это по приказу Карвенто стены домов, столбы, ограничивавшие земельные участки, дорожные указатели окрашивались в яркие бирюзовые, голубые, жемчужные тона.

Вошёл последний запоздавший король, и можно было начинать собрание. Женщинам не разрешалось всходить на трон, и потому королева Стафида положила младенца на мягкое сиденье, стала сбоку и заговорила от имени сына:

— Мы, могущественный король Подземной страны Пампуро Девятый, открывая настоящий Совет, предлагаем всем его членам высказываться по долгу и совести. Первым имеет слово младший придворный советник Руф Билан.

Лакеи не имели права выступать на Большом Совете, и потому король Барбедо дал Билану

низшее придворное звание, обещая дальнейшие милости.

Руф Билан доложил собранию свой проект. Ораторы, выступавшие за ним, его поддержали. Недостаток рабочих рук ощущается уже давно, налогов с каждым годом поступает всё меньше, и семи королям приходится даже увольнять придворных и прислугу, что ораторы считали совершенно недопустимым. Большие площади пахотной земли пустуют, некому её обрабатывать. Торговля с верхним миром сокращается из-за недостатка работников на рудниках и заводах. Можно удлинить их рабочий день, но тогда им не останется времени для сна и отдыха, и они долго не выдержат.

Во время выступления пожилого советника с бородкой клинышком, доказывавшего, что предыдущий оратор неправ, и что крестьяне и фабричные без всякого ущерба для здоровья могут ещё работать час-другой в сутки, раздался пронзительный детский плач. Он донёсся с трона, где лежал Пампуро Девятый.

— Надо переменить его величеству пелёнки, да кстати и покормить короля, — объяснила королева Стафида.

Она взяла сына на руки, придворные дамы и

няньки окружили её, закрыв от зрителей, и всё необходимое было проделано. Заседание продолжалось.

— Нам нужно не менее тысячи пахарей, — заявил Бутера, министр земледелия короля Памельи. — Только я не знаю, хватит ли для них Шестилапых и найдутся ли плуги.

— Шестилапых мы наловим, сколько потребуется, — отозвался Ортега, считавшийся лучшим знатоком подземной охоты. — Государственный заповедник — неиссякаемый поставщик этого зверья.

— А плугов мы накуём, если нам дадут тысячу новых рабочих, — заверил министр промышленности короля Флуенто. — Правда, их придётся сначала обучить, но дело стоит того.

— Сможем ли мы набрать такое количество пленников в верхнем мире? — спросил у Руфа Билана король Барбедо.

Изменник рассмеялся.

— По моим данным, в одной только Изумрудной стране живёт не меньше десяти тысяч человек. А ведь есть кроме того Жевуны и Мигуны. Конечно, мы будем брать в плен только работоспособных мужчин, но я полагаю, что не составит труда набрать столько людей, сколько требуют уважа-

емые ораторы.

Слова попросил невысокий щуплый человек с умным лицом и вдумчивым взглядом серых глаз. Это был Арриго, советник короля Ментахо по экономическим вопросам.

— Да разрешит мне высокое собрание высказать некоторые мысли, давно меня волнующие, — начал Арриго приятным мягким голосом. — С древних времён повелось, что у каждого из семи подземных королей имеется свой штат министров, советников и придворных, насчитывающий не менее пяти десятков людей. Они помогают своему повелителю править государством только в течение одного месяца из семи, а остальные шесть месяцев ведут праздный образ жизни. Почему бы не установить такой порядок, чтобы существовал один лишь штат, который переходил бы от короля к королю при смене государей? У нас освободилось бы сразу триста пар рабочих рук, так необходимых нам в промышленности и сельском хозяйстве. Кстати, мне думается, что при таком порядке прекратилась бы обременительная для населения смена законов…

Дерзкое предложение Арриго ошеломило членов Совета, и многие из них повскакали с мест,

чтобы объявить о своём несогласии с ним. Но закон запрещал прерывать оратора, пока он не выскажется до конца. Королева Стафида восстановила порядок, и Арриго смело продолжал:

— Приняв моё предложение, короли могут уволить бóльшую часть дворцовой челяди, которая переполняет дворец и служит не столько монарху и его семейству, сколько министрам и придворным. Я подсчитал, что целая тысяча этих бездельников могла бы заняться производительным трудом. А когда все эти дармоеды слезут с народной шеи, нам вполне хватит своих ресурсов, и не придётся губить верхних жителей, которые не сделали нам никакого зла. Ведь ни для кого из вас не секрет, что перенесённые в чуждые им условия Подземной страны мужчины верхнего мира вымрут за два-три года. Что же, вы снова отправитесь за пленниками? В десяток лет вы обезлюдите всю верхнюю страну и не спасёте себя, потому что вы не подумали о самом главном! С кем вы будете торговать, когда заберёте в плен Жевунов? Кто будет поставлять вам фрукты, сыр, масло, наконец, вино, которое вы так любите пить на пирах? Проект Билана не выдерживает никакой критики ни с экономической, ни с нравственной точки зрения, и я предлагаю отвергнуть

его как бесчеловечный и бессмысленный!

Когда Арриго закончил свою горячую убедительную речь и сошёл с трибуны, разразилась буря негодования. Министры и придворные орали, махали кулаками, лезли на Арриго, намереваясь избить его. Слышались крики:

— Нам идти за плугом? Жариться у плавильных печей?! Отказаться от привилегий, унаследованных от предков, и вступить в ряды простонародья?! Да этот презренный человечишка с ума сошёл!!

Королева Стафида, рослая женщина с зычным голосом, едва уняла разбушевавшиеся страсти. Король Ментахо Одиннадцатый, поднявшийся на трибуну вслед за Арриго, объявил к общему удовлетворению, что он лишает дерзкого экономиста придворного звания и низводит его в младшие помощники шестого лакея. Ниже этого ранга не было при дворе. Арриго тотчас изгнали из конференц-зала. После этого прения закрылись.

Среди присутствующих было несколько человек, согласных с выступлением Арриго, но, устрашённые его участью, они не решились возвысить свой голос.

Большой Совет единогласно принял решение

начать войну.

Приготовления к войне

На следующий день после собрания Руф Билан получил звание главного королевского советника по военным вопросам. Низкая душа Билана возликовала: его сан равнялся министерскому, и он предвидел, что скоро станет первым человеком при дворе.

Главной заботой нового советника стало изготовление светящихся шариков. Этот процесс требовал долгого времени и больших хлопот. Светящееся вещество добывалось из шерсти Шестилапых. Для начала всех зверей остригли. В продолжение нескольких дней из шестилапников доносился вой и рёв. Звери не хотели расставаться со своей косматой шерстью, которая так хорошо грела их.

В Пещере всегда держалась одинаковая температура, не слишком высокая, не слишком низкая, но всё же обходиться без одежды было нельзя. А Шестилапым одеждой служила шерсть. Остриженные Шестилапые производили смешное впечатление: они походили на огромных неуклюжих котят. В первые дни после стрижки звери зябли, но это вызвало у них усиленный рост шер-

сти. Руф Билан радовался и рассчитывал, когда можно будет приступить к следующей стрижке.

Снятую шерсть вымачивали в огромных чанах, и когда взятые из чанов пробные клочки уже не светились в темноте, это показывало, что всё светящееся вещество растворилось в воде.

Раствор процеживали, сливали в металлические баки и выпаривали на медленном огне. В конце концов, на дне и стенках бака оседал кристаллический порошок, похожий на мелкую соль. Этот порошок светился так ярко, что натёртые им руки казались горящими.

Пока одни мастера готовили светящийся порошок, другие вытачивали шарики из твёрдого дерева, а третьи варили рыбий клей.

В завершительной части работы шарик намазывался клеем и посыпался фосфорическим порошком. Готовые шарики сдавались министру хозяйства, им вёлся строгий государственный учёт, потому что каждый шарик сохранял светимость в течение столетий.

Тем временем женщины шили палатки из прочной тёмной материи, непроницаемой для света, кузнецы ковали мечи и кинжалы, а также кандалы для верхних жителей, которые будут взяты в плен. Строители возводили хижины

для невольников, потому что убогие жилища крестьян и фабричных не смогли бы вместить всю массу людей, которых приведут в Подземную страну. Дрессировщики ящеров приучали крылатых чудовищ перевозить на себе по несколько человек сразу. Каменщики расширяли и углубляли коридор, ведущий в страну Жевунов. Это было необходимо для того, чтобы по нему могли пройти драконы.

Так в тайных подземных глубинах готовилось жестокое и коварное нападение на жителей верхнего мира.

Часть вторая
НАШЕСТВИЕ

Арриго

Срок выступления против верхних жителей приближался. У Руфа Билана хлопот было множество. В это время в лакейской случилось происшествие, на первый взгляд показавшееся незначительным. Шестой лакей короля Барбедо доложил вечером пятому лакею, что его помощник Арриго не вышел в этот день на работу. Пятый лакей доложил об этом четвёртому, тот третьему, и так по восходящей лесенке сообщение докатилось до главного советника Билана.

Руф Билан насторожился: Арриго казался ему подозрительным с того самого дня, когда он на Большом Совете отказался поддержать его мысль о войне против верхнего мира. Билан приказал разыскать Арриго, где бы он ни был.

Сначала во дворце, а потом и во всём Городе Семи владык поднялась суматоха. Арриго не нашли ни в его доме, ни у его родных, друзей, знакомых. Постепенно начали выясняться любопытные подробности. Королевский ловчий Ортега заявил, что у него пропал план юго-западного сектора лабиринта, а через этот сектор проходит дорога к Торговым воротам. Один из подчинённых Ортеги

прибежал испуганный: с его шапки исчез фосфорический шарик, а за потерю такого шарика полагалась суровая кара: он ценился дороже алмазов и изумрудов. Охотника посадили в тюрьму, но этим дело поправить было нельзя: очевидно, Арриго сбежал в верхний мир предупредить его жителей о том, что на них готовится нападение.

Это предположение подтвердилось. Погоня, посланная за беглецом, убедилась, что его видели по дороге на юго-запад ещё накануне вечером. Так как Арриго выиграл около восемнадцати часов, то поймать его было мало надежды. Всё же посланцы Руфа Билана дошли до Торговых ворот. Как всегда, ворота охранялись часовыми, но оказалось, что они пропустили беглеца. В Подземной стране фосфорические шарики на головных уборах носили только люди, пользующиеся доверием одного из королей.

— Это человек сказал нам, что послан его величеством Барбедо Двенадцатым с важным поручением в страну Жевунов, и мы не осмелились его задержать, — оправдывался начальник караула.

Погоня вернулась ни с чем.

Руф Билан пришёл в смущение: успех нашествия мог сильно пострадать, если верхние

жители примут меры к защите. Тотчас собрался Большой Совет и постановил немедленно выслать наверх армии, хотя и не всё ещё было готово к походу.

Честный Арриго давно задумал открыть верхним жителям, какая беда их ждёт. Зная, что ему грозит страшное наказание, если его замысел раскроется, он не посвятил в тайну даже своих семейных. Впрочем, Руф Билан не поверил их оправданиям: всех родственников Арриго посадили в тюрьму.

Когда беглеца хватились, Арриго уже сумел обмануть часовых и в начале ночи очутился в стране Жевунов. Арриго впервые был наверху. Ему приходилось слышать рассказы тех, кто торговал с Жевунами. Они говорили, что верхний мир совершенно не похож на подземелье, но то, что увидел Арриго, его ошеломило.

Над ним, как и в Пещере, раскидывался свод, но он не был скрыт золотистыми облаками, как внизу. Тёмно-синий купол неба уходил в неизмеримую даль, и из этой дали светили мириады ярких точек — звёзд. У Арриго закружилась голова, он еле устоял на ногах. И тотчас его властно охватили незнакомые запахи и звуки чуждого мира.

Дорога к поселениям Жевунов пролегала лесом. По бокам её росли невиданно высокие деревья с огромными бело-пурпурными цветами, испускавшими резкий аромат. С ветвей взлетали зелёные, красные, синие попугайчики, обеспокоенные светом. Из глубины леса доносились какие-то шорохи и шумы, заставлявшие испуганно вздрагивать пришельца.

Самый воздух, дышавший ночной свежестью, напоённый запахами цветов, опьянял путника, всю жизнь дышавшего застойным, душным воздухом Пещеры. Грудь Арриго высоко вздымалась, его переполняло чувство бодрости и силы.

— Семь подземных королей хотят оторвать верхних жителей от этой красоты, — бормотал Арриго, поспешно шагая по дороге. — Но это величайшее преступление, и я не допущу его хотя бы ценой своей жизни.

Наконец, пришелец встретил на своём пути деревню. Арриго понравились круглые домики Жевунов под остроконечными крышами, но ему некогда было любоваться их архитектурой. Он вошёл на крылечко первого дома и забарабанил в дверь.

На пороге показался заспанный хозяин и отпрянул, увидев человека в пёстрой одежде, с

шариком на голове, испускавшим яркий свет.

— Кто ты такой? Что тебе нужно? — спросил перепуганный Жевун.

— Зовут меня Арриго, я из Подземной страны, — ответил незнакомец.

— Мы обменивались товарами с подземными рудокопами совсем недавно, и следующий базарный день наступит нескоро…

— Речь идёт не о торговле, — воскликнул Арриго. — Вашей стране угрожает величайшая опасность, подземные короли собираются идти на вас войной!

Воздух верхнего мира сначала действовал на Арриго возбуждающе, но потом у него наступил упадок сил. И к тому же беглец ничего не ел больше суток. Последние свои слова он произнёс еле слышным голосом и в изнеможении опустился на порог.

Смущённый Жевун поручил жене позаботиться о ночном пришельце, а сам побежал будить односельчан. Через четверть часа вокруг Арриго собралась толпа маленьких мужчин и женщин в остроконечных шляпах с бубенчиками. Подкрепившийся молоком и фруктами Арриго смог связно рассказать слушателям о цели своего прихода. Жевуны тотчас разразились слезами, а

чтобы шляпы своим звоном не мешали им плакать, они поставили их на землю.

— Мы погибли, — всхлипывали Жевуны. — Мы не умеем сражаться, и нам не отразить нападение подземных воинов…

— Конечно, вы погибнете, если станете вести себя таким недостойным образом, — прикрикнул на них слегка раздражённый Арриго. — Надо не плакать, а действовать!

— Правда, правда, — согласились Жевуны, вытерли слёзы и надели шляпы.

А деревенский староста сказал:

— На полях Према Кокуса работают деревянные люди, сделанные Урфином Джюсом. Они очень сильны и смогут нас защитить.

— Кто этот Прем Кокус? — спросил Арриго.

— Это правитель нашей страны. Он живёт в трёх часах ходьбы отсюда.

— Ведите меня к нему.

— Нам страшно идти ночью… — Жевуны задрожали, и бубенчики на их шляпах зазвенели. — Не лучше ли подождать до утра?

— Да поймите же вы, беспечные люди, — рассердился Арриго, — что неприятель может нагрянуть на вас в следующую же ночь! И я не могу ждать до утра, потому что днём я не буду

ничего видеть.

Жевуны боялись ночной темноты, но гнев Арриго испугал их ещё больше. И трое самых смелых молодых Жевунов взялись проводить чужестранца в поместье Према Кокуса. Они пошли за Арриго, чудесный светильник которого освещал дорогу, и через три часа были на месте.

Разбуженный Прем Кокус сразу понял серьёзность дела. Он горячо поблагодарил Арриго за предупреждение.

— Я сделаю всё, что можно, — сказал он. — Из твоих слов я вижу, друг, что в сравнении с замыслами ваших королей действия Урфина Джюса были детской забавой. У меня работает дюжина дуболомов под начальством бригадира Бефара. Я отправлю их защищать дорогу, и, быть может, им удастся отбить первый натиск врага. А утром я пошлю в Изумрудный город, к Страшиле Мудрому, ворону Кагги-Карр, которая, к счастью, сейчас гостит у меня. Я надеюсь, что Страшила с его удивительными мозгами что-нибудь придумает…

Пока шли разговоры, приблизился рассвет. Шарик на шапке Арриго померк, а глаза пришельца начали слезиться, и вскоре в них появилась такая резь, что он принуждён был закрыть их рукой.

— Мне невыносим свет вашего дня, — признал-

ся он Кокусу.

Гостя тотчас отвели в тёмный подвал, где фосфорический шарик снова ярко засветился. В подвал принесли постель, еду, питьё и всё необходимое для того, чтобы Арриго с удобством провёл время до следующей ночи.

Вскоре Кагги-Карр вылетела в Изумрудный город.

Первый бой

Целый день по Голубой стране сновали гонцы Према Кокуса. Они предупреждали о грозящей опасности и советовали людям скрываться в лесных дебрях.

— Не собирайтесь большими группами, — говорили гонцы. — Шляпы оставляйте дома, а то не удержитесь от соблазна надеть их, и звон бубенчиков выдаст вас врагу.

И уже после полудня по дорогам и тропинкам Голубой страны заскрипели тачки. Жители деревень увозили самое ценное имущество, угоняли коров и овец. Крохотные детишки с радостным визгом вертелись под ногами родителей: всё происходившее казалось им праздником. Взрослые глядели сумрачно. Они не плакали, но на сердце у них было тяжело: когда-то придётся вернуться в родные дома?

Однако иные не приняли всерьёз предупреждение Према Кокуса: им просто невероятно казалось, что подземные жители появятся наверху после того, как столько столетий жили в подземелье.

— Пришелец из Пещеры просто пугает нас,

чтобы позабавиться нашим страхом, — сказали они и остались в домах.

К вечеру из поместья Према Кокуса потянулся печальный караван. Сам старик, занятый спасением других, оставался в усадьбе, пока все её обитатели не ушли. Тогда он повёл деревянных работников к месту, наиболее удобному для защиты. Дорога там суживалась и пролегала среди болот, через которые невозможно было пройти. Так как деревянных людей не могли вывести из строя раны, нанесённые мечами и копьями, то Прем Кокус надеялся, что маленький отряд Бефара продержится до прихода подкреплений, которые вышлет Страшила.

Оставив дуболомов в боевой готовности, Прем Кокус поспешил домой, чтобы отвести в лес Арриго. Это можно было сделать только после захода солнца. Хлопоты отняли у Кокуса так много времени, что, когда он вернулся в поместье, наступила ночь. Он вывел гостя из подвала, и фосфорический шарик осветил грустную картину безлюдья в прежде оживлённой усадьбе. У Кокуса чуть не покатились из глаз слёзы, но он сумел сдержать себя.

В тот момент, когда Прем Кокус собирал последние вещи, которые могли понадобиться в лесу,

издали донеслись высокие скрежещущие звуки.

— Драконы! — в ужасе воскликнул Арриго. — Они вывели из Пещеры драконов! Положение деревянных людей безнадёжно!..

Трагедия на дороге развёртывалась так. Бойцы Бефара, вооружённые топорами и ломами, преградили путь врагам. Деревянные люди никогда не уставали, поэтому ожидание их не утомило. Свечерело, но они видели в темноте так же хорошо, как днём, им не нужны были ни фонари, ни факелы. Впрочем, факелы они и не решились бы зажечь, потому что боялись огня.

И вот в отдалении послышался топот: это приближался передовой отряд армии семи подземных королей. Над тёмной дорогой колыхались ровные ряды светящихся шариков, и это зрелище ввело в смущение дуболомов: им показалось, что там горят факелы. Всё же они устояли на месте и только крепче сжали в руках оружие.

Неприятельская колонна остановилась, и вперёд вышли воевода Гаэрта и проводник Руф Билан.

При виде мощных деревянных людей, вплотную перегородивших дорогу, Билана проняла дрожь, и исход сражения показался ему сомнительным. Гаэрта, воевода короля Эльяны, плот-

ный, широкоплечий, неразговорчивый человек, предоставил вести переговоры Руфу Билану.

— Слушайте вы, дуболомы, — начал Билан. — Вы хотите драться, но сопротивление бесполезно. Я предлагаю вам сдаться.

— Кто ты такой и что тебе нужно в нашей стране? — спросил Бефар.

— Как, разве ты меня не узнаёшь, почтенный Бефар? Я — Руф Билан, бывший государственный распорядитель его величества короля Урфина Джюса.

— Не знаю никакого Руфа Билана! Не знаю никакого Урфина Джюса!

С тех пор, как дуболомам вы́резали новые лица, они начисто забыли своё прошлое.

— Ты не помнишь меня, Бефар, но я питаю к тебе истинную дружбу, — продолжал Руф Билан. — И потому предлагаю тебе и твоим подчинённым признать власть семи подземных королей, от имени которых я объявляю эту страну покорённой.

— Не знаю никаких подземных королей! — непоколебимо заявил Бефар. — И если ты ступишь ещё шаг вперёд, я размозжу тебе голову!

И он взмахнул тяжёлым колуном. Билан в страхе отскочил.

— Воевода, прикажите воинам стрелять! — закричал он.

Натянулись тугие луки, и стрелы с железными наконечниками вонзились в деревянные груди дуболомов. Те хрипло рассмеялись и обломили древки стрел.

Руф Билан не знал, что делать.

— Я сожгу вас огнём! — пригрозил он.

Но из рядов войска Эльяны послышались испуганные крики:

— Не надо огня! Он ослепит нас!

Некоторые воины попытались обойти дорогу стороной, но увязли в болоте, и их еле вытащили товарищи. Воеводу и Руфа Билана охватила растерянность.

Но в это время сзади послышался нарастающий гул и скрежет. Это воевода Фантроно протащил ящеров сквозь подземные коридоры и спешил к полю битвы. Чудовища, блестя белыми скользкими животами, хлопая перепончатыми крыльями, спускались на дорогу, неся на себе воинов.

Фантроно и Гаэрта обменялись несколькими словами, и ящеры быстро перенесли вновь прибывшее подкрепление в тыл дуболомам. Те не выдержали. Ведь с той поры, как искусные мастера сделали им новые лица и превратили их из

свирепых солдат в мирных трудолюбивых работников, они утратили и былую воинственность.

Дуболомы сдались. У них отобрали оружие, и несколько конвоиров повели их в подземелье.

По указаниям Руфа Билана отряды воинов рассыпались по окрестностям и начали обшаривать жилища Жевунов. Меры, принятые Премом Кокусом, сделали своё дело. Большинство домов оказались безлюдными, но нашлись и такие, обитатели которых не поверили предупреждениям. Взрослые мужчины были схвачены и отведены на сборный пункт.

А Руф Билан на ящере в сопровождении нескольких солдат отправился в поместье Према Кокуса. Он был там через несколько минут, и ему удалось захватить Арриго и сопровождавшего его правителя. Они не успели скрыться.

Радость Руфа Билана не имела границ. Он злобно издевался над Арриго.

— Эх ты, миротворец! Задумал дело, да не сумел довести до конца. А я вот за твою поимку получу хорошую награду от королей…

Так как у Билана было много дела, он решил отправить Арриго в Пещеру следующей ночью. Во владениях Кокуса был прочный сарай. Он и послужил тюрьмой для пленника. Билан втолкнул

его туда, сорвав у него с шапки фосфорический шарик.

— Ночью ты без него не уйдёшь, а днём и сам не решишься вылезть на белый свет, — насмешливо заметил он.

Впрочем, для большей надёжности он оставил у дверей дракона, а сам с солдатами пошёл на сборный пункт. Ему предстояла забота устроить лагерь для воинов, где они укрылись бы на дневное время.

Под его руководством было поставлено несколько десятков палаток, в них вместо постелей набросаны ветки, а когда воины улеглись спать, лагерь плотным кольцом окружили драконы.

Громадные ящеры не влезли бы ни в какие палатки, поэтому изобретательный Руф Билан придумал сшить им на головы плотные тёмные капюшоны, которые защищали их глаза от дневного света. Оставить драконов на дневное время слепыми не представлялось опасным, потому что чудовища отличались необычайно чутким слухом и не подпустили бы к себе врага.

Пойманные Жевуны тоже находились в лагере под охраной ящеров. Теперь они горько оплакивали своё легкомыслие, заставившее их пренебречь советами Према Кокуса.

Арриго лежал на полу сарая в самом мрачном настроении. Его ждала ужасная смерть, и единственным утешением служило то, что большинство Жевунов всё же избежали плена благодаря его смелому поступку.

Уже наступил рассвет, когда послышался какой-то шорох, и тихий голос спросил:

— Как дела?

— Кто это? — отозвался пленник.

— Я — Мин Кокус, сын правителя. Я пришёл за тобой.

— Но как тебе удалось сюда пробраться?

Юноша хихикнул.

— Отец часто сажал нас с братом в этот амбар за шалости. А мы тайком от него устроили так, что две доски сзади вынимаются, и вот…

— Но я же ослепну, когда выйду наружу.

— А ты примерь вот это.

Мин Кокус подал Арриго очки со стёклами тёмно-зелёного цвета, почти переходящего в чёрный.

— Я нашёл это в доме. Отец однажды привёз их на память из Изумрудного города. Он говорил, что они лишают солнечный свет его силы.

— А что с твоим отцом?

Мин счастливо рассмеялся.

— Он в лесу, с остальными. Его не забрали по старости. И вправду, какой из него работник?

Беглец надел очки и сразу почувствовал себя лучше.

— Свет стал для меня таким же, как в Пещере, — радостно прошептал он.

Юнрша принёс с собой одежду Жевуна на рост Арриго. Тот переоделся.

— Как я рад, что избавился от этого постылого шутовского одеяния, — молвил он, сбрасывая лакейскую ливрею.

— Погоди, — сказал Мин с шаловливой улыбкой.

В углу амбара лежала солома, и молодой Жевун набил ливрею так, что она стала похожа на фигуру человека.

— Пусть Руф Билан думает, что волшебники нашей страны превратили тебя в соломенное чучело!

Затем Мин Кокус и Арриго осторожно выбрались из сарая, и сын правителя осторожно приладил доски на место. Беглецы потихоньку удалились, чтобы не встревожить чуткого дракона.

Завоевание Изумрудного города

Кагги-Карр ворвалась в Изумрудный город со страшным шумом. Ещё пролетая по тенистым улицам с нависшими над мостовой крышами, она кричала во всё горло:

— Тревога! Тревога!! Враги!!!

Длиннобородый Солдат, стоя на стене дворца, по обыкновению забыл всё на свете, расчёсывая золотым гребешком свою роскошную бороду. Но Кагги-Карр села ему на плечо и так оглушительно каркнула в ухо, что Дин Гиор выронил из рук расчёску.

— А? Что такое? Что случилось?

— Случилось такое, что нам снова надо браться за оружие!

В сопровождении Дина Гиора ворона прилетела в покои Страшилы и рассказала правителю о том, какая новая беда нависла над страной.

Когда Страшила со своими придворными, Длиннобородый Солдат и Кагги появились на дворцовой стене, площадь уже была полна народом. Захват власти Урфином Джюсом дал слишком памятный урок, и теперь горожане не могли остаться равнодушными при известии о

новой опасности.

Рассказ Страшилы о жестоком замысле семи подземных королей был встречен бурей негодования. Раздались возгласы:

— Мы не покинем наш чудесный город! Лучше смерть, чем неволя! Все на защиту стен!!

Сыпались проклятия на голову Руфа Билана, подлая роль которого стала известна. Горячие головы даже предлагали сжечь дом Билана, но угомонились, сообразив, что от пожара может сгореть весь город.

Началась кипучая работа. Жители помнили, что если бы они не отказались оборонять городские стены, армия Урфина Джюса отступила бы с позором. Поэтому вереницы людей стаскивали на стены камни, вынутые из мостовых. Другие готовили большие котлы — кипятить во время осады воду, чтобы лить на головы штурмующих.

Всеми работами руководили Страшила, Дин Гиор, снова вступивший в должность фельдмаршала, и Страж ворот Фарамант. Но среди них не было Кагги-Карр, она выполняла очень важное поручение. Страшила отправил её в Фиолетовую страну к Железному Дровосеку. Ведь Мигуны тоже должны приготовиться к нападению.

Из рассказа Арриго, принесённого вороной,

люди узнали, что нападение на город случится ночной порой. Поэтому, когда на стенах оказалось достаточно оборонительных материалов, Дин Гиор предложил жителям отдохнуть, чтобы набраться сил на ночь.

Мало, впрочем, нашлось сильных духом, которые смогли бы спать в ожидании таких грозных событий.

Когда наступила ночь, все взрослые горожане, вооружённые кто чем мог, стояли за стенами и на стенах. Были мобилизованы дуболомы, работавшие в окрестностях. Их набралось около пятидесяти. Страшила и Дин Гиор втайне возлагали на дуболомов больше надежды, чем на неопытных в военном деле горожан. Дин Гиор и Фарамант долго беседовали с деревянными людьми и внушали им, что их священной обязанностью является защита Изумрудного города.

Ночь проходила спокойно, и скоро всё храброе войско храпело на разные лады. Только бессонный Страшила да дуболомы до рассвета ходили по стене и несли караульную службу.

Долгое ожидание истомило людей, не привыкших к воинской дисциплине, и на следующую ночь уже не все защитники заняли свои посты.

Страшила первым заметил приближение вра-

гов. Его призыв поднял всех. Тревога передалась и в город, и оттуда бежали люди, крича во всё горло, размахивая кухонными ножами и выбивалками для ковров. Но дуболомы стояли в суровом спокойствии, держа в руках тяжёлые палицы и топоры.

На дороге, вымощенной жёлтым кирпичом, показалась неприятельская армия. Издали зрелище представлялось совершенно безобидным: как будто сотни светляков, построившись рядами, мирно путешествовали по своим делам. Но когда воины приблизились к воротам, под фонариками стали видны бледные длинные лица с крючковатыми носами, со свирепым взглядом. На воинах были тёмные кожаные костюмы, в руках они держали мечи, за спинами виднелись луки и колчаны со стрелами.

И снова для переговоров вышел вперёд Руф Билан. Но переговоры не состоялись. Едва лишь Страж ворот Фарамант увидел полное пухлое лицо предателя, его наглую усмешку, как пришёл в ярость. Он схватил со стены булыжник и метнул в Билана с такой меткостью и силой, что сшиб того с ног. Билан на четвереньках уполз назад.

Тотчас же подземные солдаты выхватили из-за спин луки.

— Ложись! — громовым голосом закричал фельдмаршал и первый подал пример.

Люди скрылись за зубцами стен. Только дуболомы остались стоять и презрительно обламывали стрелы, наконечники которых засели в их деревянных телах.

Началась битва. В город летели стрелы, никому не причиняя вреда, а защитники, прячась за стеной, метали камни, черепицу, куски стекла, которые тоже не достигали цели.

Вскоре оказалось, что нападение на стену было устроено Гаэртой с единственной целью привлечь сюда всех защитников города. Из-за ближнего леса поднялись громады летучих ящеров, которые несли вооружённых воинов. Ящеры мигом перенеслись через стены и наводнили город. Одни опустились на кровлю дворца, на крыши домов, другие на улицы и площади. С них спрыгивали люди и разбегались по городу, сея ужас и панику.

Изумрудный город снова стал добычей врагов.

В следующие дни произошли трагические события, каких не бывало в Волшебной стране даже тогда, когда там ещё жили злые волшебницы Гингема и Бастинда. Мужчин, которые могли работать, выводили из города, заковывали в

кандалы и под надзором конвоиров отправляли в Пещеру.

Люди уходили из родного города навсегда, а им даже не разрешалось проститься с жёнами и детьми. Горе разрывало им сердце, но перед гнусным предателем Руфом Биланом, который отбирал невольников, они держались гордо и не тратили слов на жалобы.

Колонны рабов уходили по ночам, а днём из города, обложенного чуткими драконами, никому не удавалось ускользнуть.

Страшилу и Фараманта отправили в последнюю очередь. Бывшие подданные бережно поддерживали бывшего правителя, потому что от горя он едва переступал своими мягкими соломенными ногами.

Дин Гиор остался в Изумрудном городе. Поглядев на его удивительную седую бороду, спускавшуюся до земли, Гаэрта решил, что от такого работника проку не будет, и презрительно махнул на него рукой.

* * *

...Последняя колонна пленников ушла. Захватчики, усевшись на спины драконов, полетели в страну Мигунов. Из города снова можно было

выходить, можно было в него возвращаться, но он представлял собой картину безвыходного горя. Завоеватели увели цвет населения — всех сильных, здоровых мужчин, кормильцев семей.

Когда наступило утро, раздался звон колокола. Печальные, недоумевающие старики, женщины и дети поспешили на площадь. На стене стоял Дин Гиор. От его обычной рассеянности не осталось и следа, взгляд был суров и сосредоточен. Он заговорил звучным голосом, разнёсшимся по всей площади:

— Страшила, трижды Премудрый правитель Изумрудного города в момент расставанья поручил править городом мне. И я собрал вас в этот тяжкий час, чтобы сказать вам: сохраняйте надежду!

По площади пронёсся гул оживления, люди недоверчиво переглядывались друг с другом. А Длиннобородый Солдат продолжал:

— Я не буду приводить из старинных летописей примеры несчастий, обрушивавшихся на нашу страну. Скажу о недавнем: не казалось ли нам, что жестокий Урфин Джюс отнял у нас всю радость жизни? И однако, беда миновала. Вы скажете: эта беда неизмеримо хуже прежней. Да, это так! Но разве Подземная страна находится

за Кругосветными горами и Великой Пустыней? Она здесь, под нами… — Пылкий оратор стукнул по стене своим фельдмаршальским жезлом. — И если подземные жители смогли придти к нам, чтобы внести горе в наши дома, то, быть может, и мы найдём к ним дорогу и сумеем вернуть наших близких! Так не будем же терять бодрости, станем работать так, чтобы заменить ушедших, и чтобы наши дети не терпели нужды!

В толпе раздались возгласы одобрения, люди стали смелее смотреть в будущее.

— А я, — закончил свою речь фельдмаршал, — я, как вам известно, имею некоторые познания в военном искусстве и буду искать средства справиться с подземными захватчиками.

Жители Изумрудного города разошлись по домам ободрённые. И прежде всего они решили возвратить городу его прежний красивый вид. Люди принялись заново укладывать мостовые, восстанавливать разобранные крыши.

За этими занятиями им стало легче: ведь лучшим лекарством от горя служит труд.

Звери выходят из леса

— Ну что же, надо получше наточить топор, — сказал Железный Дровосек, услышав о нашествии армии семи подземных королей.

Кагги-Карр, принёсшая это известие, не стала задерживаться в стране Мигунов. Она полетела в царство лесных зверей, которым правил Смелый Лев. Ворона надеялась, что Лев не оставит в беде своих старинных друзей — Страшилу и Железного Дровосека.

Царство Смелого Льва лежало за Большой рекой, не доходя до горы Прыгунов. Кагги-Карр не поленилась сделать большой крюк, чтобы подразнить Прыгунов, сварливый нрав которых был известен всей стране. Прыгуны подпрыгивали очень высоко, но не могли ухватить крылатую насмешницу.

Отведя душу, ворона направилась в лес и разыскала Льва в огромной комфортабельной берлоге, которую ему выкопали кроты и барсуки. Там он жил со своей львицей и львятами, пользуясь уважением всех зверей за справедливый нрав.

Выслушав ворону, Лев огорчился.

— Беда за бедой сваливаются на нашу страну, —

грустно молвил он. — Мы стали так счастливы, когда Элли уничтожила злых волшебниц, и когда мы трое, Страшила, Дровосек и я, сделались правителями. Но достаточно было Элли уехать, как появился коварный Урфин Джюс с его деревянными солдатами. И опять Элли пришла к нам на помощь…

— Не забывай, что с ней был Чарли, — заметила ворона.

— Что ты, Кагги, разве я могу забыть этого превосходного человека! — с жаром воскликнул Лев. — Но сейчас всё горе в том, что с нами нет ни Элли, ни Чарли, и мы должны всё решать своим умом.

— Страшилу бы сюда! — вздохнула Кагги-Карр.

— Да уж он что-нибудь придумал бы своими великолепными мозгами! — с гордостью за друга согласился Лев. — Но так как, к нашему великому несчастью, никого из них здесь нет, то уж будем сами решать, что делать.

— Знаешь, Кагги, — после некоторого раздумья промолвил Лев, — я, пожалуй, соберу ополчение, и мы двинемся на помощь Дровосеку. А потом подумаем, что можно сделать для Страшилы.

— Великолепная мысль! — одобрила Кагги-Карр.

Тотчас по лесу помчались вестники-зайцы, крича на всех перекрестках, что царь Лев собирает всеобщее ополчение. Чтобы косых гонцов не съели тигры и леопарды, было объявлено Великое перемирие. Отныне хищники не смели обижать своих младших братьев, а уж если кому придётся невтерпёж, тот может пожевать травки или утолить голод фруктами.

Серьёзным препятствием на пути в Фиолетовую страну являлась Большая река, на переправе через которую когда-то терпели бедствие Элли и её друзья.

Тигры, леопарды, пантеры, рыси не любили воды, да и сам Лев пускался вплавь лишь в случае крайней необходимости. Но в лесу были речки, а в речках жили бобры, великие строители плотин. В тот же вечер все бобры были мобилизованы, и из них сформировали строительный полк под командой главного инженера Острые Резцы.

Полк отправился вперёд, получив задание за один день построить наплавной мост через Большую реку. К бобрам прикомандировали батальон обезьян — шимпанзе, макак и павианов, тащивших огромные связки лиан — связывать брёвна.

Как только строители подошли к реке, закипела работа. Бобры подгрызали деревья, росшие

на берегах, и сталкивали их в воду. Там они подводили одно бревно к другому, а шимпанзе и макаки прочно скрепляли их верёвками-лианами. К назначенному сроку мост был готов, и связисты-попугаи полетели доложить об этом Смелому Льву.

В полночь начался великий исход из леса. В чинном порядке шли один за другим батальоны ягуаров, кугуаров, медведей, шли роты пум, рысей, пантер. Особая воинская часть была сформирована из обезьян-ревунов. От них не ждали непосредственного участия в битве, но их громовой рёв должен был внести смятение в ряды противника.

Обоз составляли мощные буйволы, туры и зубры: они несли на спинах связки бананов и других фруктов — продовольствие для армии, хоть и не очень прельщавшее хищников, но годное для утоления голода.

Простившись с женой и детьми, Лев отправился во главе роты тигров: это была его личная гвардия. Полководца сопровождали птицы-адъютанты и птицы-секретари. Адъютанты должны будут передавать распоряжения главнокомандующего армейским частям, а секретари вести летопись похода и ведать распределением про-

довольствия.

Кагги-Карр сидела на спине Льва и хвалила его за мудрый распорядок в войске. Лев жмурился и мурлыкал от удовольствия, как огромный кот.

Потом ворона загорелась желанием узнать, как Железный Дровосек готовится к обороне, и она, опережая звериную армию, полетела в страну Мигунов.

Арьергард сухопутных сил составляли неисчислимые полчища крыс. Их нельзя было пустить вперёд: они сгрызали на своём пути всю траву до последней былинки и оставляли за собой голую пыльную пустыню.

Эскадрильи орлов, кондоров, ястребов, коршунов тронулись в путь через двое суток после выхода главных сил: скорость их движения была намного больше, чем у сухопутного войска.

Каждую эскадрилью вела опытная, поседевшая в боях птица, и вся воздушная армада летела в грозном порядке, затмевая небо.

Дворец-крепость

Кагги-Карр убедилась, что жители Фиолетовой страны готовы встретить врага. Мигуны не захотели последовать примеру Жевунов, бросить дома и скрыться в пустыне и дебрях. Они помнили свою доблестную борьбу с деревянными солдатами Урфина Джюса и решили так же смело сражаться с выходцами из подземного мира.

Железный Дровосек и его подданные верили в неприступность дворца, построенного давным-давно злой волшебницей Бастиндой. И действительно, этот дворец представлял из себя настоящую крепость. Запершись в нём, можно было отбить любое вражеское нападение.

Всё население Фиолетовой страны не смогло бы поместиться во дворце, поэтому женщины, дети и старики ушли в степь. Среди высоких трав они построили маленькие шалашики, укрылись под ними, и только очень искусный разведчик мог бы их обнаружить.

А мужчины, способные воевать, вооружились и собрались в крепости. Они заготовили достаточное количество провизии и воды. Лестар, лучший мастер страны Мигунов, отличившийся

в войне с Урфином Джюсом, посоветовал припасти несколько сотен смолистых факелов, и его предложение было выполнено.

Защитники обили двери дворца снаружи и изнутри листовым железом, а для окон изготовили прочные ставни. Дворец стал походить на орех в прочной скорлупе, и разгрызть его было не так-то легко.

Три дня и три ночи прошли спокойно. Наконец, Кагги-Карр, наскучив бездействием, полетела на разведку. Она вернулась с плохими известиями. Враги овладели Изумрудным городом: его былая краса исчезла, изумруды на воротах и башнях уже не сияли, черепичные кровли домов были разворочены. Кагги заметила, пролетев над городом, что он обезлюдел. Судьбу Страшилы выяснить не удалось. У городской стены ворона видела обширный лагерь из тёмных палаток, охраняемых драконами.

Судя по всему, следовало ожидать, что враги не замедлят явиться. И действительно, когда наступила ночь, дозорные с крыши дворца разглядели в воздухе тёмные массы, над которыми светились фосфорические огоньки. Караульные проворно юркнули в слуховое окно, закрыв его за собой железным щитом.

Во время правления Урфина Джюса наместником Фиолетовой страны был некий Энкин Флед. За то, что он пошёл на службу Урфину, Флед был наказан, но потом прощён и жил в Изумрудном городе. Этого Фледа Руф Билан под угрозой смерти заставил показать подземным завоевателям дорогу в страну Мигунов. Теперь, когда дело было сделано, Билан приказал Энкину Фледу убираться куда угодно, и тот в страхе убежал в пустыню.

Воеводы семи подземных владык стояли в недоумении, собравшись в кружок. Быстрый успех в Изумрудном городе заставлял их надеяться, что и покорение Мигунов произойдёт так же легко. Но здесь оказалось совсем другое. Здесь не было стен, через которые можно перелететь на ящерах и разогнать защитников. Дворец высился перед ними угрюмой и прочной громадой. Лишь кое-где сквозь крохотные щёлочки оконных ставней просвечивал огонёк, показывающий, что внутри крепости люди.

Главным воеводой в походе был Гаэрта. В этом месяце страной правил король Эльяна Первый, и потому его военачальник командовал остальными воеводами и всей армией. Гаэрте и надлежало решить, как начать бой с Мигунами. Он приказал воинам ломать двери. Напрасный труд! Мечи и

кинжалы быстро тупились о железо, а раздобыть брёвна, чтобы устроить тараны, захватчикам не удалось. Мигуны предусмотрительно спрятали всё, подходящее для этой цели. Так же безуспешно солдаты старались высадить окна.

В бесполезных попытках прошло несколько часов.

— Придётся ломать крышу, — решил, наконец, Гаэрта при одобрении других воевод.

Несколько драконов взлетели на черепичную кровлю, неся на себе людей. Дело осложнялось тем, что солдаты не запасли ни топоров, ни ломов, а мечи и кинжалы были не слишком удобными орудиями. Ящеры попробовали разрушить крышу когтями, но из этого ничего не вышло. Всё же воины приспособились отрывать черепицы, подсовывая под них острия мечей. Обшивка из досок, приколоченных к стропилам, начала обнажаться во многих местах.

Казалось, вскоре солдаты семи королей проникнут на чердак, а оттуда и во дворец. Но вдруг раскрылись слуховые окна, и из них на крышу посыпались горящие факелы. Это произвело поразительное действие. Жители подземелья, ослеплённые ярким светом, закрыли лица руками. А те из них, кто пытался смотреть, всё равно

ничего не видели.

Факелы продолжали вылетать с чердака, и вот уже обшивка загорелась под ногами нападающих. Ящеры начали подыматься в воздух, спасаясь от огня. Солдаты в панике бросались им на спины. Иным это удалось, другие сослепу сваливались с крыши и разбивались. Третьи тушили на себе пылающую одежду…

Поражение нападающих было полное. Началось поспешное отступление королевских отрядов от Фиолетового дворца. Люди бежали спиной к огню, но багровые отсветы пламени мелькали у них в глазах.

Мигуны, конечно, не могли допустить, чтобы их крепость сгорела, испепелив их самих. Пожар нужно было потушить, и воды для этого имелось достаточно: её заранее подняли на чердак.

На горящей крыше появилась могучая фигура Железного Дровосека. Мигуны подавали снизу полные вёдра, а он бесстрашно шагал по пылающим доскам и выливал на них воду. Ни огонь, ни дым, ни горячий пар были ему нипочём. Скоро всё кончилось, и опять стало темно. Тогда в воздух взвились десятки стрел. Они были направлены метко, но со звоном отскакивали от железного туловища Дровосека.

Враги не решились вторично подняться на крышу дворца, а тем временем наступил рассвет, они разбили лагерь и укрылись в палатках под охраной бдительных драконов.

Битва в сумерках

Трёхдневный поход звериной армии подходил к концу. Смелый Лев как опытный полководец не хотел пускать своё воинство в бой усталым и голодным. Птицы-адъютанты разнесли по всем частям приказ остановиться на отдых.

Секретари роздали последнее продовольствие, и после недолгого, но освежительного сна войско готово было двинуться дальше. Связисты-попугаи, высланные в разведку, возвратились и доложили о том, что увидели в стране Мигунов. Деревни безлюдны, Фиолетовый дворец стоит с закрытыми дверями и окнами, но дозорные Мигуны, сидящие на крыше, сообщили им, связистам, что минувшей ночью неприятелю нанесено крупное поражение. В лагере противника, расположенном невдалеке от дворца, заметно движение: воины выходят из палаток и снимают чёрные повязки с глаз у драконов.

Похвалив разведчиков за исчерпывающее донесение, Лев разослал адъютантов к командирам частей. Батальоны и роты в стройном порядке выступили на врага. Впереди всех шли ревуны; в лучах заката их рыжая шерсть казалась ог-

ненной.

К этому времени подоспели воздушные эскадрильи. Они получили приказ держаться в резерве, но быть готовыми каждую минуту вступить в бой.

В неприятельском стане замечено было приближение звериного войска. Вид его представлялся весьма внушительным. Семь воевод провели краткое совещание. Фантроно и Карпанья стояли за то, чтобы посадить армию на драконов и покинуть страну Мигунов. Воевода Гарринчо предлагал выступить навстречу неприятелю и завязать бой в открытом поле. Но Гаэрта был известен упрямством: он не слушал ничьих советов и предпочитал действовать пусть плохо, но по-своему.

— Мы займём круговую оборону, — сказал он, — и если враг прорвётся внутрь, ему придётся туго!

Приказ тотчас стал приводиться в исполнение, потому что Гаэрта был главнокомандующим. Ящеры образовали двойной вал, за этим валом первую шеренгу составили лучники, далее стояли копьеносцы и пехота, вооружённая мечами и кинжалами.

Драконы, повернув к наступавшим свирепые морды, пронзительно шипели и щёлкали зубами.

Но как ни были громки эти звуки, их совершенно заглушил могучий рёв, похожий на рёв тысячи водопадов. То ревуны, раскинувшись цепью перед неприятельским лагерем, разом раскрыли широкие пасти, и страх закрался в сердца подземных воинов.

Сделав своё дело, ревуны разбежались по флангам, открыв дорогу бойцам. Из-за чешуйчатых спин драконов вылетали сотни стрел, сея смерть среди звериной армии. Но тигры, медведи, пумы, кугуары неустрашимо продвигались вперёд, и их ряды вплотную подкатились к живому кольцу гигантских ящеров.

Ящеры почувствовали, как тяжелы и болезненны укусы лесных хищников, как глубоко вонзаются им в животы когтистые лапы. А тут ещё прихлынули запоздавшие в походе крысиные орды. С противным писком крысы карабкались по лапам драконов, грызли живое мясо, казавшееся им таким вкусным после сухой степной травы.

И драконы не выдержали. Сначала распался первый ряд, а вслед за ним и второй.

В промежутки между драконами прорвались медведи, тигры, ягуары, и началась страшная битва. Сам Смелый Лев, позабыв о том, что полководец должен руководить боем издали, испустил

воинственный рёв и кинулся в самое опасное место. Ему бы несдобровать, но около Льва очутился Железный Дровосек. Он не усидел в крепости и поспешил на помощь другу. Он производил такое ужасное опустошение своим огромным топором, что подземные воины бежали от него в страхе. Гаэрта натравил на Дровосека трёх драконов одного за другим, и всем им Железный Дровосек отрубил головы.

Пронзительный визг и скрежет ящеров, оглушительный рёв тигров и медведей, вой кугуаров и рысей, людские крики — всё смешалось в грозную симфонию боя. Вдобавок ко всему обозники — буйволы и туры — впали в воинственный азарт и вломились на поле битвы с громким мычаньем, опустив к земле могучие головы и роя землю копытами. Их натиск был так сокрушителен, что враг не выдержал. По сигналу труб уцелевшие воины попрыгали на спины драконов, и крылатые чудовища, трепеща крыльями, взмыли в воздух и понеслись на запад.

И тогда Смелый Лев бросил в бой крылатые резервы. Грифы, орлы, кондоры со зловещим клёкотом мгновенно догнали тяжеловесных ящеров, и завязалась битва в воздухе. Ястребы вцеплялись когтями в глаза драконов, коршуны раздирали

им бока острыми клювами. Орлы и кондоры, шумя могучими крыльями, набрасывались на людей. Солдаты отбивались мечами и копьями, но проворные птицы увёртывались от ударов, и нередко какой-нибудь несчастный, потеряв равновесие, с криком ужаса падал в бездну. Грифам понравились фосфорические шарики на шлемах воинов, и они, паря над ними, старались сорвать шлем, хотя бы с головой.

Ровный строй ящеров нарушился. Они в беспорядке старались отдалиться от пернатых противников, инстинкт влёк их к востоку, поближе к родному подземелью. И постепенно, насытившись боем, с окровавленными клювами и когтями, воздушные воины Смелого Льва отставали от неприятеля и возвращались к Фиолетовому дворцу.

Более блестящей победы над врагом ещё не бывало в Волшебной стране. Потери звериной рати были велики, но и семь подземных королей лишились половины своего войска и около пятидесяти драконов.

Измученные, израненные звери повалились, кто где стоял, и проспали тяжёлым сном до рассвета.

Когда наступил новый день, Лев принял парад

армии-победительницы. Значительно поредевшие звериные батальоны и роты торжественно промаршировали перед трибуной, где стояли Лев, Железный Дровосек с вороной Кагги-Карр на плече и Лестар, чья остроумная выдумка с факелами спасла от плена мужчин Фиолетовой страны.

Командиры частей доложили Смелому Льву, что армия голодна, и просили разрешения съесть убитых в бою. Но Лев заявил, что это было бы позором для победителей и приказал с честью похоронить павших, как зверей, так и людей. Он только разрешил желающим воспользоваться драконьим мясом, но оно оказалось таким жёстким, что его ели только хищные птицы да крысы.

Впрочем, Льву не пришлось раскаиваться в своём благородном поступке. Семьи Мигунов вернулись из степи, и благодарные хозяйки натащили множество продуктов.

Тигры и леопарды лакали молоко из огромных чаш, ягуары и кугуары лакомились сыром, пумы и рыси уплетали творог, а медведи с восхищением обнаружили, что ломти хлеба, намазанные сливочным маслом, очень вкусны. Зубры и буйволы вдоволь наелись сена, а на десерт получили великолепные фрукты.

Потом обоз нагрузили провиантом, и звериная армия, провожаемая тёплыми словами Мигунов, двинулась в обратный путь.

Командовать ею и замещать себя в государственных делах Лев назначил Главного Тигра. Это был заслуженный деятель, он с успехом заменял Льва, когда тот вместе с Элли боролся против Урфина Джюса.

— Скажите моей жене, — молвил Лев, — что я не вернусь, пока не выручу Страшилу. Ну… а если мне суждено погибнуть, пусть она знает, что я пожертвовал собой ради дружбы. И ещё скажите: пусть жена воспитывает детей смелыми и справедливыми…

Лев всхлипнул, но тотчас взял себя в лапы, обнял Главного Тигра, и они распрощались.

Неволя

Когда под землёй появились первые партии пленников, в Радужном дворце было устроено торжество. Короли, их министры и придворные надели самые нарядные одежды и собрались на пир. При свете фосфорических люстр звенели бокалы с вином, произносились хвастливые речи, Подземной стране предрекалось самое счастливое будущее.

Прошло несколько дней. Конвоиры приводили колонны рабов, захваченных в Изумрудном городе, с них снимали кандалы и расселяли в заранее построенных хижинах. Вид колоссальной пещеры казался несчастным пленникам величественным, но мрачным. Эти клубящиеся в вышине золотистые облака, жёлтая, оранжевая, багряно-красная листва деревьев, вечный сумрак, не позволявший ясно различать отдалённые предметы — как всё это не походило на прелестные солнечные пейзажи оставленной родины!

А как трудно было дышать в застойном сыром воздухе подземелья! Грудь вздымалась высоко, дыхание учащалось, и всё-таки кровь в жилах не успевала обновляться, люди, даже не работая,

чувствовали усталость. И им не хватало тепла.

Коренные жители Пещеры привыкли к её ровной невысокой температуре, но пришельцам из верхнего мира недоставало солнечного жара и приятной ночной свежести, так благотворно сменяющихся в течение суток.

Но больше, неизмеримо больше страдали пленники не от холода, сумрака и сырости подземелья, а от тоски по утраченным семьям, от тревоги за их судьбу. Как они будут жить, чем станут кормиться? Их седые отцы вместо того, чтобы наслаждаться заслуженным покоем старости, снова должны будут пойти за плугом, а старые матери взяться за серп…

Эти мысли терзали невольников и наяву, и во сне.

С последней партией пленников доставили Страшилу. Вид низвергнутого правителя Изумрудного города был жалок. Он не мог держаться на ногах, и четыре воина несли его на носилках. Сбоку шёл верный Фарамант. Страшилу неотвязно мучила мысль, что он не оправдал доверия своих подданных и не сумел защитить их от врагов.

— Мои мозги… — бормотал бедняга. — Что же вы не подсказали мне никакой хорошей мысли,

мои мудрые мозги?.. Видно, я теперь только и годен стоять пугалом на поле?.. Да только в этой стране я не вижу птиц.

Он не слушал утешений Фараманта и продолжал горько сетовать на судьбу.

Три подземных короля восседали на троне в конференц-зале, когда туда внесли Страшилу, сопровождаемого Фарамантом. Это были Эльяна Первый, Барбедо Двенадцатый и Ментахо Одиннадцатый.

В Подземной стране очень уважали звания, и потому Страшилу как правителя страны, хотя и покорённой, приняли с почётом. Его усадили в богатое кресло, поставленное посреди зала, и за спинкой кресла стал Фарамант.

Первым заговорил Ментахо: среди подземных королей он слыл самым красноречивым.

— Я вижу, вы огорчены, ваше превосходительство! Что ж поделать, история показывает нам много превратностей, постигающих не только отдельных лиц, но и целые царства и народы! Государственная необходимость заставила нас отправить наверх армию в поисках рабочих рук, и мы их нашли. Ваши подданные станут трудиться на фабриках и заводах, обрабатывать землю…

Страшила перебил своим хрипловатым голо-

сом:

— И лишь из-за этого вы принесли так много горя в нашу страну! Ваши величества! Если вашим подданным не хватает продовольствия, мы будем доставлять его сколько нужно, и даже не потребуем взамен товаров, только отпустите людей в верхний мир.

Предложение Страшилы было хотя и неожиданным, но заманчивым. Короли стали втихомолку совещаться. И в конце концов решили, что здесь кроется ловушка. Кто помешает верхним жителям отказаться от выполнения обещаний, а тем временем подготовиться к отражению нового нашествия.

Король Барбедо Двенадцатый так и заявил об этом Страшиле. Тот с негодованием возразил:

— Я ручаюсь за это своей честью! И наконец, вы можете оставить меня заложником.

Эльяна Первый молвил с лукавой усмешкой:

— Мы думаем, что ваши подданные, получив свободу, не захотят выкупáть вас такой дорогой ценой. Они просто забудут о вашем существовании.

— Неправда! — гневно крикнул Фарамант, нарушая придворный этикет. — Для Страшилы Мудрого мы готовы на всякие жертвы!

Всё же предложение было отвергнуто.

Король Ментахо сказал, обращаясь к Фараманту:

— Нам приятно, что вы так любите своего правителя. И если вы хотите ему добра, передайте своим соотечественникам следующее. Пусть они работают в полную силу, и тогда Страшиле Мудрому будет житься хорошо. Но если у нас появятся причины к недовольству, мы станем выщипывать из его превосходительства ежедневно по соломинке, пока от него ничего не останется!

Услышав эту угрозу, Страшила воскликнул:

— Добрый Фарамант! Пусть пленники ведут себя, как подскажет им сердце, и пусть они не заботятся о моей судьбе!

Эльяна пренебрежительно проворчал:

— Слишком много звонких слов. Посмотрим, как это обернётся на деле.

Страшиле отвели комнату во дворце и для услуг оставили Фараманта. Последующие события заставили подземных владык забыть о правителе Изумрудного города.

Через несколько суток в Пещере распространился тревожный слух: армия, посланная воевать с верхними жителями, разбита и возвращается в панике. Неизвестно, кто первый принёс этот

слух, но он быстро подтвердился.

Из юго-западного коридора один за другим выползали драконы. Из многочисленных ран на их туловищах сочилась кровь, лапы были искусаны, морды расцарапаны… Многие чудовища, еле выбравшись в подземелье, валились без сил, стряхивая с себя людей. Воины оказались не в лучшем положении. Мало кто вернулся невредимым: зубы зверей и когти хищных птиц сделали своё дело. Но раненые ещё могли поправиться, хуже было то, что половина сильного отряда, посланного наверх, осталась на поле боя.

Плач и стоны наполнили Пещеру. Жёны и дети погибших оплакивали их, не скупясь на проклятия тем, кто послал их на смерть. И тогда вспомнили о главном виновнике беды.

— Руф Билан! Где Руф Билан?! — раздавались в толпе гневные возгласы. — Дайте нам на расправу этого изменника!

Удалось ли возвратиться Руфу Билану? Да, предатель вернулся, и даже не раненый. По трусости он не принял участия в битве и всё время пролежал под брюхом ящера. Но лучше бы Билану пасть в бою. Его разыскали среди воинов и привели в Радужный дворец.

Короли собрались в конференц-зале, чтобы

выслушать доклад главнокомандующего. Присутствовал даже младенец Пампуро на руках у матери.

Леденящая тишина воцарилась в зале, когда Гаэрта кончил рассказ о разгроме армии, разгроме тем более позорном, что ни один Мигун не был взят в плен. Короли устремили грозные взоры на Руфа Билана, а он стоял перед ними, трепеща от стыда и страха.

— Трижды предатель! — воскликнул король Ментахо. — Впервые ты изменил Страшиле. Потом ты предал Волшебную страну. И в третий раз ты подставил нашу армию под губительные удары врагов. Какой кары заслуживает этот презренный?! — обратился к собранию Ментахо.

— Смерть ему!! — прозвучал ответ.

Руф Билан упал на пол и молил о пощаде. Заговорил король Барбедо:

— Я придумал наказание Билану, которое будет для него хуже смерти. Смерть мгновенна, человек после казни ничего не чувствует. Билана ко всем его подлостям подстрекало необузданное честолюбие. По этому честолюбию будет нанесён страшный удар. Руф Билан, бывший главный советник короля, ты низводишься в ранг помощника шестого лакея и никогда, ни при каких

обстоятельствах, не будешь повышен из этого ранга.

При общих криках одобрения с Билана сорвали его придворное одеяние и пинками выгнали из конференц-зала.

С Биланом было покончено, пред судом королей предстал главнокомандующий Гаэрта. За покорение Изумрудной страны ему заочно был присуждён орден. Но суровый закон требовал, чтобы полководцу, погубившему войско, отрубали голову. И Гаэрта был единогласно присуждён к отсечению головы.

Однако в Подземной стране преступление могло быть искуплено предыдущими заслугами. Гаэрта не получил ордена, зато его голова осталась на плечах, и он даже сохранил свой сан воеводы у короля Эльяны.

Не так легко отделался главный виновник разгрома — Руф Билан. Его жизнь превратилась в непрерывную цепь унижений. Все лакеи насмехались над бывшим вельможей, но особенно донимал его третий лакей Каристо, который не мог забыть придирок Билана в дни его могущества. Руф Билан частенько думал, что смерть, пожалуй, была бы предпочтительнее такой жизни, но в его голове жила надежда, что ему удастся

выкарабкаться при помощи какого-нибудь нового предательства.

Известие о блестящей победе звериной и птичьей рати и о том, что ни один Мигун не только не попал в плен, но даже не был ранен, дошло до пленников. Об этом рассказал Страшиле летописец Фенелла, таивший дружеские чувства к верхним людям и не одобрявший завоевательные планы семи королей. А Фарамант, улучив время, сбегал в посёлок невольников и сообщил им великую новость. Она вселила в сердца людей бодрость, вернула им волю к жизни.

«Если Лев и Железный Дровосек сумели разбить захватчиков там, наверху, — думали они, — то, быть может, они доберутся и сюда и сумеют освободить нас...»

Невольники стали ходить прямее, выше держать головы. И первым проявлением пробудившегося в них достоинства было то, что они отказались приветствовать высших по способу, предписанному королём Эльяной. Приветствовавший должен был вертеться вокруг себя, прищёлкивая при этом пальцами обеих рук. Чем звучнее были щелчки и быстрее обороты, тем вежливее считалось приветствие. Один ловкач из мелких придворных ухитрился повернуться

перед королём Эльяной тридцать три раза и проделал это с такой непостижимой быстротой, что превратился в мелькающий круг, а его щелчки слились в ровный звучный гул. Восхищённый король тут же возвёл придворного в сан первого министра.

Но пришельцы из верхнего мира, сговорившись, приветствовали своих господ только поклонами, как принято на земле. Взбешённые короли приказали сажать непокорных в тюрьмы. Скоро тюрьмы оказались переполненными, а надсмотрщики пригоняли всё новых и новых арестантов.

Подземные владыки стали в тупик: им никогда ещё не приходилось сталкиваться с таким организованным противодействием. В конце концов, всех непокорных можно было запереть, найдя для этого место, но кто будет работать? И короли приказали освободить «верхних» и не требовать от них приветствия по пещерному закону. Однако эта вынужденная мера произвела неожиданные последствия.

Веками угнетаемые крестьяне, рудокопы, искатели алмазов и фабричные рабочие с тайным сочувствием и восторгом следили за мужественной борьбой невольников. И когда эта борьба

увенчалась успехом, люди поняли: подземные владыки не всесильны, против них можно выступать, можно их победить, и не только там, наверху, где силе была противопоставлена сила, но и здесь, в Пещере, где у пленников вместо оружия оказались только гордость и твёрдая воля.

И с тех пор среди коренных обитателей подземелья стали всё чаще и чаще наблюдаться случаи неповиновения: вместо того, чтобы нелепо вертеться вокруг себя, они ограничивались вежливым поклоном. По тайному приказу свыше надсмотрщики пропускали это без внимания, чтобы не раздуть тлеющие искры в пожар.

Король Ментахо, самый умный и начитанный из всех подземных владык, с тревогой думал:

«А ведь, пожалуй, Арриго был прав, когда предостерегал нас от этой злосчастной войны. Свободные люди из верхнего мира принесли сюда зародыши таких мыслей, которые, созрев, могут вымести нас из Радужного дворца…»

Часть третья
ГИГАНТСКИЕ ПТИЦЫ

Добрая волшебница Виллина

Прошло несколько дней после разгрома вражеских сил, и жизнь в стране Мигунов пошла по-прежнему. Не осталось никаких следов боя, потому что убитых похоронили, а обгоревшая крыша дворца была починена и блестела свежей черепицей.

И тогда Железный Дровосек затосковал. Он не находил себе места при мысли о том, что Страшила, такой добрый и мудрый, но и такой беспомощный, томится в подземном мире. Дровосек с горестным восхищением вспоминал мудрые рассуждения Страшилы, высказанные им по тому или другому случаю.

— Никогда не забуду, — говорил он, всхлипывая, — как Страшила однажды сказал: «Если ты находишься в одной стране, тебя нет в это время в другой. Нельзя быть одновременно в двух местах…» Какая глубокая мысль!..

Но тут Дровосек смолк и отчаянно замахал руками: слёзы попали ему в рот, и челюсти заржавели. Пришлось смазывать шарниры маслом из маслёнки. Когда Дровосек получил возможность снова говорить, он продолжал:

— Мы должны отправиться на выручку к Страшиле, потому что, если с моим милым другом что-нибудь случится, я этого не перенесу!

— Мы с тобой вполне согласны, — заверили Дровосека Смелый Лев и Кагги-Карр.

Для начала было решено идти в Изумрудный город. Мигуны, собирая своего правителя в путь, заново отполировали его, наточили топор, наполнили маслёнку лучшим кокосовым маслом. Потом, жалостно мигая, они проводили Дровосека к новым приключениям и подвигам. Прощаясь, они дали клятву, что, пока их правитель не вернётся, они станут умываться по пяти раз в день, и с невинной гордостью напомнили, что это средство очень помогло во время борьбы против Урфина Джюса!

Дровосек взял с собой Лестара. Этот маленький человек обладал гибким изобретательным умом, и хотя у него не являлись такие тонкие и остроумные мысли, как у Страшилы, всё же ему иногда удавалось придумывать дельные вещи. Пример тому — деревянная пушка, напугавшая дуболомов во время генерального сражения с ними.

Четыре друга отправились на запад. После долгого и утомительного пути перед ними чудесным светом засияли ворота и башни Изумрудного

города. Кагги-Карр в изумлении таращила глаза.

— Что это такое? Я сплю?! Ущипните меня!

Лестар дёрнул ворону за хвост так усердно, что вырвал пучок перьев. Кагги рассердилась.

— Можно бы и полегче! Да, я не грежу. Но ведь совсем недавно здесь было столько разрушений и всё выглядело так грустно. Уж не вернулся ли Страшила?

В этой сладостной надежде друзья ускорили шаг. Они видели на полях мужчин и женщин, собиравших урожай, у зелёных изгородей играли дети. Казалось, всё обстоит как прежде.

— Чудеса! Это просто чудеса! — восклицала Кагги-Карр.

Ворота города были закрыты. Железный Дровосек потянул за верёвку, и колокол внутри ответил глубоким серебристым звоном. Большие ворота медленно открылись, и путники вошли в сводчатую комнату, на стенах которой и в полу блестело бесчисленное множество изумрудов.

Перед путниками появился человек с зелёной сумкой на боку, наполненной очками. Он ничуть не удивился при виде вошедших.

— Здравствуйте! — сказал он. — Я давно жду вас. Но прежде, чем пропустить к правителю, я должен надеть на вас зелёные очки: таков закон

Гудвина, Великого и Ужасного!

— Пикапу́, трикапу́! — вскричала поражённая ворона. — Уж не вернулся ли в город Великий Гудвин?

— Великий Гудвин не вернулся, — ответил маленький человек, — однако мы строго соблюдаем его законы.

— Но кто ты такой? — спросил Железный Дровосек.

— Моё имя — Маллон. Стражем ворот вместо Фараманта меня назначил правитель города, достопочтенный Дин Гиор.

Путники вздохнули о бедном Страшиле, но их отчасти утешила мысль, что Длиннобородый Солдат уцелел во время вражеского нашествия.

Путники надели очки, и всё вокруг них засияло чудесными переливами зелёного света. В тронном зале Железный Дровосек и его друзья нашли Дина Гиора. Из скромности он не сидел на троне, а примостился на ступеньках. Борода фельдмаршала была тщательно расчёсана, как в лучшие дни, у пояса висела золотая расчёска, фельдмаршальский жезл стоял, прислонённый к трону.

Встреча друзей сопровождалась горячими объятиями, поцелуями, радостными слезами. Когда

кончилась суматоха встречи, Дин Гиор представил вновь прибывшим человека с длинным бледным лицом и орлиным носом. Ворона узнала его и приятно удивилась.

— Это — Арриго, наш друг из Подземной страны!

— Как, ты тот самый человек, что не побоялся убежать из Пещеры, чтобы принести сюда весть о нашествии!? — воскликнул Железный Дровосек и так обнял Арриго, что у того затрещали кости.

Потом Лев так же сердечно приветствовал чужестранца.

— Это благодаря тебе я сумел вовремя собрать подданных и отстоять страну Мигунов, — сказал царь зверей.

А Лестар крепко пожал руку Арриго. Тот просто молвил:

— Я не мог поступить иначе: совесть заставила. А из страны Жевунов я пришёл сюда посмотреть на чудеса Изумрудного города: о них у нас в подземелье так много говорят и, оказывается, совсем не преувеличивают, — добавил он с доброй улыбкой.

Железный Дровосек выразил удивление по поводу того, что в городе всё по-старому, хотя тут и побывал жестокий враг.

— Знаете, друзья, — сказал фельдмаршал, — за свою долгую жизнь я убедился, что нет ничего хуже, как раскисать в беде. Идя сюда, вы видели стонущих и плачущих людей?

— Ни одного, — ответила ворона.

— Смею похвалиться, что это моя заслуга. В городе и во всей стране нет ни одной семьи, которая не пострадала бы. Но я заставил людей трудиться, и им некогда вздыхать и плакать. Мы уже восстановили былую красоту нашего города, на полях работает старшее поколение, и жизнь у нас, как видите, не замерла.

— А зачем зелёные очки? — поинтересовался Лестар.

— Это приучает народ к дисциплине, — коротко объяснил фельдмаршал.

Когда путники отдохнули после дороги, в тронном зале открылось совещание. Оно было немноголюдным, но представительным. Дин Гиор выступал от Изумрудного города, а Железный Дровосек и Лестар от Фиолетовой страны. Лев говорил от имени лесных зверей, а ворона Кагги-Карр объявила себя делегатом Жевунов.

Много было высказано разных предложений, но все они в конце концов оказывались неосуществимыми. Железный Дровосек горестно

вздохнул:

— Сколько раз мы со Страшилой спорили о том, что лучше — сердце или мозги. Я всегда стоял за сердце, но теперь меняю своё мнение. Как нам недостаёт удивительных мозгов Страшилы!..

И вот, когда друзья замолчали и беспомощно смотрели друг на друга, в воздухе пронеслось какое-то дуновение, и посреди зала возникла маленькая старая женщина в белой мантии и в остроконечной шляпе. На шляпе и мантии сверкали крошечные звёздочки.

Лестар и Дин Гиор струхнули, Лев спрятал голову в лапы, а Железный Дровосек крепко сжал рукоятку топора. Только Кагги-Карр не выказала никакого страха. Она радостно вскрикнула:

— Добрая волшебница Виллина!

— Да, это я, друзья мои! — звучным голосом молвила фея. — Здравствуйте, Железный Дровосек и Смелый Лев! Здравствуй, моя старая знакомая Кагги! Здравствуйте и вы, Дин Гиор, Лестар и честный Арриго! Я вычитала в моей волшебной книге, что у вас приключилась беда, и вот я здесь.

Железный Дровосек очень вежливо раскланялся, а Лев в знак почтения постучал хвостом по полу.

— Уважаемая госпожа Виллина, я много слышал о вас, — сказал Дин Гиор, — и мне кажется, никогда ещё и никому ваше присутствие не было так приятно, как нам. Но как вы узнали, что мы совещаемся именно здесь и в данный момент зашли в тупик?

Виллина рассмеялась.

— У нас, фей, есть свои производственные секреты, о которых простым смертным знать не положено. Достаточно того, что я здесь и помогу вам.

Виллина вынула из складок одежды крошечную книжку величиной с напёрсток.

— Смотрите, смотрите, что сейчас будет! — громко зашептала Кагги-Карр.

Старушка строго погрозила вороне пальцем, подула на книжку, и на глазах удивлённых зрителей книжка начала расти и превратилась в огромный том. Виллина положила его на сиденье трона.

— Вот чего я никогда не осмелилась бы сделать при Гудвине, — с улыбкой заметила она.

Фея начала перелистывать страницы.

— А, бе, ве… — бормотала она. — Ка, эль, эм, эн, о, пе… Ага, вот: паста зубная, перья жар-птицы… Нашла: подземные короли! «Турабо́, фурабо́,

ско́рики, мо́рики, пикапу́, трикапу́, ло́рики, ёрики…» Вред, причинённый нашествием подземных королей, исправят девочка Элли и её дядя, моряк Чарли, которые прилетят в Волшебную страну на громадных птицах…» — Волшебница помолчала, а потом сердито сказала: — Опять Элли! Можно подумать, что без этой девчонки никому и порядка не навести в Волшебной стране! — Заметив улыбки на лицах слушателей, старушка прикрикнула: — Смешки тут ни к чему! С волшебной книгой не поспоришь, и если что в ней написано, это так и должно быть. Раз Элли, так Элли! Раз Чарли, так Чарли! Придётся послать за ними…

Волшебница даже немного растерялась, увидев, какое впечатление произвели её слова. Лев издал могучий рёв, от которого задребезжали стёкла, Дровосек гулко бил себя в железную грудь железным кулаком, Лестар и Дин Гиор восторженно кричали ура, ворона каркала во всю мочь. Только Арриго молчал в недоумении: он мало что знал об Элли.

Когда шум затих, Виллина сказала:

— Меня немного смущает одно: что это за громадные птицы, которые принесут сюда Элли и Чарли? Надеюсь, Книга говорит не о драконах

Подземной страны? Ведь, насколько я понимаю в зоологии, драконы и птицы — разные вещи.

Тут взор Виллины сначала упал на волшебную книгу, потом на Кагги-Карр, и морщинки на лбу феи разгладились. Она неожиданно подошла к вороне, прошептала какие-то слова, подула на Кагги-Карр, и та стала расти, расти неудержимо. Она сделалась ростом с гуся, потом с орла, потом со страуса, но и на этом дело не остановилось, и, наконец, голова Кагги упёрлась в потолок. Дальше расти было некуда.

Глядя на ошеломлённых зрителей этого необыкновенного превращения, фея тихонько рассмеялась, а ворона, не поняв, что с ней произошло, спросила:

— Великая волшебница, почему все вокруг меня стали такими маленькими?

Её голос прозвучал, как раскаты грома.

— Это не мы стали маленькими, — объяснила Виллина, — а ты сделалась огромной. Видишь ли, Книга требует больших птиц, вот у меня и есть одна такая. Ты сможешь унести на спине Элли и её дядю?

Кагги-Карр приосанилась:

— Конечно, смогу!

— А всё-таки придётся послать двух, — озабо-

ченно молвила фея. — Книга говорит о птицах.

Виллина произнесла волшебные слова, и Кагги-Карр приобрела прежние размеры. Это ей не понравилось, и она нахохлилась.

— Не дуйся, — сказала фея. — Ты снова станешь большой, только найди подругу, которую я могла бы увеличить, как и тебя. Надеюсь, за этим дело не станет?

— Ну ещё бы, — гордо ответила Кагги и выпорхнула в открытое окно.

Кагги-Карр снова в Канзасе

Все вороны Изумрудной страны знали и уважали Кагги-Карр. Собрав в пригородной роще стаю, Кагги начала придирчиво осматривать ворон. Наконец, она выбрала одну молодую, с мощной грудью и крепкими крыльями, с озорными глазами. Избранницу звали Карр-Карайя. Она приходилась не то внучкой, не то правнучкой Кагги-Карр, потому что все вороны Волшебной страны были в родстве.

Карр-Карайя страшно обрадовалась, узнав, что ей выпала на долю великая честь лететь за Элли в Канзас, да ещё при этом стать такой огромной, что можно будет одним ударом клюва зашибить орла.

— А ты не подведёшь? Оправдаешь моё доверие?

— Ну, что вы, бабушка! Можете быть спокойны.

Кагги-Карр рассвирепела.

— Мне всего сто третий идёт, а ты осмеливаешься называть меня бабушкой, точно я старуха! Какая я бабушка в мои годы! Если ты ещё хоть раз скажешь это отвратительное слово, не видать

тебе Канзаса. Зови меня тётей.

— Слушаю, ба… Слушаю, тётя! — пролепетала испуганная Карр-Карайя.

Когда вороны прилетели во дворец, у Виллины уже было готово письмо к Элли. Добрая фея рассказала в нём о событиях последнего времени. В письме она особенно подчёркивала то обстоятельство, что волшебная книга называет Элли и её дядю Чарли спасителями Страшилы и остальных пленников.

«А раз так говорит Книга, — заканчивалось письмо, — то тут делать нечего, и придётся тебе, милая девочка, и вам, моряк Чарли, ещё раз посетить нашу страну. Я посылаю за вами транспорт поудобнее сухопутного корабля, и, пользуясь им, вы уж во всяком случае не окажетесь в плену у чёрного камня Гингемы.

Известная вам Виллина, добрая волшебница Жёлтой страны».

Дальше шла приписка:

«Это письмо принесут в Канзас две гигантские птицы, но ты их не пугайся, Элли! Одна из них твоя старая приятель-

ница Кагги-Карр».

Письмо упаковали в непромокаемый мешочек, который будет висеть на шее у Кагги-Карр. Виллина совсем было собралась увеличивать ворон, но спохватилась, что тогда им не выбраться из дворца. Пришлось выйти на открытый воздух.

Виллина пустила в ход своё колдовство, и две гигантские птицы взмыли в небо, напугав жителей Изумрудного города. Они сочли это предвестием нового несчастья, но когда узнали, что птицы полетели за Элли и моряком Чарли, то восторженно приветствовали Виллину.

А добрая фея помахала им рукой и исчезла. По закону она не имела права надолго покидать свою страну.

Вороны летели с поразительной быстротой. Остались позади Кругосветные горы и Великая пустыня, и внизу пошли населённые места. Когда Кагги-Карр впервые разыскивала Канзас, это стоило ей больших трудов. Но птицы наделены особой памятью, и теперь Кагги безошибочно держала нужное направление.

Всего несколько лётных часов понадобилось крылатым посланницам, чтобы оказаться в окрестностях фермы Джона Смита. Но было бы

крайне опасно явиться туда среди бела дня. В лучшем случае чудовищные птицы могли напугать до полусмерти обитателей фермы, а в худшем получить в бок заряд картечи из охотничьего ружья дядюшки Джона.

Поэтому Кагги-Карр и её спутница присмотрели неглубокий овраг в нескольких милях от фермы и залегли там до ночи. А когда на фермах погасли огни, и всё угомонилось, вороны опустились у крыльца Элли. Карр-Карайя перетёрла клювом завязки у мешочка с письмом, висевшего на шее тётки, и мешочек упал возле крылечка.

После этого гигантские птицы вернулись в овраг. Но они проголодались, а ждать свидания с Элли предстояло до следующей ночи, поэтому они принялись разыскивать съестное. Это съестное явилось им в виде дынного поля дядюшки Мэтью. Вороны произвели на нём неслыханные опустошения.

Обнаружив утром грабёж, дядюшка Мэтью обвинил в нём мальчишек с ближней фермы, и между соседями завязалась долгая вражда.

Как могут приходить письма

Наступило утро. В это утро одноногий моряк Чарли Блек должен был покинуть ферму своего шурина. Всё было готово для дальнего пути: рюкзак уложен, дорожная сумка наполнена свежей провизией, деревяшка, заменяющая ногу, подбита кожаной подмёткой.

После сытного завтрака началось прощание. Оно не было грустным. Дело в том, что Чарли Блек собирался уезжать на океан уже в течение трёх месяцев. Но в каждый из этих девяноста дней, поддавшись просьбам и поцелуям Элли, моряк скидывал с плеч рюкзак, возвращал сумку с провизией сестре Анне и откладывал уход до следующего дня.

— Заметь, Элли, это уже в последний раз! — говорил он, сурово хмуря брови.

— Конечно, в последний, самый-самый распоследний! — лукаво улыбалась девочка.

В этот день процедура прощания проходила, как обычно. Чарли уже взялся за лямки рюкзака, но вдруг общее внимание привлекла собачья драка. Пёсик Тотошка яростно сражался с соседским Гектором из-за какого-то бесформенного

запылённого предмета. Гектор успел овладеть этим предметом, но отважный Тотошка вцепился ему в правую заднюю лапу и не позволял противнику удрать.

В ссору вмешалась Элли и вырвала спорную вещь из зубов Гектора.

Вещь оказалась мешочком из плотной материи, не очень пострадавшей во время драки. Мешочек стягивала оранжевая завязка. У Элли ёкнуло сердце.

— Дядя Чарли, это не простой мешочек, — прошептала она.

Понятно, моряк мгновенно забыл про отъезд, сбросил рюкзак, и все вернулись в дом. Элли, трепеща от волнения, развязала тесёмку и вынула из мешочка слегка помятый лист плотной бумаги, кругом исписанной дрожащим, но чётким почерком.

Все поняли, что присутствуют при начале необыкновенных событий. Письмо, доставленное не почтальоном из соседнего городка, не в конверте с маркой, а появившееся так загадочно…

— Элли, — вне себя от волнения крикнул моряк, — клянусь черепахами Куру-Кусу, — это письмо из Волшебной страны!

— Ты прав, дядечка Чарли, оно от Виллины, — ответила поражённая девочка, взглянув на подпись.

— Читай! — приказала мать.

И письмо было прочитано при глубочайшем внимании слушателей.

Когда Элли кончила, наступило томительное молчание. Первой заговорила миссис Анна. Она долго и горячо проклинала Гингему и посланный колдуньей ураган, который унёс её дорогую девочку в эту злополучную Волшебную страну, где она приобрела друзей, может быть, и хороших, но имеющих удивительную способность попадать в беду, и почему-то из этой беды их обязательно должна выручать её дорогая девочка. Вот уже дважды исчезала её дорогая девочка на долгие месяцы, а она, мать, переживала тяжёлое время отчаяния и надежды…

— Почему эти несчастные не написали своё письмо кому-нибудь другому? — убеждённо, хотя и нелогично, воскликнула миссис Анна. — Мало ли народу у нас в Канзасе? Вот хотя бы мальчишки соседа Дирка Томсона…

— Мамочка, — робко возразила Элли, — ты забываешь, что в Волшебной стране не знают никого, кроме меня. И потом в Книге написано,

что именно мы с дядей Чарли должны выручить Страшилу и всех остальных…

— Книга, книга! Что мне твоя книга?

Миссис Анна обрушилась на Книгу, предсказания которой назвала чушью, а потом перенесла огонь на брата, так как по выражению его лица догадалась, что он не прочь отправиться навстречу новым приключениям.

— Это ты в нашей семье всесветный бродяга! — раздражённо кричала миссис Анна. — Почему я спокойно сижу на ферме, а не скитаюсь по океанам, не попадаю в плен к язычникам, не отправляюсь в неведомые страны со взбалмошными девчонками на выручку соломенных и железных людей?

На такой вопрос трудно было ответить, и Чарли промолчал, зная, что когда сестра вдоволь выговорится, с ней легче будет толковать. Так оно и получилось. Миссис Анна умолкла, утомлённая, и Элли стала к ней ласкаться.

— Подумай, мамочка, — говорила Элли, — теперь дело идёт не о судьбе Страшилы, а о многих сотнях несчастных жителей Изумрудного города. А ведь они — отцы семейств, у них жёны и дети. Ах, если бы ты видела детей Волшебной страны! Какие они маленькие и миленькие… Они похожи

на чудесных живых куклят… И они такие ласковые и послушные!

Элли долго уговаривала мать. Она доказывала, что теперь, благодаря волшебству Виллины, путешествие в Волшебную страну будет быстрым и безопасным. А уж когда они окажутся там, то не дадут себя в обиду подземным королям. Она с восхищением перечитала то место из письма, где Виллина описывала страшный бой звериной армии с войском захватчиков и позорное бегство солдат семи королей на драконах, преследуемых хищными птицами.

— Ну, подумай, мамочка, с такими союзниками мы совершим чудеса! И потом — ведь прошлый раз Железный Дровосек был в плену, а теперь он на свободе. Если бы ты видела, какой он силач!

Как и следовало ожидать, миссис Анна поддалась на уговоры и согласилась отпустить дочь, но только в последний раз, строго добавила она.

— Ну, конечно, мамочка, это будет последний, самый-самый распоследний! — горячо заверила Элли, а в глазах её зажглись лукавые огоньки, и она переглянулась с дядей.

Слово матери явилось решающим, и фермер Джон не стал прекословить. Он считал, что истинная дружба обязывает ко многому.

И когда вопрос о новом путешествии в Волшебную страну был решён положительно, обитатели фермы задумались над тем, как письмо очутилось в зубах у Гектора. Элли высказала верное предположение.

— Если вороны так велики, как об этом пишет добрая фея, то они побоялись явиться к нам днём и подбросили это письмо ночной порой. А противный Гектор вечно вертится возле нашего дома. Утром он нашёл мешочек и стащил бы его, если бы не умник Тотошка.

Услышав похвалу, Тотошка радостно гавкнул: он знал, что, отправляясь в новый путь, Элли не оставит его дома.

— Теперь надо дать знать Кагги, что письмо получено. Как это сделать? Ага, догадалась! Я повешу на флюгер свою косынку. Кагги хорошо её знает.

Весь остальной день Элли провела в лихорадочном ожидании. Волновался и моряк Чарли, хотя старался не показывать вида. Он пересмотрел свой знаменитый рюкзак и уложил туда всё, что, по его мнению, может пригодиться для войны с подземными королями. Зная, с каким грозным противником придётся иметь дело, Чарли Блек взял пару пистолетов с достаточным запасом

пуль и бочонок пороху.

— Если понадобится проделывать ход в Пещеру, такой запас нам пригодится, — бормотал моряк, укутывая бочонок в непромокаемую материю.

Ночью никто не спал. Все лежали одетые с сильно бьющимися сердцами. И вот в воздухе послышался сильный шум, как будто летели тысячи голубей. За окном стали видны силуэты двух огромных птиц.

— Это они! — воскликнула Элли и выбежала на крыльцо.

За ней следовали отец с матерью, моряк Чарли и Тотошка. Пёсик со звонким лаем бросился на ворон, хотя был меньше их когтя.

Элли не могла определить, какая из двух гигантских птиц её любимица Кагги-Карр. Но та сама разрешила недоумение. В былое время она любила тереться около Элли в надежде, что девочка погладит её по спине. И теперь, забыв о своём огромном росте и весе, Кагги-Карр шагнула к Элли и сбила её с ног. Девочка полетела бы с крыльца, если бы её не подхватил отец. Тотошка укусил Кагги за лапу, а ворона смущённо каркнула, и звук её голоса пронёсся на милю вокруг.

— Молчи уж лучше, глупая, если тебя угораздило стать такой великаншей! — воскликнула

Элли. — Тебе, конечно, хочется знать, на чём мы порешили с дядей Чарли, и отпускают ли меня папа и мама? Да, я позабыла, что у нас в Канзасе ты не можешь разговаривать. Так вот, слушай: мы отправляемся с вами в Волшебную страну…

Кагги-Карр радостно каркнула, постаравшись сделать это как можно тише.

Элли продолжала:

— Вот только я не знаю, как усижу на твоей спине, Кагги!

— Да, это серьёзный вопрос, — подтвердил Чарли. — Усидеть на ваших скользких перьях труднее, чем моряку удержаться в шторм на фок-мачте. Придётся сделать что-то вроде паланкинов, какие я видел в Индии на слонах.

Чарли и Джон принялись за работу, а миссис Анна с боязливым удивлением рассматривала чудовищную птицу, которой она должна была доверить жизнь дочери.

Чтобы прикрепить паланкины к вороньим спинам, пришлось воспользоваться переносной лестницей. По этой же лестнице после горячего прощанья с родителями Элли поднялась на спину Кагги-Карр. В её переднике был завязан Тотошка. Одноногий моряк с трудом вскарабкался на вторую ворону, таща своё добро.

Гигантские птицы скоро исчезли в предутреннем сумраке, а Джон и Анна долго ещё стояли и смотрели на небо.

Воздушные путешественники

Сначала Элли было страшновато, но вороны летели на такой большой высоте, что она уже не чувствовалась. Города и деревни сверху казались скоплением игрушечных кубиков, а реки — тоненькими голубыми нитками на сером и зелёном фоне. К тому же сидеть в паланкине было очень удобно, ворона мерно взмахивала могучими крыльями, и Элли подумала:

«А ведь тут гораздо лучше, чем было в домике, когда его уносил ураган!»

В нескольких сотнях футов от себя девочка видела довольное лицо дяди Чарли. Он улыбался, махал ей рукой и время от времени что-то кричал, но Элли за шумом крыльев не могла разобрать слов.

Взошло солнце и озарило огромных птиц, которые с земли казались двумя тёмными облачками, гонимыми ветром. Остался позади лес, где когда-то Чарли Блек строил сухопутный корабль, и внизу зажелтел песок Великой пустыни.

К Чарли прихлынули воспоминания. Казалось, вчера ещё бежал по жёлтому песку его сухопутный корабль, ветер надувал парус, и по-

скрипывали широкие колёса.

И вдруг… Да, он не ошибается: внизу показалось чёрное пятно среди песков: волшебный камень Гингемы! Вороны круто пошли вниз, словно желая доказать, что они смеются над колдовством злой феи, что они неподвластны чародейству камня.

А у Элли сердце сжалось от страха, и даже смелому Чарли стало не по себе. Он показал девочке на проклятое место, где чуть не постигла их гибель, и та кивнула головой. Но птицы мчались так быстро, что камень Гингемы скоро обратился в чёрную точку, а потом и совсем исчез вдали.

Каких трудов стоило Чарли Блеку и Элли пересечь Кругосветные горы! А у ворон этот путь отнял всего несколько минут. Острые горные пики, крутые склоны, провалы и бездонные пропасти — всё промелькнуло внизу, и вот уже воздушные путешественники летели над очаровательной страной Жевунов. Даже с закрытыми глазами Элли догадалась бы об этом по поведению Тотошки. Пёсик заговорил!

Вознаграждая себя за долгие месяцы молчания, Тотошка болтал, болтал без умолку. Вороны с умыслом держались над дорогой, вымощенной жёлтым кирпичом, и даже нарочно замедлили

скорость, чтобы Элли могла ещё раз посмотреть на знакомые места. И девочка их узнавала с радостью и печалью. Узнавал их и Тотошка.

— Элли, смотри, смотри! — кричал он. — Вот поле, где ты сняла с кола Страшилу! Кол и сейчас там, только он пустой: видно, хозяин не захотел тратиться на новое пугало…

Кагги-Карр повернула голову и проговорила так тихо, как могла:

— А ведь это я внушила Страшиле мысль добывать себе мозги!

Элли же со вздохом прошептала:

— Бедный Страшила…

Немного спустя Тотошка опять встрепенулся:

— А вот и лес, где мы с тобой спасли Железного Дровосека! Я чуть не сломал зуб об его железную ногу.

Но внезапно песик умолк: в стороне от дороги он увидел полуразрушенный замок Людоеда. Элли задрожала от страха, припомнив, как над ней уже был занесён громадный нож…

Сколько воспоминаний! Вот внизу проплыл Лес саблезубых тигров. Какое счастье, что их всех истребили дуболомы Урфина Джюса.

А дальше — Большая река, где висел на шесте Страшила, а за ней расстилалось коварное мако-

вое поле, но теперь на его месте желтеет нива…

Вороны прибавили ходу, и на горизонте чудесным неповторимым светом засияли башни Изумрудного города.

Встреча

— Летят, летят, летят!..

Дин Гиор кубарем скатился с лестницы, чуть не сломав себе шею. Он целые сутки просидел на крыше дворца, карауля возвращение гигантских птиц. Фельдмаршал никому не захотел доверить такое важное поручение и ни на минуту не сходил вниз: даже еду ему приносили на крышу.

И вот терпение Дина Гиора было вознаграждено. Он первым рассмотрел в небе два чёрных пятнышка, приближавшиеся с поразительной быстротой.

Крики Дина Гиора и громовой рёв Льва мгновенно подняли на ноги весь город. Улицы наполнились народом: все спешили на площадь.

Вороны двумя чёрными тучами нависли над мостовой, и люди бросились к стенам домов, освобождая место для их посадки.

Из дворца через подъёмный мост бежали Железный Дровосек, Дин Гиор, закинувший бороду за плечи, маленький Лестар, Арриго и, опережая всех, огромными скачками мчался Лев.

Элли обратила к друзьям своё нежное личико, облитое слезами радости, а Тотошка звонко лаял,

забыв, что может разговаривать по-человечески. Встал вопрос, как снять Элли со спины Кагги-Карр. Кое-кто из жителей побежал за переносной лестницей, но Железный Дровосек не хотел ждать. Он поднял на свои плечи Дина Гиора, на того вскарабкался Лестар, и эта живая пирамида осторожно спустила Элли и Тотошку на землю. А тем временем появилась лестница, и моряк Чарли, ещё не сойдя с последних её ступенек, был подхвачен восторженной толпой.

— Да здравствует могущественная фея Элли! Да здравствует Великан из-за гор! Слава благородному Тотошке! — раздавались возгласы.

Элли с грустью заметила, что в толпе сплошь были женщины, старики, дети. Девочка удивилась, увидев на всех зелёные очки. Но ей некогда было заниматься наблюдениями, так как её крепко прижал к сердцу Железный Дровосек.

— Слышишь, как оно бьётся? — взволнованным голосом спросил он.

Побывав поочерёдно в объятиях всех своих друзей, девочка обратилась к Смелому Льву, который рыдал от счастья и утирал слёзы кончиком хвоста:

— Мой милый, старый друг, как я рада видеть вас снова! Я чуть было не сказала «видеть вас

всех», но вспомнила про бедного Страшилу…

— Да, бедный Страшила! — молвил Железный Дровосек, рыдая от горя.

— Осторожнее, ты заржавеешь! — в испуге вскричала Элли и вытерла слёзы Дровосека голубым платочком.

И тогда Железный Дровосек подвёл к Элли Арриго, который до того скромно скрывался за чужими спинами.

— Вот наш друг Арриго из Подземной страны… — начал он и не кончил, потому что Элли поцеловала смущённого Арриго.

— Я знаю о вас из письма Виллины. Вы не побоялись покинуть Пещеру, чтобы спасти невинных людей от гибели.

Моряк Чарли крепко пожал руку Арриго и сказал, что рад иметь в нём друга. А Тотошка для первого знакомства лизнул сапог выходца из подземелья и нашёл, что кожа пахнет сыростью и ещё чем-то неприятным, напоминающим запах Шестилапого, с которым когда-то пришлось сражаться в пещере. Верный нюх не обманул пёсика: сапог действительно был сшит из кожи Шестилапого.

После воздушного путешествия Элли еле стояла на ногах, и потому Дин Гиор решил отложить

торжественный митинг, хотя один старик уже взобрался на дворцовую стену с намерением сказать длинную речь.

— Дорогие сограждане! — сказал правитель города. — Нашим гостям нужен покой, и я прошу вас разойтись по домам и соблюдать тишину.

Люди покинули площадь в надежде, что теперь, когда прибыли из никому не известного Канзаса могущественная фея Элли, её дядя, Великан из-за гор, и чудесный маленький зверь, всё пойдёт хорошо.

Прибывших повели во дворец, но прежде чем они ступили на подъёмный мост, перед ними появился новый Страж ворот Маллон с сумкой на боку, наполненной зелёными очками. Он заговорил:

— Госпожа Элли и вы, Великан из-за гор, и вы, незнакомый зверь, прошу вас надеть зелёные очки. Это приказ Гудвина Великого и Ужасного, и его должен исполнить всякий, посещающий наш город.

Элли улыбнулась, вспомнив, как она видела последний раз Гудвина в бакалейной лавочке, но не стала спорить и надела очки. Её примеру последовали Чарли Блек и Тотошка. Маллон обратился к воронам:

— Вы, птицы, тоже обязаны подчиниться закону. Нагните головы!

Кагги и Карр-Карайя послушно опустили громадные головы к земле, и оказалось, что для них пришлось бы подыскать очки по меньшей мере с тарелку величиной. Страж ворот растерялся.

— Нигде в мире нет очков такого размера! Делать нечего, оставайтесь так, хотя я боюсь, что это не кончится добром. На всякий случай постарайтесь как можно меньше быть в городе. Вы знаете фруктовый сад, ранее принадлежавший Гудвину, затем Урфину Джюсу, а в настоящее время составляющий собственность Страшилы? Я бы посоветовал вам отправиться туда.

Голодные вороны не заставили себя просить и мигом исчезли к большому удовольствию Маллона.

Гости поели и потом погрузились в глубокий сон. И пока они не проснулись, во всём городе ходили на цыпочках и говорили шёпотом.

Моряк Чарли указывает путь

На следующий день началось совещание в тронном зале дворца. Никто не захотел сесть на трон. Фельдмаршал Дин Гиор отказался под тем предлогом, что он только временный правитель Изумрудного города, Смелый Лев заявил, что ему гораздо удобнее на полу, где рядом с ним Элли, Железный Дровосек не захотел посягать на права Страшилы. Все расположились, как кому нравилось, а в одном из окон виднелась голова Кагги-Карр. Она стояла на дворе, а её шея находилась на уровне третьего этажа. Кагги иногда неожиданно вмешивалась в разговор, и каждый раз все пугались, потому что её голос гремел, как гром.

Военный совет открыл фельдмаршал Дин Гиор при начальнике штаба Чарли Блеке. Моряк снова получил это звание, которое носил во время борьбы с Урфином Джюсом.

Фельдмаршал обратился к Смелому Льву:

— Ваше звериное войско выказало чудеса храбрости в битве с солдатами семи королей. Что, если мы каким-нибудь образом сумеем спустить это войско в Пещеру?

Лев покачал косматой головой.

— Боюсь, что это невозможно. Я мог продержать тигров, ягуаров и рысей на фруктовой диете трое суток, но ведь от моих владений до страны Жевунов десять-двенадцать дней пути. Я боюсь, что моё храброе воинство, проголодавшись, взбунтуется и съест всех людей, которые ещё остались в Волшебной стране.

Довод Льва был признан убедительным.

— Ну, а птицы? — спросил Дин Гиор.

— Видите ли, одни птицы не могут решить дело. Они полезны, когда преследуют разбитого противника, но ведь его сначала надо разбить.

— Придётся вооружать Мигунов, — сказал Железный Дровосек.

Элли рассмеялась, а потом сконфузилась и принялась играть кисточкой львиного хвоста.

— Я знаю, чему ты смеёшься, — сказал Дровосек. — Ты вспомнила, как попáдали Мигуны при выстреле большой пушки.

Девочка утвердительно кивнула головой, а ворона вдруг каркнула, заставив всех вздрогнуть.

— Да, жители Волшебной страны не любят и не умеют воевать, — задумчиво сказал Дровосек. — У них мягкие сердца, не то, что у жителей Пещеры. Извини меня, друг Арриго, то, что я ска-

зал, не относится к тебе.

— Это не относится и ко многим моим соплеменникам, — поправил Арриго. — К сожалению, они слишком привыкли подчиняться семи королям. Им внушают ужас воины и драконы…

— А я бы не побоялась дракона! — заявила Кагги-Карр.

От её зычного голоса всё заколебалось в зале, и с потолка свалилось лепное украшение. Элли рассердилась, сделала вороне выговор, и потому похвальба Кагги прошла незамеченной.

— Просто не знаешь, что и придумать, — вздохнул Лестар. — Нет у нас такой силы, чтобы пустить её против подземных владык. Поневоле вспомнишь дуболомов Урфина Джюса: нам бы сейчас таких солдат!

— Слишком они боялись огня! — заметил Дин Гиор.

— Но ведь и мои соплеменники боятся огня, — молвил Арриго.

— Это всё пустой разговор, — сказал Дровосек. — Главное, их лишили свирепости. Они теперь не солдаты, а просто добродушные работники.

— Кстати, что с ними случилось? — спросил моряк.

— Да то и случилось, что они все сдались в плен почти без борьбы, — объяснил Дин Гиор. — Вот что значит потерять понятие о воинской чести.

— Послушайте! — в волнении вскочил Чарли Блек. Ему пришла в голову поразительная мысль. — Послушайте, а что, если дуболомам вернуть свирепость? Ведь они тогда разгромят армию подземных королей!

Общий восторг был ответом. Люди закричали, Лев заревел, а Кагги-Карр закаркала так оглушительно, что с потолка кусками посыпалась штукатурка, и никто за это даже не выбранил ворону. Однако восторг скоро сменился унынием.

— У нас нет в стране ни одного мастера, который мог бы придать лицам дуболомов свирепое выражение, — сказал Дин Гиор. — Ведь, понимаете, работа резчика идёт от сердца, а если у тебя в сердце нет какого-то чувства, как ты вложишь его в работу?

На это рассуждение, достойное самого Страшилы, нечего было возразить. Наступило долгое молчание. Потом Элли нерешительно заметила:

— Наверно, Урфин Джюс смог бы…

— Ещё захочет ли он? — возразил фельдмаршал.

— Захочет, наверно, захочет! — загораясь уве-

ренностью, вскричала Элли. — Уж неужели у него в душе не осталось никаких добрых чувств?!

— А где его взять, Урфина Джюса? — сказал Дин Гиор. — После того, как его изгнали, он исчез и теперь обретается неведомо где. Пришлось бы пустить тысячу разведчиков, чтобы его разыскать в нашей обширной стране.

— Ну, такие разведчики у меня найдутся, — сказала Элли, и все посмотрели на неё с недоумением.

А девочка поднесла к губам серебряный свисток, висевший у неё на шее. Со словами «Дядя Чарли, крепче держи Тотошку!» она подула в свисточек. По полу затопотали маленькие ножки, и перед Элли появилась королева мышей Рамина.

— Что вам угодно, милая сестра? — пропищала она.

Тотошка рвался из рук моряка, чтобы схватить ненавистную мышь. Пёсик понимал, что поступает дурно, что мешает Элли в её планах, но ничего не мог поделать с собой. В нём говорила древняя вражда собачьего племени с мышиным. Тотошка залаял, но Чарли зажал ему рот.

— Простите, ваше величество, что я снова беспокою вас, но теперь причина ещё уважительнее, чем в прошлый раз.

— Не извиняйтесь, милая фея! Положение волнует не только вас, но и меня. Ведь если жители Изумрудной страны перестанут обрабатывать поля, то наступит голод, а от этого пострадают и мои подданные. Я готова служить вам!

— Видите ли, нам нужно разыскать бывшего короля Урфина Джюса, который после изгнания скрылся неизвестно куда.

— Только-то? Задача не слишком трудна. Если Джюс живёт в полях, его найдут мои разведчики. А если он ушёл в леса, то я отправлю гонцов к моей наместнице, правительнице лесных мышей Элифе, и отдам ей приказ. Через неделю ждите меня с адресом Урфина.

В этот момент Тотошка вырвался из рук зазевавшегося моряка и бросился на Рамину, но мышь уже исчезла.

Искушение Урфина Джюса

Урфин Джюс уходил от стен Изумрудного города, сопровождаемый лишь верным Топотуном. Лютая злоба терзала душу свергнутого короля. Если бы он знал слово, которое могло бы уничтожить весь мир, Урфин сказал бы его, хотя бы погиб при этом и сам.

— С одной стороны девчонка… Человек с одной ногой… Ничтожные, трусливые Мигуны… — бормотал Урфин Джюс. — А с другой — моя могучая неуязвимая армия… И всё же я разбит! Какое унижение!..

Время от времени Урфин оборачивался и видел вдалеке мягкое зелёное сияние. И снова он горько сожалел о тех днях, когда ему так приятно было сознавать себя властелином этого великолепного города и всех его сокровищ. Глухие стоны вырывались из груди Джюса. Добродушный Топотун попытался его утешить.

— Полно, повелитель! — сказал он. — Что толку горевать? Жили мы без королевства, проживём и теперь.

Урфин сердито прервал рассуждения медведя.

— Повелитель?! Кем я повелеваю? Одной мед-

вежьей шкурой?! Зови меня хозяином!

— Слушаюсь, хозяин! — согласился медведь. — Как прикажешь, так и будет.

— Ах, да замолчи ты, — взмолился Урфин. — Всё правильно, что ты говоришь, но пойми, мне не до тебя!..

Урфин шагал, пока ноги не стали подламываться под ним от усталости. Тогда он сел на спину медведя, и неутомимый Топотун повёз его дальше.

«Забыть… — думал он. — Разве можно забыть, когда встречные отворачиваются от меня с презрением, а дети бегут под защиту матери?.. Нет, только одиночество, полное одиночество, быть может, принесёт мне исцеление…»

Через Большую реку Урфин переправился на спине медведя, и тут, совсем некстати, пришло к нему воспоминание, как его деревянная армия очутилась в воде во время похода на Изумрудный город.

«Лучше бы река унесла её совсем… Проклятый живительный порошок! Зачем попал он мне в руки?..»

В окрестностях своей родной деревни Когиды Урфин очутился в полдень. Чтобы жить в одиночестве, надо было иметь кое-какие орудия и

инструменты, и Джюс хотел забрать их из своего старого дома. Но он решил пробраться туда тайком от Жевунов.

Человек и зверь затаились в лесу, и только ночью Урфин подошёл к своему бывшему жилищу. Он ожидал найти его разрушенным и удивился, увидев, что всё находится в целости. Мягкосердечные Жевуны не тронули ничего, и по-прежнему висели замки на дверях. Урфин давно затерял ключи, но медведь понатужился и выдрал петли из косяков.

Джюс вошёл, зажёг свечу, лежавшую, как и прежде, на подоконнике, огляделся. Так вот оно, место, где он прожил многие годы, никого не любя и никем не любимый, откуда пошёл на поклон к Гингеме, чтобы она приняла его на службу.

И впервые в жизни Урфин Джюс задумался над тем, почему всё это так получилось, и кто же виноват в его несчастьи. И смутно, очень смутно начало приходить к нему сознание, что, пожалуй, некого винить, кроме самого себя…

Урфин проснулся, когда в окна светило солнце. Он разыскал в кладовке два больших мешка и сложил в них столярные инструменты, одежду, хозяйственную утварь, семена огородных растений. Всё это он намеревался погрузить на

Топотуна. Медведь втихомолку радовался, что хозяин сегодня выглядит веселее, чем раньше, и как будто намерен приняться за настоящее дело.

Прежде чем покинуть родную усадьбу, Урфин вздумал пройтись по всем её уголкам, попрощаться с грядками, которые он так долго и любовно возделывал.

Пройдя на пустырь, отделённый от огорода забором, Урфин ахнул и схватился за сердце. В дальнем углу поднималась молодая поросль ярко-зелёных растений с продолговатыми мясистыми листьями, с колючими стеблями…

— Они! — глухо воскликнул Урфин.

Да, это были они, те самые удивительные растения, из которых он год назад получил живительный порошок. Проснулись ли от долгого оцепенения их семена, попавшие глубоко в землю, принёс ли их снова ветер?..

Великое искушение охватило Урфина Джюса. Перед ним была возможность начать всё снова и при этом не повторить прежних ошибок.

Он может наготовить живительного порошка в пять, в десять раз больше, чем в тот раз, и при этом не искоренять до конца волшебные растения. Он может создать тысячную армию дуболомов и обучить её так, как не сумел обучить

своих первых солдат. Всё это легко проделать в глубокой тайне, чтобы потом нагрянуть на врагов нежданной грозой.

Но что-то уже изменилось в душе Урфина Джюса, и эти блестящие перспективы его не увлекли. Он присел на пенёк и долго раздумывал. А потом принёс из сарая лопату и выкопал все растения с корнями.

— Знаю я вас, — бормотал он сердито. — Оставь вас тут, вы заполоните всю округу, а потом кто-нибудь догадается о вашей силе и опять наделает глупостей…

Сушить растения на противне было долго, поэтому Урфин сжёг их на костре. Было у него, правда, желание заготовить горстку чудесного порошка на всякий случай, но он и это желание поборол. Когда от костра осталась одна зола, Урфин закопал её глубоко в землю. Потом погрузил пожитки на Топотуна и покинул родной дом.

В продолжение многих дней медведь и человек держали путь на северо-запад. И когда уже недалеко осталось до гор, Урфину попалась очаровательная поляна, через которую протекала прозрачная речка.

— Вот хорошее место для жилья, — сказал Урфин Джюс, и медведь с ним согласился.

Здесь Урфин Джюс построил себе хижину и развёл огород. В трудах и заботах проходили его дни, и тяжёлые воспоминания о прошлом начали стираться из памяти изгнанника.

Переговоры

Срок, назначенный Раминой для поисков, показался Элли и её друзьям невыносимо долгим. Как бы ни старались они себя занять, из головы у них не шла мысль, что бедный Страшила страдает в подземелье, где сырость так вредна для его мозгов, для нарисованного лица. А несчастные пленники, оторванные от семей, как они переносят тяжкий подневольный труд в душном сумраке Пещеры?..

Иногда Дин Гиор и другие раскаивались, что затеяли розыски Урфина Джюса, и гадали о том, какое бы ещё средство найти для борьбы с подземными королями. Железный Дровосек строил безумные планы, как он ворвётся в подземелье и один сразится с армией семи королей.

— Ну, полно, — говорила Элли, — если бы ты даже справился с солдатами, не забывай, что там полно драконов и Шестилапых.

— Да, это опасные противники, — подтверждал Арриго. — Я даже не представляю себе, как мы будем сражаться с ящерами, не имея воздушных сил.

Смелый Лев жалел о том, что сразу не отпра-

вился в своё царство, чтобы привести оттуда хотя бы отряды избранных бойцов.

— А это совсем вздор, — говорил Железный Дровосек, обиженный тем, что его план отвергнут.

Но всякому ожиданию приходит конец, и в назначенное время Рамина явилась. Она прежде всего огляделась, где её вечный враг, и успокоилась, заметив, что он привязан к ножке кресла.

— Приветствую вас, милая сестра, — пропищала мышиная королева.

— А я как рада видеть ваше величество! — ответила Элли.

— Ну, должна признаться, что задача оказалась труднее, чем я предполагала, — сказала Рамина. — Но всё же лесные мыши разыскали Урфина Джюса. Он забрался в страшную глушь, далеко от людских поселений, и живёт один с медведем Топотуном у подножья Кругосветных гор.

Королева-мышь подробно рассказала, как найти Урфина. Все опечалились.

— Это опять пройдёт не меньше двух недель на дорогу туда и обратно, — сказал Дин Гиор.

— А я на что? — неожиданно каркнула ворона в раскрытое окно, да так громогласно, что кое-кто попадал с кресел. — Отправьте меня, и завтра же я предоставлю вам Урфина Джюса, хочет он

этого или нет.

— Ну, если он не захочет, вряд ли его присутствие поможет вам, — сказала Рамина, распрощалась с Элли и поспешила к выполнению своих государственных обязанностей.

Кагги собралась в путь. Она была не одна. В паланкине на её спине сидела Элли. Девочка сама решила выполнить важное поручение. Нечего греха таить, ворона была грубовата, могла ляпнуть такое, что обидела бы изгнанника, и дело могло сорваться.

После нескольких часов полёта завиднелась поляна, описанная Раминой, и на ней хижина, а рядом огород. Кагги-Карр круто пошла на снижение. Она опустилась в двадцати шагах от жилища Урфина Джюса. Урфин выбежал в изумлении. Он много видел чудес в своей стране, но такого ещё не встречал. Что это была за птица? По видимости ворона, но размеры…

Сверху вдруг донёсся серебристый детский голосок:

— Здравствуйте, Урфин Джюс! Нет ли у вас лестницы, а то я не могу спуститься!

Ошеломлённый Урфин побежал за лестницей, прислонённой к высокому ореховому дереву. И вот со спины гигантской птицы спустилась Элли

в красном платьице, простая и милая…

— Здравствуйте, Урфин Джюс! — повторила она и протянула Урфину руку. — Что же вы молчите? Вы не рады меня видеть?..

— Элли?! Могущественная фея Элли?! Вы здесь, у меня? — только и мог пробормотать бывший король, не осмеливаясь пожать протянутую ему руку.

— Ну да, это я! Чему вы удивляетесь? Разве вы не знаете, что происходит в вашей стране?

— Откуда я могу знать? Я живу так далеко от людей, я даже медведя не выпускаю из дома, чтобы никто не проведал, где я скрываюсь. Как вы меня нашли?

Элли рассмеялась.

— Я всё, всё вам расскажу, только позвольте вам заметить, что вы — негостеприимный хозяин. Я так устала с дороги, проголодалась…

Урфин Джюс в хлопотах буквально сбился с ног. Он вынес из хижины столик и табуретки и поставил под деревом. Он накрыл столик белоснежной скатертью, разместил на нём блюда с великолепными фруктами и вазу с душистым мёдом диких пчёл, сделал салат из овощей. Для Тотошки нашлась жареная крольчатина.

Кагги-Карр с высоты своего роста жадно погля-

дывала на лакомые блюда, но ей этого не хватило бы и на два глотка.

Урфин вполголоса спросил у Элли:

— Что это за страшилище, и как вы сумели его приручить?

— Да это же ваша старая знакомая, ворона Кагги-Карр. Не скажу, что она была ваша добрая знакомая, ведь вы были с ней не в ладах.

— Но её величина… — замялся Урфин.

— Это чары доброй феи Виллины.

— Понимаю, — успокоился Джюс. — Послушайте, Кагги-Карр, всех моих полугодовых запасов не хватит, чтобы вас накормить. К востоку отсюда, в миле расстояния, есть фруктовая роща, и я надеюсь, что визит туда будет для вас небесполезен.

— Благодар-р-рю! — громовым голосом ответила ворона и улетела.

— А вы здесь неплохо устроились, — лукаво заметила гостья, усаживаясь за стол напротив хозяина. — Признайтесь, вы чувствуете себя гораздо лучше, чем когда были королём.

И тут Урфина Джюса прорвало. Он открыл Элли всё, что передумал за месяцы одиночества, он поделился с ней раскаянием и поздними сожалениями.

— О, Элли, если бы вы знали, как мне было там

тяжело среди этих бездушных придворных, жаждавших только золота и почестей… Но я не видел выхода, самолюбие не позволяло мне признаться в своей ошибке. Вы угадали: здесь, в лесной глуши, я чувствую себя в тысячу раз лучше!.. Но вы обмолвились, что у нас в стране происходит неладное…

И Элли рассказала обо всём, что случилось и что снова привело её, Элли, в Волшебную страну. Весть о новом предательстве Руфа Билана не удивила Урфина.

— Я всегда ждал от этого молодца чего-нибудь подобного. У него не было ни капельки привязанности к своей стране… Впрочем, не мне его осуждать, — спохватился Урфин, — я сам был такой. Но поверьте, я совсем изменился, мне дан хороший урок.

— А мы в этом и не сомневались, — заверила Элли. — Потому я и явилась к вам просить помощи.

— Помощи? Моей помощи?!

Угрюмое лицо Урфина Джюса засияло восторгом, радость и гордость наполнили его душу. Как?! Значит, он ещё не пропащий человек, коли в него верят, коли считают, что он может искупить свои преступления?!

— О, Элли, Элли! — в восхищении повторял

Урфин. — Да я пойду на смерть, чтобы исправить хотя бы малую долю того, что натворил!

В доказательство своего перерождения Урфин рассказал, что вскоре после того, как его изгнали, он мог снова получить живительный порошок, но отказался от него.

— Жаль, — сказала Элли. — Порошок сейчас очень помог бы нам в борьбе с подземными королями. А, впрочем, нечего жалеть — ведь если бы вы его тогда сделали, то не сидели бы в этой хижине с такими мыслями?

Урфин покраснел.

— Верно. Но какой помощи вы от меня ждёте?

Элли рассказала, что Урфину придётся пробраться в Пещеру, там снова превратить дуболомов в свирепых солдат и повести их в бой против подземных королей.

Урфин надолго задумался, потом заговорил.

— Я с радостью возьмусь за это дело. Боюсь только одного: теперь, когда из моей души исчезла злоба, я, быть может, не сумею вернуть деревянным людям былую свирепость. Надеюсь я только на то, что в моих руках сохранилось прежнее мастерство, и они сделают, что нужно. А сейчас вот, взгляните…

Урфин вынес из хижины целую кучу игрушек

и высыпал перед Элли. Это были деревянные куклы, клоуны, фигурки зверей. Они были раскрашены в светлые солнечные тона, лица кукол и клоунов улыбались, олени, серны, лани были такими лёгкими, воздушными, что казалось — вот-вот они побегут.

— Этим я занимался на досуге, — скромно пояснил Урфин Джюс.

— О, какая прелесть! — вскричала Элли. — Это всё непременно надо забрать в Изумрудный город. Пусть эти чудесные игрушки развлекут бедных ребят.

Из рощи вернулась довольная, сытая Кагги-Карр. По лицам Элли и Урфина Джюса ворона догадалась, что они обо всём договорились, и Элли это подтвердила.

— Ну, тогда в путь, нас ждут! — сказала Кагги.

Урфин, Элли и Тотошка стали подниматься на спину гигантской вороны. И тут из-за хижины выбежал расстроенный Топотун.

— А я? — заревел он. — Как же я? Хозяин, возьми меня с собой!

Урфин ответил:

— Я бы рад, да не знаю, как Кагги-Карр.

Ворона критически оглядела внушительную фигуру медведя.

— Нет! — отрезала она. — Такую тушу мне не унести. Вас и так двое, да ещё мешок с игрушками.

Медведь заметался с горестным воем, но Урфину пришла в голову мысль.

— Послушай, Кагги, а если вытрясти из него опилки, я думаю, шкуру заберёшь?

— Шкуру можно, — милостиво согласилась птица.

Через несколько минут Кагги-Карр уже летела, а довольная шкура, лёжа под ногами у Элли и Урфина Джюса, ворчала:

— О, как я довольна! Только смотри, хозяин, не забудь снова набить меня в Изумрудном городе, а то уж очень я легка — любой ветерок унесёт!

Лазутчик

Встретившись с теми, против кого он вёл жестокую борьбу, Урфин Джюс почувствовал себя очень неловко. Но его смущение быстро прошло, когда его дружески приветствовали, и никто ни слова не промолвил о былом. Напротив, все только и говорили о том, как выручить Страшилу и его подданных из неволи, и спрашивали у Джюса советов.

Но вот в зал, где шло совещание, вошёл где-то замешкавшийся Арриго, и разговор вдруг смолк. Все в изумлении смотрели на Урфина и Арриго, сравнивая их наружность. Они оказались очень похожими друг на друга. У обоих длинные лица, косматые брови, тонкие губы, острые вытянутые подбородки… Конечно, их нельзя было счесть за родных братьев, но всякий, не знавший прежде Арриго и Джюса, признал бы их за соплеменников.

И первым заявил об этом со свойственной ему откровенностью моряк Чарли.

— Клянусь чёрным камнем Гингемы, — воскликнул он, обращаясь к Урфину, — я и раньше сомневался, Жевун ли вы, а теперь просто не

могу в это поверить. Из какого племени был ваш отец?

Урфин ответил:

— Я точно не знаю, он умер, когда мне было шесть лет. Но помню его слова, что в молодости он жил в какой-то совсем-совсем другой стране, где и люди, и природа были не такие, как здесь. И ещё меня удивляло, что он боялся солнечного света и защищал глаза полупрозрачной чёрной повязкой…

В разговор вступил Арриго.

— Летописец Фенелла рассказывал мне, что лет сорок назад из подземелья изгнали некоего Джусино за то, что он хотел захватить власть и устроил заговор против семи королей.

— Ну, а здесь, наверху, он превратился в Джюса, — заключил Дин Гиор. — Выходит, у вас честолюбие в крови?

— Прежде я постарался бы найти в этом оправдание, а теперь не хочу, — твёрдо возразил Урфин. — Я знаю свою вину, я рад, что вы мне о ней не напоминаете, но теперь я в вашем распоряжении.

— Слова, слова! — каркнула недоверчивая ворона в окно, напугав всех до полусмерти. — А мы ждём дел!

— Подожди, Кагги, будут и дела, — успокоила Элли ворону.

— Происхождение Урфина от подземных жителей значительно облегчает нашу задачу, — сказал Арриго. — Ведь главное для нашего нового друга — проникнуть в Пещеру, а с его внешностью сделать это очень легко. У меня есть план…

* * *

Ночной порой к воротам Подземного царства подошёл изможденный воин в запылённой кожаной одежде, с фосфорическим шариком на шлеме. Он дёрнул верёвку, и в окошко выглянуло недоверчивое лицо сторожа.

— Кто ты такой? — спросил он.

— Я — Варрено, солдат из отряда Гаэрты. После битвы со зверями близ Фиолетового дворца я остался на поле раненым, без чувств. Когда я очнулся, мне удалось незаметно уползти в лес. Я шёл сюда много дней, скрываясь от людей, питаясь съедобными кореньями и плодами.

— Проходи, Варрено, — сказал страж и открыл калитку. — Завтра явишься своему начальству.

Если бы караульным пришло в голову проследить за чудесно спасшимся солдатом, они увидели бы, что тот пробирается по лабиринту

неуверенно, часто справляясь с планом, скрытым у него под одеждой. Но в конце концов он проник в Пещеру и был так поражён открывшимся перед ним грандиозным видом, точно видел его в первый раз.

Солдат Варрено не представился начальству, и его имя не было восстановлено в ротном списке. Зато в литейной мастерской появился новый рабочий Рок Болл с угрюмым лицом и сросшимися над переносьем бровями. Его появление прошло незамеченным, потому что надсмотрщики не пересчитывали пленников. После сигнала на работу они просто обходили хижины и смотрели, чтобы никто не оставался дома.

Рок Болл относился к делу добросовестно, но товарищи заметили, что в немногие свободные часы он старается оказаться поближе к дуболомам и ведёт с ними секретные разговоры.

Часть четвёртая
ОСВОБОЖДЕНИЕ

Заговор развивается

Страшила чувствовал себя очень плохо. Двигался он с трудом, потому что солома отяжелела от сырости, а просушиться в Подземной стране было трудно. Люди готовили пищу на маленьких печурках, откуда огонь не мог пробиться наружу и обеспокоить слабые глаза жителей подземелья. Эти печурки совсем не грели окружающий воздух.

Но ещё хуже обстояло дело с удивительными мозгами Страшилы. Опилки и отруби, которыми была набита его голова, отсырели, а примешанные к ним иголки и булавки заржавели. От этого Страшилу мучили головные боли, и он начал забывать самые простые слова.

Верный Фарамант долго думал над тем, как помочь горю, и, наконец, нашёл средство. Он явился с докладом к королю Барбедо, правившему в этом месяце.

— Ваше величество, — заявил он после положенных по этикету приветствий, — наш правитель Страшила тяжело болен. Ему настолько плохо, что он теряет дар речи и не сможет уговаривать подданных добросовестно работать.

— Что с его превосходительством? — поинтересовался король.

Фарамант описал симптомы болезни.

— Обратитесь к придворному врачу, — предложил король, — он пропишет больному порошки или пилюли, и всё как рукой снимет.

Фарамант вежливо возразил:

— Вы забываете, что у его превосходительства нарисованный рот, и что за всю свою жизнь он не съел крошки хлеба и не выпил капли воды. Как же он будет принимать лекарства?

Барбедо стал в тупик.

— Тогда я не знаю, чем ему помочь.

— А средство есть, — сказал Фарамант. — Лечебницей для нашего правителя могла бы послужить литейная мастерская. Я полагаю, что в её сухом жарком воздухе больной поправится через несколько дней.

— Странный способ лечения, — пожал плечами Барбедо. — Впрочем, я не возражаю, но в интересах государства прикажу окружить мастерскую строгим караулом.

— Это как будет угодно вашему величеству! — воскликнул обрадованный Фарамант.

Четыре лакея отнесли на носилках больного Страшилу в литейную мастерскую. Рядом шёл

Фарамант, а всё шествие сопровождал сильный отряд солдат.

Встречные невольники приветствовали Страшилу радостными возгласами, но после того, как некоторым за это попало, ограничились поклонами.

Страшилу внесли в мастерскую рабочие, потому что ни лакеи, ни солдаты не осмелились войти в неё: там в топках печей ослепительно сверкало пламя. По указаниям Фараманта Страшилу устроили в укромном уголке, где он никому не мешал, и где его не беспокоили суетившиеся рабочие. Конечно, Фарамант убедился, что ни одна искра из печей не может попасть на Страшилу. Случись такое, больной вместо излечения нашёл бы гибель.

В сухом и жарком заводском воздухе от Страшилы первые дни шёл пар, а затем его здоровье начало поправляться удивительно быстро. Руки и ноги его наливались силой, а в мозгах появилась ясность.

Страшила стал вставать и прохаживаться по мастерской в те моменты, когда топки печей не грозили ему искрами. В одну из таких прогулок он заметил человека, которого ранее как будто встречал. Где он видел это длинное лицо, густые

сросшиеся брови над чёрными насторожёнными глазами? И вдруг он вспомнил.

— Урфин Джюс! — ахнул Страшила.

— Тсс… — прошипел литейщик и поднёс палец к губам.

Поражённый Страшила еле добрался до постели.

— Я видел здесь Урфина Джюса, — сказал он Фараманту.

Бывшего Стража ворот обуял неудержимый смех.

— Король-то… король… — хохотал он. — Тоже попал сюда! Из королей да в литейщики, ха-ха-ха! Ну и поделом ему, — злорадно заключил он, когда смог, наконец, успокоиться.

Улучив момент, когда возле Урфина никого не было, Фарамант подошёл к нему и насмешливо шепнул:

— Поздравляю с возвышением, ваше величество!

Урфин опять приложил палец к губам.

— Прошу вас, больше ни слова! Объяснимся позднее.

Таким серьёзным был взгляд Урфина, так многозначительно звучали его слова, что смущённый Фарамант понял: здесь скрыта тайна.

Они встретились на окраине невольничьего посёлка, когда кончился рабочий день. Фарамант сказал караульным, что ему невмоготу стало в душном воздухе мастерской, и он должен погулять. Его не задерживали, так как обязанностью часовых было следить за Страшилой. Когда Фарамант узнал, почему оказался Урфин в Пещере, он долго жал ему руку и уверял в вечной дружбе.

— Всё прошлое забыто, — говорил он, — теперь мы — союзники. Какие у тебя будут поручения?

— Передай Страшиле, что фея Элли и Великан из-за гор снова у нас, в Волшебной стране. И хорошо, если бы ты устроил мне свидание с моим бывшим генералом Ланом Пиротом.

— Постараюсь, — сказал Фарамант.

* * *

Удивительно обернулась в подземелье судьба дуболомов. Короли были очень довольны, что приобрели большой отряд рабов, которых не надо кормить и одевать. Возник вопрос, к какому делу их приставить. Большинство деревянных людей объявили себя дровосеками, лесниками, садовниками. Бывшие полицейские сказали, что наверху работали связистами. Их быстрые ноги позволяли им незамедлительно переносить

письма и сообщения из одной части страны в другую.

Дровосеков и лесников в подземелье требовалось мало, а в садовниках и связистах совсем не было нужды. Куда же направить дуболомов? Из затруднения вывела случайность.

На поле взбунтовался Шестилапый. Эти дикие пещерные звери нередко выходили из повиновения, кусали и калечили своих вожаков. Так было и на этот раз. Шестилапый порвал упряжь, отбросил в сторону погонщика и уже хотел приняться за пахаря, когда рядом оказался проходивший мимо бригадир деревянных людей Арум.

Арум не мог допустить, чтобы зверь растерзал человека, и шагнул к Шестилапому с угрожающими словами. То ли звуки хриплого голоса, то ли запах незнакомого дерева и краски, то ли тяжёлая поступь дуболома и поскрипывание его шарниров произвели какое-то особое действие на Шестилапого, но он сразу зафыркал, задрожал, усмирился и покорно стал к плугу.

Видевший это издали надсмотрщик тотчас побежал с докладом в Радужный дворец. Вопрос был сразу решён: дуболомы стали погонщиками и пахарями.

Под управлением деревянных людей Шестила-

пые сделались удивительно послушными. И так как дуболомы никогда не уставали, а Шестилапые могли работать очень много, лишь бы только вовремя кормили их рыбой, то вспаханная площадь стала быстро возрастать. Короли не могли нахвалиться такими исполнительными работниками и ставили их в пример не только невольникам, но и коренным жителям подземелья.

Люди ворчали:

— Вот дубовые головы! Стараются вовсю, а того не соображают, что нам за ними никак не угнаться. Нам и пить-есть надо, и отдыхать, а дереву ничего этого не требуется.

Усердные дуболомы действительно не понимали, что от их усердия людям житья нет. В их деревянные головы резцами мастеров было внедрено послушание, и никаких других мыслей там не могло возникнуть.

Но вот в Пещере появился Урфин Джюс, и положение незаметно начало изменяться. Урфин старался встречаться с дуболомами вдали от надсмотрщиков. Он не только беседовал с деревянными людьми, но и производил маленькие, но очень важные операции над их головами. Достаточно было его быстрому искусному резцу провести две-три чёрточки на физиономии ду-

болома, и строй мышления деревянной головы сразу изменялся. Непомерное усердие исчезало, а вместо него рождалась мысль, что особенно стараться не к чему, потому что и дерево, в конце концов, изнашивается от работы.

Нескоро Фараманту удалось свести Урфина с Ланом Пиротом: бывший генерал работал в дальнем конце Пещеры. Наконец, при содействии летописца Фенеллы удалось перевести Лана Пирота в окрестности литейной мастерской.

Здесь и произошла встреча Урфина с отставным полководцем. Лан Пирот, утративший память о прошлом, конечно, не узнал Урфина Джюса. Резчику пришлось очень много поработать над головой Лана Пирота. Для этого даже не хватило одного сеанса. Урфин лишил Лана большей части его теперешнего добродушия, наделил порядочной долей властолюбия, вселил в него воспоминание о том, что в прошлом он был выдающимся генералом, командиром всех дуболомов. Джюс дал Лану Пироту надежду, что он опять займёт высокое положение в армии, если будет слушаться его, Рока Болла.

Урфин внушил Лану Пироту, что, по некоторым важным соображениям, он, Пирот, должен пока оставаться пахарем, но рекомендовал ему не

слишком стараться на работе.

На полях всё чаще и чаще стали случаться поломки плугов, рвалась упряжь, а дуболомы не спешили звать мастера для починки. А иногда, привязав Шестилапого к колышку, пахарь и погонщик ложились рядом на землю и бездумно смотрели вверх, где среди золотистых облаков шныряли надсмотрщики на крылатых ящерах.

Дуболомов следовало за такие проступки наказывать. Но как их накажешь? Плетей и палок они не боялись, а держать в тюрьме без еды и питья деревянные создания, которые не пьют и не едят, было просто бессмысленно.

И снова, как несколько времени назад, умный король Ментахо тревожно раздумывал:

«Неладно, очень неладно в нашей стране после этого несчастного похода. Сначала люди взбунтовались, а теперь и с этими деревянными болванами что-то стряслось. Хотел бы я знать, кто вбивает им мятежные мысли в их дубовые головы?..»

Но Урфин Джюс был слишком умён, чтобы его могли выследить шпионы семи подземных владык. В ожидании того времени, когда можно будет нанести решительный удар, он вёл подрывную работу тонко и осторожно.

Хитрость Страшилы

Жаркий санаторий окончательно вылечил Страшилу, и в его просохших мозгах зароились замечательные мысли. Он говорил почтительно слушавшему его Фараманту:

— Я должен буду руководить восстанием вместе с моими друзьями Дровосеком и Великаном из-за гор. Для этого мне нужно заработать доверие семи королей. Потому что, если они не будут мне доверять, они не выпустят меня из города. Но ведь, пока я буду в городе, меня не будет за городом, я не могу быть одновременно и здесь, и там. Какой отсюда вывод? Надо обмануть королей, и я их обману. Я скажу перед моими подданными речь и буду уговаривать их работать изо всех сил, а ты, Фарамант, предупреди их, чтобы они всё понимали наоборот.

Восхищённый Фарамант заявил, что давно уже не слышал от правителя такой длинной и такой мудрой речи, из чего он, Фарамант, заключает, что правитель совершенно поправился. И это было так.

Страшила произнёс речь при большом скоплении народа. Пришли все его подданные, так

как они любили своего необыкновенного соломенного правителя и рады были случаю ещё раз поглядеть на него и послушать. Пришли коренные жители Подземной страны: им любопытно было посмотреть на живое чучело, которое ходит и разговаривает. Явились и подземные короли, кроме дряхлого Арбусто и младенца Пампуро. Они лично хотели убедиться в благонамеренности Страшилы. По королевскому приказу дуболомов освободили от работы и тоже привели на митинг. Но стараниями Урфина Джюса деревянные люди были поставлены так далеко от трибуны, что не расслышали ни одного слова. Урфин принял такую предосторожность из боязни, что дуболомы по свойственной им простоте поймут речь Страшилы не наоборот, а буквально, и опять наделают хлопот.

Короли остались очень довольны выступлением Страшилы. После митинга он сказал королям, что если бы мог почаще встречаться со своими подданными, то окончательно выбил бы из них дух неповиновения. И короли дали Страшиле разрешение ходить по всему подземелью без конвоя, а, принимая во внимание слабость ног его превосходительства, позволили ему избрать себе двух провожатых. Страшила назвал Фараманта

и Рока Болла.

В верхнем мире

В верхнем мире шла энергичная подготовка к борьбе с подземными владыками. Было бы легкомысленно рассчитывать на одного Урфина Джюса с его деревянными солдатами. Семи королям служила мощная армия. Их воины были сильны, жестоки, искусно обращались с оружием. Их преданность королям воспитывалась в течение поколений, и не приходилось сомневаться в том, что они будут драться за них до последней капли крови.

Генеральный штаб серьёзно обсуждал положение. В штаб входили фельдмаршал Дин Гиор, начальник штаба Чарли Блек, советники Лестар, Арриго, Железный Дровосек и ворона Кагги-Карр.

Насчёт участия Кагги в штабе шли большие споры. Не слишком удобно было совещаться на третьем этаже, когда один из советников стоял на дворе, а в окно только просовывалась его голова. Да и высказывания Кагги-Карр заставляли всех затыкать уши.

Попробовали собираться на улице, получилось ещё хуже. В сравнении с гигантской птицей все

казались карликами, её голова торчала вровень с крышами, и Кагги не разбирала людских речей, они казались ей цыплячьим писком.

Как же быть? Лишить такого заслуженного деятеля права участвовать в штабе казалось несправедливым. К счастью, Чарли Блек нашёл выход. Он смастерил глушитель и надел его вороне на нос. Голос Кагги-Карр хоть и остался довольно громким, но уши людей вполне могли его выносить. Заседания возобновились в зале дворца.

Смелый Лев наотрез отказался войти в штаб.

— Не моё это дело — заседать по целым дням да придумывать планы. Вот когда речь зайдёт о том, чтобы подраться, попрошу не забыть про меня. Да ещё, скажу вам откровенно, соскучился я по своей львице и львятам. Может, отпу́стите меня на побывку, коли есть для этого время?

Друзья рассчитали, что Лев успеет вернуться к началу боевых действий, и дали ему отпуск. Он обратился к Элли:

— Хочешь со мной?

— Хочу, хочу! — закричала Элли.

— И меня возьмите, — взмолился Тотошка.

Компания отправилась в путь ранним утром. Лев весело шагал по дороге, а на его спине сидела

Элли, держа в руках Тотошку. Сзади шёл медведь Топотун.

Когда Топотун после долгого отсутствия вновь появился на улицах Изумрудного города, его обитатели перепугались. Во время царствования Урфина Джюса медведь был грозой для всех, кто не оказывал должного почтения королю. Таких он награждал увесистыми оплеухами, не считаясь с их чином и званием. Урфин был для Топотуна земным богом, его поступки медведь считал непогрешимыми. Эти чувства у медведя остались, но изменился сам Урфин, а потому отпали причины выступать в его защиту.

Скоро добродушный медведь стал любимцем горожан и по целым часам катал ребятишек на своей широкой мягкой спине. Много хлопот было Урфину уговорить медведя не идти с ним в Подземную страну.

— Кто будет защищать там тебя, хозяин? — настойчиво гудел он.

— Да пойми ты, чудак, что ты меня погубишь! У кого из жителей подземелья бывают ручные медведи, да ещё набитые опилками?

Топотун сдался только тогда, когда Урфин сказал, что возлагает на него очень важное поручение — охранять на время его отсутствия Элли.

После ухода хозяина медведь перенёс всю свою любовь на девочку: без сердечной привязанности он жить не мог. И понятно, когда Элли отправилась в царство Смелого Льва, Топотун последовал за ней.

На первом же заседании после ухода Льва генеральный штаб решил мобилизовать Мигунов. У них уже был военный опыт. Они ходили против деревянного воинства Урфина Джюса и выдержали осаду армии Гаэрты в Фиолетовом дворце. У них имелось вооружение: топоры и железные колотушки с шипами, насаженные на длинные рукоятки.

Но следовало подумать и об оружии для невольников. Ведь они не станут оставаться в бездействии, когда освободительная армия ворвётся в подземелье. Но не с голыми же руками пустить их в битву. Значит, и для них надо заготовить достаточно мечей, кинжалов и копий с острыми наконечниками. А это можно было сделать только в стране Мигунов, издавна слывших искусными мастерами. Штаб нашёл более удобным перебраться в Фиолетовый дворец.

Мастера принялись за дело. Чтобы поскорее пришёл час свободы для братьев, томившихся в плену, они работали неутомимо, отдавая отдыху

недолгие часы. Производством заведовали Лестар и Чарли Блек.

По дорогам маршировали роты Мигунов, проходивших воинскую выучку под руководством фельдмаршала Дина Гиора.

В большой приёмной Фиолетового дворца росли груды оружия. Встал вопрос, как доставить его в Изумрудный город. Для скорости хотели использовать воздушный транспорт: Кагги-Карр и Карр-Карайю. Но оказалось, что воронам пришлось бы сделать слишком много рейсов: оружие было тяжёлое.

Изобретательный Чарли Блек сумел использовать птиц по-другому. Вместе с Железным Дровосеком он сделал огромную телегу, сшил для птиц упряжь и поставил их в паре, по бокам длинного дышла.

Воз нагрузили оружием, гигантские птицы поднатужились и легко стронули его с места. Всё население страны Мигунов сбежалось посмотреть на диковинное зрелище.

Час борьбы близок

Оружие для невольников было заготовлено и перевезено в Изумрудный город. Туда вернулся и штаб, там собиралась обученная армия Мигунов, которых очень дружелюбно встречали обитатели города. В штабе задумались над тем, как дать пленникам оружие в нужный момент.

Арриго предлагал нанести главный удар со стороны Торговых ворот.

— Железный Дровосек разобьёт ворота, — говорил он, — мы легко осилим караул и двинемся коридорами по направлению к Пещере. Каждый наш воин помимо своего оружия понесёт меч или копьё для одного из пленников. Оказавшись в Пещере, мы сумеем вооружить наших братьев и завяжем бой. Нам помогут дуболомы Урфина Джюса, и победа будет обеспечена.

Моряк Чарли нашёл этот план легко уязвимым.

— Я не сомневаюсь, что мы быстро захватим Торговые ворота, — сказал начальник штаба. — Но уверены ли вы, советник Арриго, что оттуда нет сигнализации в Город Семи владык?

Арриго не смог в этом поручиться.

— Вот видите, — продолжал Чарли Блек. — А если в городе получат сигнал, и сильный вражеский отряд завяжет бой в узком коридоре, мы не сможем пробиться, не сможем дать оружие невольникам. Восстание дуболомов будет подавлено, и наше дело погибнет.

Члены штаба признали доводы Чарли Блека очень сильными.

— А что предлагаете вы, Великан из-за гор? — спросил фельдмаршал.

— Я считаю, что нападение нужно сделать сразу с двух сторон. Предложение Арриго кажется мне дельным, но его надо осуществить только частью наших сил. Пусть враги поставят заслон в северо-западном секторе, это отвлечёт их внимание от направления главного удара. А главный удар мы нанесём через подземный ход, ведущий от башни, где сидели в заключении Дровосек и Страшила.

— Пр-р-равильно! — каркнула ворона.

Железный Дровосек покачал головой.

— Окно, через которое мы видели Подземную страну, заделано. Но если мы его и пробьём, то должны будем спуститься со страшной высоты. Оружие мы можем сбросить, а как воины?

— Мы с Карр-Карайей опустим их вниз, — за-

явила Кагги.

— Ещё сумеете ли вы сами туда пробраться? — усомнился моряк. — Нет, мой план не годится.

— Позвольте! — спохватился Железный Дровосек. — Очевидно, есть другой ход из башни в Город Семи владык. Я гнался за Руфом Биланом и не поймал его, а он очутился в Пещере. Каким путём?

— Господин советник прав, — сказал Арриго. — Там есть ход. Он ведёт через Заповедник, но очень извилист и запутан, а плана я не знаю.

— Хорошо бы его раздобыть, — заметил Чарли.

— Из всех моих друзей это может сделать только летописец Фенелла. Но как дать ему об этом знать?

Да, как дать знать? Все призадумались. Отправить Арриго, это означало послать его на гибель. А кому ещё удастся проникнуть в подземный мир, кроме него?

С площади донёсся знакомый рёв. Лев и Элли вернулись! Медведя перехватили детишки на городской улице. Друзья радостно встретили Элли, Льва и Тотошку.

Одноногий моряк вскричал, обнимая Элли:

— Клянусь грот-мачтой! Без тебя я просто не находил места. Мне всё казалось, что с тобой

что-нибудь случится…

— Кто мог меня обидеть, если у меня были два могучих защитника — Смелый Лев и Топотун? А вы всё совещаетесь?

— Да!

Чарли рассказал племяннице о том, в каком затруднении оказался штаб.

— Только-то и всего? — рассмеялась Элли. — Дядя, держи Тотошку!

Элли поднесла к губам серебряный свисточек, и в зале появилась королева мышей Рамина. Выслушав девочку, Рамина сказала:

— Там, где не пройти человеку, легко проскользнёт мышь. Но, насколько я поняла, надо доставить сюда план. Вряд ли моя посланница сумеет принести его, если он больше горошины.

После долгих споров пришли к такому решению. Если Фенелла сумеет раздобыть план, он должен будет ускользнуть из Пещеры, пробраться в Заповедник и положить бумагу в том месте, где от главного коридора ответвляется ход, условно названный ходом Руфа Билана. И когда Фенелла это сделает, он скажет мыши-посланнице, а та вернётся с этим известием в верхний мир.

На мышь возлагались ещё два важных поручения. Она должна была предупредить Страшилу,

что друзья из верхнего мира не забыли о пленниках, что их готовятся освободить, и это время уже недалеко.

Выступление решили приурочить к смене королей, когда в Подземной стране наступает неразбериха, и люди не знают, кого слушаться. По расчётам Арриго в недалёком будущем предстоял переход власти от Памельи Седьмого к Пампуро Девятому. Арриго знал, что у этих королей были самые задорные Хранители времени, и их ссоры затягивались на долгие часы. Третье поручение мыши и заключалось в том, что она должна была узнать точный срок приближающегося междуцарствия.

Исполнение этих поручений требовало времени, и следовало вооружиться терпением. А, впрочем, нашлось дело и на это время. Железный Дровосек приблизительно запомнил то место, где от него скрылся Руф Билан. Там и следовало устроить перевалочный пункт, откуда оружие пойдёт прямо в Пещеру. Дверь из подвала башни в подземный ход была убрана, и вереница Мигунов со связками оружия двинулась в путь, освещая себе дорогу факелами.

Час борьбы приближался.

Один да один — два

Генеральный штаб освободителей обсуждал последние подробности плана, когда в зале неожиданно появилась Виллина.

Великое дело — привычка! На этот раз появление доброй феи никого не удивило, но все её сердечно приветствовали.

Виллина сказала:

— По моей волшебной книге я следила за всеми вашими приготовлениями. Они вполне разумны, и всё же вы потерпите поражение.

— Почему? — недоверчиво спросил начальник штаба.

— Драконы! — коротко ответила волшебница.

— Но мы же сразились с драконами, и очень удачно, — сказал Железный Дровосек.

— Это ошибка самонадеянного Гаэрты. Он принял бой на земле, а ему надо было поднять драконов в воздух. Что тогда сделала бы с ними ваша звериная рать?

— Но у нас были и птицы — орлы, кондоры, ястребы, грифы, — сказал Лев. — Если вы следили за нашими делами, то должны знать, как от них удирали драконы.

— Удирали обескураженные, израненные в наземном бою, — не сдавалась Виллина. — Нет, друзья мои, партии не равны. Против воздушной эскадрильи врага вы должны выставить свою — так говорит Книга.

— А я? А Карр-Карайя? — крикнула в окно ворона.

— Один да один — два, — спокойно возразила фея. — Что вы сделаете против целой сотни ящеров, а их, вероятно, не меньше?

— Вы правы, — подтвердил Арриго. — Когда я жил внизу, драконов насчитывалось штук двести. Полсотни погибло в Фиолетовой стране, значит, их осталось штук полтораста.

— Вот видишь, Кагги, — сказала волшебница. — Тебя и твою подругу разорвут на клочки, а потом набросятся на людей и дуболомов.

Кагги-Карр и остальные штабисты приуныли.

— Но как же быть? — спросил одноногий моряк. — Мы не можем не пойти на выручку Страшилы и остальных пленников. И мы пойдём, если даже нам суждено погибнуть.

— Вот за это я вас и люблю, — одобрительно заметила фея, — и потому решила вам помочь. В Книге написано, что вы получите могучую воздушную эскадрилью, и она у вас будет! Она

вступит в борьбу с драконами…

— Я поняла вас, могучая волшебница! — обрадовалась Кагги. — Я сейчас полечу за подругами!

— Ну, не так скоро, — оборвала её Виллина. — Всякое дело надо делать с толком. Скажи-ка мне по совести, что стоит Изумрудной стране прокормить тебя и твою подругу?

Голова Кагги-Карр мгновенно исчезла из окна. Вороне стыдно было признаться, что она и её племянница за три недели опустошили все окрестные леса и теперь летали кормиться за десятки миль.

— То-то и оно, — сказала фея. — А если таких милых созданий появится полторы сотни, что останется от всех лесов и рощ вашей страны?

— Вы увеличите птиц в самый последний час перед боем? — догадалась Элли.

— Я и этого не сделаю. Ведь огромные птицы не попадут в Пещеру через узкие и низкие коридоры.

— Мы уже об этом думали, — признался Чарли Блек. — Расчистить ходы взрывами? У меня не хватит пороху. Да и страшно: а вдруг получатся обвалы?

— Ничего этого не нужно, — молвила волшебница. — Ворон надо увеличивать в Пещере.

— Вы спуститесь с нами в Подземное царство? — снова попробовала отгадать Элли.

— И опять ты не угадала. Я не имею права покидать верхний мир. Свой волшебный дар увеличивать предметы я передам на время тебе.

— Мне? — изумилась Элли.

— Да, тебе, и надеюсь, ты не будешь им злоупотреблять.

— Но как же я получу эту способность?

— Очень просто. Я научу тебя волшебным словам и обменяюсь с тобой дыханием.

Волшебница попросила Элли дунуть ей в лицо и сама сделала то же. Затем она прошептала девочке на ухо заклинания, увеличивающие предмет и возвращающие ему прежние размеры. Элли трижды повторила их, чтобы лучше запомнить.

— Теперь, девочка, испробуй свой дар, — сказала фея.

— Но на ком? Кого я должна увеличить?

— Не увеличить, а, напротив, уменьшить. Мне надоела эта голова на длинной чёрной шее, что всё время торчит в окне.

Элли подошла к Кагги-Карр, дунула на неё, сказала колдовские слова, и огромная птичья голова исчезла из окна. И сейчас же в окно впорхнула

Кагги-Карр, такая, какой её видели прежде, с той лишь разницей, что у неё на спине был крошечный паланкинчик, а на клюве крошечный глушитель. Она что-то говорила, но глушитель мешал расслышать её слова. Чарли Блек снял его, и Кагги-Карр внятно сказала:

— Приятно стать обыкновенной вороной. Всё-таки эти великанские размеры очень утомляют.

Виллина распрощалась и исчезла, а друзья с великим уважением смотрели на Элли, получившую такой богатый дар. На душе у всех стало легче: они поверили в победу.

При взгляде на сброшенный глушитель у Чарли Блека возникла блестящая идея. Он сказал:

— Если мы сделаем железные оковки на вороньи носы и когти, они увеличатся вместе с птицами?

— Безусловно! — подтвердила девочка.

— Лестар, за работу! — вскричал начальник штаба. — Наши птицы должны быть вооружены лучше драконов!

Худо жить без торговли

Однажды утром к Ласампо, министру продовольствия короля Ментахо, явился заведующий хлебопекарнями.

— Имею честь доложить вашему превосходительству, — уныло начал он, — у меня муки на складе осталось только на три недели. Если не поступит пополнение, придётся закрывать булочные и кондитерские.

— Пополнение, пополнение! — раздражённо перебил его министр. — Откуда оно может поступить?

— Я думал, — пробормотал чиновник, — что в ближайший торговый день…

— Вы с ума сошли! — заорал министр. — Какой торговый день? Вы забыли, что у нас была война с Жевунами!

— Так какие же будут инструкции, ваше превосходительство?

— Убирайтесь вон!

Едва озадаченный чиновник удалился, как вошёл смотритель складов, где хранились молочные продукты.

— Ваше превосходительство, — заговорил он с

растерянным видом, — у меня в амбарах масла и сыру хватит не больше чем на две недели.

— А что я могу сделать?

— Но… быть может… ваши распоряжения… — забормотал испуганный смотритель.

— Вот мои распоряжения! Кондитерам в масле отказывать! Армейским кашеварам масла не давать! Масло и сыр отпускать только на королевскую кухню и только по моим запискам! Поняли?!

— Понял, ваше превосходительство, — ответил смотритель, пятясь к двери.

С ним столкнулся королевский виночерпий. Министр, взглянув на его расстроенное лицо, упал в обморок.

— И вы? — шёпотом спросил смотритель молочных продуктов.

— Да… — тихо ответил виночерпий. — Вина осталось всего на неделю.

Они принялись приводить Ласампо в чувство. Очнувшись, тот поспешил к министрам других королей. Оказалось, что везде с продовольствием такое же катастрофическое положение. Министры доложили королям, короли собрали Малый Совет, где участвовали только они сами и их первые министры. Совет открыл король Памелья

Седьмой.

— Ваши величества, — сказал он. — Перед нами неожиданно открылась картина потрясающей нехватки продовольствия. Я, признаться, раньше не задумывался над вопросом, откуда и как поступает пища на наш стол. Всё казалось таким простым: отдаёшь распоряжение министру, министр приказывает смотрителям складов, от них мука, крупа, масло, фрукты, овощи поступают на кухню, и уж делом поваров было приготовить из них вкусные блюда. И вдруг всё это рушилось… Почему?

— Да потому, — мрачно объяснил король Ментахо, — что мы разбили налаженную веками систему торговли. Вы забыли, ваше величество, что через неделю наступает очередной торговый день, и если бы всё шло как прежде, никто не впадал бы в панику. Ведь наши запасы продовольствия всегда кончались перед базарными днями. Но это никого не беспокоило, все знали, что Жевуны аккуратны, что они доставят нам столько продуктов, сколько нам требуется.

Дряхлый король Арбусто прошамкал:

— Но… э… как мне известно… мы взяли в рабство… э… очень мало этих… как их… э… Жевунов?.. Может, они дадут нам… э… провизию… за наши

товары… э?..

Король Ментахо сказал с убийственной вежливостью:

— Насколько я понял, ваше величество предлагает провести очередной базарный день так, как будто не было этих печальных событий? Что ж, попробуем. Это наша последняя надежда, хотя я боюсь, что она нас обманет.

В очередной торговый день полночный колокол у ворот возвестил, как обычно, что подземные жители вынесли наверх товары для обмена. На сей раз это были самые лучшие товары и в самом большом количестве.

Короли и их приближённые с трепетом ждали, каков будет ответ Жевунов. Сам Ментахо Одиннадцатый в нетерпении отправился к Торговым воротам и первым вышел в верхний мир посмотреть, произошёл ли обмен.

При ярком свете фосфорического шарика Ментахо увидел на воротах художественно нарисованный огромный кукиш. Это и был ответ Жевунов. Товары, вынесенные для обмена, лежали нетронутыми.

В конференц-зале Радужного дворца собрался Большой Совет. Снова засияла радуга цветов на костюмах, но это была печальная, блёклая

радуга, точно пробившаяся сквозь туман. В Подземной стране с её вечной сыростью краски на материях выцветали очень быстро и требовали постоянного обновления. Но бóльшая часть красок поступала из верхнего мира от Жевунов. А Жевуны, в свою очередь, покупали и выменивали некоторые краски в других частях Волшебной страны: у жителей Изумрудного города, у Мигунов и даже у подданных доброй волшебницы Виллины. Война нарушила все эти связи, расстроила торговлю между странами, и первым за это пришлось расплачиваться агрессорам.

Прения открыл Ментахо. Он высказывал горькие истины, которые прежде встретили бы недружелюбный приём. Но теперь все сознавали их справедливость.

— Ваши величества, господа министры и придворные, — начал свою речь Ментахо густым басом. — Несколько месяцев назад с этой трибуны выступал уважаемый господин Арриго и горячо предостерегал нас от ошибочных действий. Мы не послушались его разумных советов, и теперь нам приходится раскаиваться. Арриго говорил о том, что безрассудно было бы разорить верхнюю страну, которая торговала с нами целые века. Мы пошли на это безрассудство и теперь

видим: худо жить без торговли! Лишившись постоянного мощного притока продовольствия, мы должны рассчитывать только на свои ресурсы, а они у нас очень невелики… По правде говоря, я сожалею, что мы отвергли предложение Арриго установить общий придворный штат для всех семи владык и разогнать бездельников лакеев. Это их прожорливая банда пожирает бóльшую часть продуктов и выпивает бóльшую часть вина, которые должны были бы идти на наш стол. Мы поступили, как безумцы, но прошлого не вернёшь… Я прошу тех, у кого есть какие-нибудь предложения, подниматься на эту трибуну и высказываться.

Ораторы выходили один за другим, но их предложения были однообразны и сводились к тому, чтобы посадить народ на голодный паёк, хотя и без того его питание было очень скудным.

Придворный, который на прошлом совете говорил, что рабочие и крестьяне без ущерба для здоровья могли работать гораздо больше, чем они работали, теперь с пеной у рта доказывал, что они могут в два-три раза меньше есть.

Общей мыслью всех выступавших было то, что надо потерпеть до нового урожая. Земли при помощи дуболомов было засеяно много. Но без

солнца, при невысокой температуре Пещеры, хлеба росли и созревали очень медленно, и надо было ждать не менее шести месяцев. Столько времени продержаться было невозможно, если даже уменьшить выдачу продовольствия рабочим и крестьянам вчетверо.

Выступил воевода Гаэрта.

— Мы должны организовать новый поход наверх, — браво заявил он.

Его слова были встречены с недоумением, но Гаэрта не смутился.

— Да, новый поход, — смело продолжал он, — только не за людьми, а за продовольствием. — К его словам стали прислушиваться внимательнее. — Мы не пойдём в страну Мигунов, это опасно…

— Ещё бы! — иронически отозвался кто-то, и в зале прокатились смешки.

— Когда мы выходили в первый раз, мы ставили своей задачей добыть рабочую силу и не обращали внимания на имущество Жевунов. Это была наша трагическая ошибка. Какие я там видел горшки со сметаной! Какие круги сыра! Какие вязки сушёной дыни!..

Сладострастный стон пролетел по залу. А оратор продолжал в экстазе:

— Я сам развязывал мешки с изюмом! Пробовал многолетнее вино из бочонков в подвалах! О-о-о!..

Слушатели испускали крики одобрения.

Только Ментахо угрюмо молвил:

— На этот раз нам ещё удастся их ограбить, они, конечно, не ждут нового нападения, а что будет дальше?

Но призрак голода заставил всех забыть о благоразумии. Дальше?! Какое им дело, что будет дальше? Лишь бы обеспечить себя до урожая, а там… судьба покажет!

Совет проголосовал (при трёх воздержавшихся и одном против) за новый поход с целью ограбить страну Жевунов. Командование поручили находчивому Гаэрте, хотя по закону полагалось возглавлять армию воеводе короля Памельи, старому Фантроно.

Руф Билан пытается шпионить

Прежде чем выступить в новый грабительский поход, следовало обезопасить свой тыл. Ведь если бóльшая часть войска и драконов будут выведены, заговорщики воспользуются этим, чтобы устроить государственный переворот.

Заговор надо раскрыть во что бы то ни стало и уничтожить его вдохновителей. По подземелью шныряли шпионы, принюхивались, прислушивались, водили на допрос за одно неосторожное слово. Судьи выпытывали у арестованных, участвуют ли они в заговоре, и кто этим заговором руководит. Но ищейки не могли нащупать ни одной нити.

Особенно строгий надзор был установлен за Страшилой. Но бывший правитель Изумрудного города вёл себя безукоризненно. Где бы ни встречал он невольников, он обращался к ним с горячими увещаниями вести себя добропорядочно и во всём слушаться королей, потому что короли — благодетели народа, его кормильцы.

Вся жизнь Страшилы, все его поступки были на виду у наблюдателей, от них ускользали только два часа в сутки, которые он проводил в

литейной: такой курс лечения был ему прописан врачами по настоянию Фараманта. Но именно в эти два часа Страшила, Фарамант и Рок Болл, он же Урфин Джюс, составившие подпольный штаб восстания разрабатывали планы своих действий. Заговорщики не таились от работников мастерской. Литейщики, голодавшие на мизерном пайке, изнывавшие от непосильной работы, сами мечтали о другой, лучшей жизни и понимали, что примкнув к мятежу невольников, они смогут низвергнуть своих тиранов. Этими своими мыслями они делились с искателями драгоценных камней, с рудокопами, металлистами, стекловарами и даже с крестьянами, существование которых тоже было безнадёжно мрачным.

Недовольство всё больше захватывало рабочих и крестьян Пещеры, а после резкого сокращения продовольственных выдач оно стало всеобщим. Страшиле было ясно, что они поддержат восстание, и он рекомендовал главарям тайных ячеек потихоньку готовить оружие.

Страшила повсюду проповедовал послушание, но у короля Ментахо, самого проницательного из всех, всё же оставались сомнения в его искренности, и он решил проверить, что делает бывший правитель в свои «лечебные часы». На помощь

литейщиков, известных свободомыслием, рассчитывать было нельзя. Приходилось подослать человека со стороны и притом такого, глаза которого могли бы выносить блеск топок. Но кто из невольников примет на себя такую постыдную роль? Только Руф Билан. И выбор Ментахо остановился на Билане.

Предатель с радостью взялся следить за Страшилой: он предвидел возможность снова возвыситься в случае, если ему удастся раскрыть заговор.

Но когда Руф Билан прошёл в литейную вслед за Страшилой, ему была оказана неожиданная встреча. Старшина мастерской, пожилой литейщик с лицом, опалённым огнём, отвёл его в сторону и тихо сказал:

— Мы знаем, кто ты такой и зачем сюда пришёл. Но если тебе дорога жизнь, ты сейчас же покинешь мастерскую и приведёшь королям такие причины, которые не позволяют тебе здесь бывать. Иначе… — И он указал глазами на топку, где яростно бушевало пламя.

Руф Билан выбежал из мастерской ни жив ни мёртв.

Власть семи королей висела на волоске, но они этого не сознавали, кроме, пожалуй, одного

Ментахо, и, беспечно расточая последние продовольственные запасы, пировали в Радужном дворце, принимали парады своих войск, увольняли и назначали министров. И по-прежнему Хранители времени, готовясь к очередному переходу престола от одного короля к другому, мошенничали с песочными часами…

Маленькая посланница из большого мира

Фенелла вернулся из дворца мрачный. Выполнение унизительных лакейских обязанностей становилось для него с каждым днём тяжелее. Раздражительность правящих отражалась и на низшем дворцовом персонале. Только сегодня Фенелла отсидел три часа в карцере за то, что, подавая кушанья во время банкета, уронил тарелку.

Фенелла открыл дверь своего дома. Семья уже спала. Маленький фосфорический шарик, сохранившийся от лучших времён, освещал переднюю вместо ночника. Фенелла шёл, не глядя себе под ноги, и вдруг услышал тоненький голосок:

— Осторожнее, сударь! Вы чуть не раздавили меня!

Фенелла вздрогнул от удивления, осмотрелся. Никого.

— Вы смотрите не туда. Я на полу.

Летописец взглянул вниз и увидел мышь, сидевшую на задних лапках.

— Ты… ты говоришь? — запинаясь, спросил

Фенелла.

— У нас в верхнем мире все говорят, — не без гордости заявила мышь.

— Ах, ты из верхнего мира! Но что же привело тебя сюда?

— Зовут меня Терайя, и я прислана к вам её величеством королевой мышей Раминой с важным поручением.

— Оч…чень приятно, — пробормотал Фенелла и посадил мышь к себе на ладонь, чтобы удобнее было с ней разговаривать.

Терайя была старая, опытная мышь, не раз выполнявшая дипломатические поручения. Она очень толково изложила просьбу Чарли Блека и других достать для них план Государственного заповедника и отнести его в условленное место.

Фенелла призадумался. Летописец понимал, что, взявшись за такое дело, он вступит в борьбу с семью королями. Но кто ему короли? Кто они народу? Жадные, корыстные тираны, думающие только о своих удовольствиях и для этого замучивающие людей на работе, придумывающие для потехи идиотские способы приветствия, приютившие под своим крылышком разнузданную ораву придворных и дворцовой челяди… Фенелла решился.

— Я попытаюсь, — сказал он Терайе. — Дело трудное, но, быть может, оно мне удастся. Вам придётся прожить у меня денёк-другой. Богатого стола не обещаю, мы вообще теперь туго затянули пояса, но хлебные крошки в королевской кухне найдутся. И я ещё должен вас предупредить, госпожа Терайя, что моя жена терпеть не может мышей.

Фенелла не решался обращаться к Терайе на ты после того, как узнал, что она — посланница мышиной королевы.

— Я привыкла к лишениям, — снисходительно ответила Терайя. — И мне не впервые сталкиваться с несправедливостью женщин. Однако я не смогу воспользоваться вашим гостеприимством. Мне нужно повидаться со Страшилой Мудрым.

Уважение Фенеллы к мыши-посланнице ещё возросло. Он спрятал её от глаз жены в укромном месте, а утром отнёс за пазухой в Радужный дворец и выпустил в комнате Страшилы. Расставаясь с Терайей, летописец просил её передать наверх сообщение чрезвычайной важности. Против страны Жевунов затевается новый поход с целью забрать все продукты у населения и обречь его на голод. Мышь обещала обязательно выполнить такое важное поручение.

Страшила остался очень доволен, когда узнал от мыши, что делают его друзья наверху, и в свою очередь рассказал ей для доклада генеральному штабу, как ведётся подготовка к восстанию внизу.

Терайя прожила у Страшилы три дня, прежде чем Фенелла сумел раздобыть план. Это стоило ему больших трудов, но у летописца были друзья и единомышленники, имевшие доступ к государственным архивам. В конце концов, дело было сделано, и желанная бумага оказалась в руках Фенеллы.

Теперь летописцу осталось найти благовидный предлог для того, чтобы побывать в Заповеднике. К счастью, такой предлог нашёлся. За последнее время от забот и огорчений волосы Фенеллы сильно поредели. Показав четвёртому лакею лысинку на макушке, Фенелла получил от него разрешение посетить целебный источник. Так были выполнены первые два поручения Терайи. Но она не забыла и о третьем. По её просьбе Фенелла написал дату предстоящей смены королей на крошечной бумажке и обмотал бумажку вокруг мышиного хвоста, обвязав ниткой.

Бурлит Пещера…

Теперь, когда точная дата восстания была установлена, у штаба Страшилы прибавилось дела.

Нужно было осведомить всех невольников, когда наступит момент выступления, рассказать, где и как они получат оружие, наметить командиров отдельных отрядов.

Пленники работали в разных концах огромной пещеры, и бедный Фарамант сбился с ног. Вся беготня пала на него, потому что Страшила никогда не был хорошим ходоком, а на обязанности Урфина лежало подготовить к бою дуболомов.

Пришлось увеличить количество штабистов. Фарамант взял себе в помощь несколько быстроногих молодых пленников, здоровье которых ещё не расшаталось в неволе. Посылая их с поручениями, Фарамант наказывал им остерегаться шпионов и пуще всего бояться Руфа Билана.

Билану не удалось проникнуть в литейную мастерскую, но он не расстался с мыслью раскрыть заговор и шнырял по Пещере, подсматривал, подслушивал, старался вызвать соплеменников на откровенный разговор. Но из этого ничего не выходило: предателя все знали и презирали.

Самая ответственная роль выпала Урфину Джюсу. Он должен был превратить дуболомов в свирепых солдат, но не следовало делать это слишком рано. Преждевременной вспышкой деревянные солдаты могли испортить дело, так как стратегический план требовал одновременного выступления всех освободительных сил.

Но и мешкать не приходилось: работа брала много времени. Талантливый мастер нашёл выход. Он делал дуболому новое лицо, но самую последнюю завершающую чёрточку оставлял напоследок. Провести её будет делом одной минуты, но после этого дуболом закипит отвагой и ринется в бой. Лану Пироту, чтобы стать боевым генералом, тоже оставалось получить два-три удара резцом.

Дуболомам требовалось оружие. Урфину Джюсу пришлось пустить в ход всю свою изобретательность, чтобы его найти. И он нашёл. Неподалёку от входа в северо-западный сектор был склад товаров для меновой торговли с Жевунами. В этом складе наряду со многими другими товарами имелись и железные изделия: топоры, ломы, кувалды… Склад охранялся двумя часовыми, и захватить его в момент, когда начнётся восстание, не представляло никакой трудности.

Очень важно было заручиться поддержкой коренного населения Пещеры, и Страшила посвятил в свои планы старосту литейщиков. Литейщики шепнули металлистам, металлисты — рудокопам, рудокопы — искателям алмазов, искатели алмазов — крестьянам, крестьяне — стеклодувам… Работники Подземной страны готовились к бою. Литейщики отливали железные и медные полосы, металлисты ковали мечи и кинжалы, крестьяне острили вилы, рудокопы точили кирки…

До перехода власти от короля Памельи к королю Пампуро оставалось несколько дней. И Хранители времени уже начали переводить стрелки песочных часов — один вперёд, а другой назад.

Птичья эстафета

В Изумрудном городе подготовка тоже шла полным ходом. Из обширного вороньего населения страны Кагги-Карр самым придирчивым образом отобрала сто сорок восемь птиц, отдавая преимущество отъявленным забиякам и драчуньям. Чарли Блек и Лестар оковали железом носы и когти будущих воительниц. В соседней роще по целым дням раздавались птичьи голоса, и Кагги сурово следила за порядком, опасаясь, как бы сварливые птицы не покалечили друг друга.

Оружие, приготовленное для невольников, лежало у входа в коридор Руфа Билана, и его охраняли Мигуны, сменявшиеся каждые шесть часов. План Фенеллы был получен, размножен, и командиры частей тщательно его изучили. По лабиринту прошли разведчики — убедиться, что со времени составления плана не произошло изменений, и что наступающих не встретят неожиданности. С разведчиками ходил Тотошка: его тонкое чутьё должно было предупредить людей, если на их пути окажутся чужие. Но всё обошлось благополучно, и разведчики расставили на пути дополнительные знаки.

Оставалось обеспечить одновременность выступления обеих армий. Вопрос этот был очень важным: разница во времени даже в два-три часа могла оказаться губительной.

Чарли Блек вызвался подать сигнал ракетой, которую он сделает из привезённого с собой пороха.

Но это предложение отвергли: едва ли можно было увидеть ракету на таком далёком расстоянии. Посылать гонца тоже не имело смысла: даже гигантской вороне понадобилось бы три-четыре часа на перелёт от Изумрудного города в страну Жевунов.

И тогда Кагги-Карр предложила устроить птичью эстафету. Тысячи птиц разместились на длинном пути неподалёку друг от друга: вороны, грачи, синицы, воробьи — всё самые опытные и заслуженные представители своей породы.

Была произведена проверка. Сама Кагги-Карр взмахнула крыльями на городской стене, и тотчас маханье и хлопанье крыльев с невероятной быстротой покатилось по линии…

— Великолепно! — сказали члены штаба.

Кагги-Карр сияла от удовольствия.

Через два дня после этого сильный корпус Мигунов под предводительством Железного

Дровосека выступил в Голубую страну. Он должен был подойти к Торговым воротам за день до очередной смены королей. Дровосек хотел дать своим солдатам суточный отдых, прежде чем повести их на бой. В этом отряде шёл Арриго.

Неожиданные преграды

Могучими ударами топора Железный Дровосек разломал ворота, в караулку вломились его воины, и закипела жестокая битва. Солдаты семи владык владели оружием искуснее Мигунов и, конечно, отбросили бы их, но сила и неуязвимость Железного Дровосека решили дело. Дровосек каждым ударом огромного топора укладывал вражеского бойца, и караульные бежали. Но начальник штаба Чарли Блек был прав, когда предполагал, что от ворот проведена сигнализация. Только она шла не в далёкий Город Семи владык, а просто через пещеры и коридоры были протянуты бечёвки. Начальник стражи, убегая, дёрнул шнур за один конец, и на другом конце раздался тревожный звон. И тотчас же дежурный передал сигнал дальше. Этот верёвочный телефон действовал исправно, и когда Железный Дровосек и Арриго, шедшие во главе отряда, миновали несколько подземных зал и коридоров, в одном узком месте они наткнулись на прочный железный щит, преградивший дорогу. Напрасно Дровосек колотил по щиту обухом топора, от этого получался только оглушительный грохот…

Армия Чарли Блека и Дина Гиора форсировала Заповедник, рассчитывая оказаться в Пещере одновременно с бойцами Железного Дровосека. Каждый солдат помимо своего оружия нёс меч или копьё для невольника. На плечах многих воинов сидели вороны, лязгая железными клювами. Элли и Тотошка поместились на спине Льва, позади шёл Топотун, радостно предвкушавший встречу с хозяином. Чарли Блек нагрузил на медведя бочонок с порохом, а сам шёл с заряженным пистолетом в каждой руке. Факелы, дымясь, освещали путь.

Сердце Элли сжималось от волнения. Скоро начнётся бой, и кому суждено уцелеть в нём, кто погибнет?

Извилистая дорога казалась бесконечной. В одной из пещер мелькнул Шестилапый и, напуганный шумом и светом, скрылся в боковом коридоре. Войско было предупреждено о необходимости соблюдать тишину, и всё же гул от движения людской массы уносился далеко вперёд, нарушая могильный покой подземелья.

Вдруг головная колонна остановилась, вызвав всеобщее замешательство. Вперёд побежали адъютанты и возвратились с донесением, что разведчики увидели за поворотом бледные огни.

Эти огни могли быть только фосфорическими светильниками на шапках охотников. Вероятно, они ловили того Шестилапого, что недавно попался на дороге.

Какая роковая случайность! Охотники не могли оказать сколько-нибудь серьёзного сопротивления, но пропадал эффект неожиданности. Однако, делать нечего, следовало идти дальше, так как вряд ли приближение неприятеля могло ускользнуть от внимания охотников.

Войско двинулось. Скоро наткнулись на брошенные сети. Как видно, охотники очень торопились вернуться домой, чтобы предупредить о приближении врагов.

Фельдмаршал отдал приказ ускорить шаг. Теперь не было нужды скрываться, громкий топот ног и гул голосов заполонили всё вокруг.

— Раз-два, раз-два… Колонна, стой!

Армия оказалась в тупике!

Весь генералитет собрался впереди. Сразу появилось несколько планов, их рассматривали при свете факелов. Получалась странная вещь. По всем планам выходило, что двигались правильно, и уже недалеко выход в Пещеру. И однако…

Чарли Блек поколотил деревянной ногой в стену, и стена отозвалась звоном металла. Да,

инженеры подземных королей знали своё дело. На случай неприятельского вторжения они устроили во всех коридорах, ведущих в страну, металлические щиты, которые спускались с потолка при простом повороте рукоятки.

Штаб начал совещаться. Что было делать? Искать другие пути, идти обходом, потратить на это, быть может, многие часы и дни, а кто может ручаться, что и там выход не будет прегражден таким же образом?..

Моряк Чарли сбросил с плеч рюкзак и начал рыться в его многочисленных карманах.

— Дядя Чарли, что ты делаешь? — спросила Элли.

— Ищу бурав.

— Зачем?

— Мы взорвём проклятый щит. Это единственная возможность попасть в Пещеру, не слишком задержавшись.

Чарли принялся за дело. Ему в своё время немало пришлось повозиться и с пушками, и с минами, и он знал в этом толк. Пока моряк сверлил отверстия для запалов и набивал их порохом, армия отошла назад за несколько сот шагов, в большую пещеру, стены которой казались надёжными.

Там люди стояли в тоскливом ожидании, минуты казались им часами…

Неразбериха

На центральной площади города опустился крылатый ящер, и с его спины спрыгнул возбуждённый человек в зелёном берете. Он пробежал в зелёный сектор Радужного дворца и приказал лакею доложить о нём королеве Стафиде. Та вскоре появилась.

Вестник быстро заговорил:

— Ваше величество…

— Почему ты не приветствуешь меня? — строго перебила королева.

— Но, ваше величество, случилась беда…

— Пока ты не проделаешь установленных приветствий, я не буду тебя слушать!

Проклиная придворный этикет, гонец подпрыгнул семь раз, хлопая себя руками по бёдрам.

— Говори! — приказала Стафида.

— Ваше величество, на нас напали враги! Торговые ворота взломаны, мы понесли потери и отступили. К счастью, неприятеля удалось задержать щитом…

— Позвать воеводу Карпаньо! — распорядилась королева.

Пришёл воевода, тучный старик с длинной ры-

жей бородой. Прежде чем докладывать воеводе о случившемся, гонцу пришлось попрыгать и перед ним. А драгоценные минуты уходили…

Выслушав донесение, Карпаньо обратился к королеве:

— Ваше величество, могу я задать вопрос? Час вступления на престол короля Пампуро настал?

Стафида взглянула на песочные часы и ответила:

— Да!

— Тогда я приму командование армией и поведу её на врага.

Но в этот момент сверху донёсся колокольный трезвон, и вскоре в зал вбежал Ургандо, Хранитель времени короля Пампуро. Он был вне себя от бешенства, его седые волосы стояли дыбом, из расцарапанной щеки текла струйка крови.

— Негодяй Туррепо выгнал меня! — кричал Ургандо. — Он спихнул меня с лестницы уже в третий раз, и царствование короля Памельи продолжается!..

— Простите, ваше величество, вежливо, но твёрдо заявил Карпаньо, — но если так, я не могу вступить в должность. Это обязанность воеводы Фантроно.

— Нет, я добьюсь своего! — яростно закричал

Ургандо и бросился из зала. — Этот мальчишка узнает, что у меня ещё есть сила!..

В момент, когда Ургандо выбежал на крыльцо, сверху слетел другой ящер, и гонец в жёлтом берете поспешил в покои короля Памельи.

Время на приветствия было потрачено и тут, и когда жёлтый вестник получил возможность говорить, он объявил:

— Ваше величество, Заповедник наводнён врагами. Мы обнаружили их во время охоты и успели опустить щит перед самим их носом.

— А сколько врагов? — спросил король.

— Много. Целые сотни, а, может быть, и тысячи... Кто-то из наших показал им дорогу, потому что они продвигались очень уверенно.

— Теперь не время разыскивать изменников, — сказал Памелья. — Надо сражаться! Воевода Фантроно!

— Здесь, ваше величество! — отозвался Фантроно, долговязый, желтолицый, морщинистый старик.

— Соберите войска всех королей и ударьте на противника!

— Слушаюсь, ваше величество... Но разрешите спросить — время вашего царствования ещё не истекло?

Памелья величественно показал на часы.

— Вы видите? У меня в запасе целых шесть часов, и за это время вы успеете одержать победу. Историки запишут, что она случилась в моё правление.

Но в этот миг снова зазвонил большой колокол, и через две минуты в зал вполз на четвереньках растерзанный Туррепо. Глаза его были подбиты, губы распухли, с головы валились клочья выдерганных волос.

— Ургандо одолел меня, — простонал Хранитель времени. — Кто бы мог думать, что у этого окаянного старика такие жилистые руки!..

Туррепо бессильно опустился на паркет.

— Простите, ваше величество, — молвил Фантроно, — царствовать начал король Пампуро, и главнокомандующий — Карпаньо. Таков закон!

Туррепо оправился и на четвереньках побежал к двери, бормоча:

— Это ему так не пройдёт… Я знаю один трюк…

Карпаньо и Фантроно сошлись на площади и в недоумении смотрели друг на друга, не зная, кто из них начальник, а кто подчинённый. А в дворцовой башенке шла жестокая борьба, слышались вопли, то один, то другой соперник сваливался с лестницы, звон то начинался, то обрывался…

По городу уже распространились тревожные слухи, воевод окружила толпа народа, люди расспрашивали, обменивались мнениями. Беспокойство разрасталось, как падающая с горы лавина. По слухам, вражеские дивизии уже подходили к городу, а между двумя Хранителями времени шла остервенелая драка, и древний закон не давал никому права в неё вмешаться.

Войска семи королей собрались под стенами города, они выстроились по отрядам, при оружии, драконы были выведены из стойл, но никто из воевод не решался пустить в ход всю эту военную машину.

Страшила и Железный Дровосек хорошо выбрали время для нападения на Подземную страну. Жители верхнего мира одержали бы решительную и быструю победу, если бы не щиты…

Первый успех дуболомов

В Радужном дворце царила необыкновенная суматоха. Из одного сектора в другой стремглав бегали лакеи, советники, и даже министры, позабыв свою солидность, носились во всю прыть. Проводились мимолётные совещания на бегу, возникали предложения и мгновенно сменялись другими. Люди буквально потеряли головы.

Кто-то из королей надумал созвать Большой Совет. Но это было непростое и нелёгкое дело собрать сотни его членов. И пока лакеи бегали с извещениями, король Ментахо решил дело по-своему. Это был человек высокого роста и могучего сложения, и сила ему пригодилась. Взбежав наверх, он вышвырнул из башенки обоих Хранителей времени и ударил в колокол трижды. Такой сигнал применяли только в самых критических случаях и, по преданиям, за всю историю Подземной страны он раздавался всего два раза.

Сигнал означал всенародное собрание. Горожане, обитатели дворца и пригородные жители собрались на площади. Только солдаты продолжали оставаться в строю.

Король Ментахо вышел на балкон и заговорил

громовым басом:

— Люди Пещеры! Нас постигла огромная опасность, к нам с востока и запада подступают враги, а два безумных Хранителя времени старались переспорить один другого и расточали драгоценные минуты и часы! В этот грозный момент я беру всю власть на себя и объявляю: царствует король Ментахо Одиннадцатый, и кто осмелится не выполнять его приказы, тот будет казнён смертью, какое бы положение он ни занимал!

— А древний закон? — выкрикнул из толпы укоризненный голос.

— Закон умирает, если он вреден для государства, — возразил Ментахо. Затем он добавил: — Армию поведёт воевода Гарринчо, а верховное командование принимаю я!

В толпе раздались возгласы: «Да здравствует спаситель отечества, король Ментахо!» и тотчас смолкли, потому что Ментахо, спустившись с балкона, начал энергично действовать. Своих придворных он объявил главным штабом, лакеев превратил в комендантскую команду. И сейчас же во все стороны побежали вестовые с приказами.

Король послал горожан на стены, защищать наиболее уязвимые участки, жителям пригород-

ных посёлков приказал копать рвы и возводить насыпи, дуболомам велено было гнать Шестилапых к городу, чтобы составить из них боевой резерв.

Гонец, посланный к дуболомам, наткнулся на странное зрелище. Деревянные люди толпились вокруг пленника с мрачным взглядом, и тот проводил резцом по их деревянным лицам. И каждый дуболом, по лицу которого прошёлся резец, отбегал прочь с воинственным криком и становился в строй, равняясь на рослого командира с огромной булавой в руке.

Шестилапые, привязанные к кольям, с довольным урчаньем пожирали сырую рыбу, так как был час их кормления.

Гонец, заподозрив неладное, пустился наутёк, но ему не удалось убежать от бывших полицейских, посланных вдогонку. Урфин приказал связать гонца и положить под кустик, и таким образом король Ментахо с большим запозданием узнал, что дуболомы перешли на сторону врага.

Последний дуболом прошёл через руки Урфина, и в это время вернулись те, кого он посылал за оружием. Склад был разгромлен, и деревянные солдаты завладели колунами, тяжёлыми кувалдами, ломами.

Урфин разделил своё воинство на две части. Он уже знал, что его друзья наступают с двух сторон, но и там и там их задержали прочные металлические щиты.

Урфин повёл первую роту к Торговым воротам, выручать Железного Дровосека. А командиру второй роты, генералу, он сказал:

— Генерал, ведите солдат на восток и там постарайтесь соединиться с силами Дина Гиора и моряка Чарли. Всех, кто будет задерживать ваше движение, бейте беспощадно!

— Будет исполнено! — рявкнул генерал с ужасной гримасой.

— Если встретите Страшилу Мудрого, возьмите его под свою защиту!

— Будет исполнено! — повторил Лан Пирот, и полтораста деревянных ног ударили по твёрдому грунту.

Шестилапых разделили пополам, и за каждым из отрядов последовали два десятка зверей, ведомых вожаками, которых они привыкли слушаться.

Немногочисленные заслоны воинов на пути к Торговым воротам были смяты дуболомами Урфина Джюса, и вскоре отряд остановился перед толстым стальным щитом. Передняя шеренга

заколотила в него дубовыми головами, но щит не подавался, зато с другой стороны послышались мощные удары и гул голосов.

Урфин нашёл рукоятки, поднимавшие щит, и тяжёлая махина уползла в своё гнездо. Два отряда соединились. Железный Дровосек от восторга так стиснул руку Урфина Джюса, что тот зашипел от боли. Арриго, распростившийся с зелёными очками, обнял Урфина, и мрачное лицо Джюса просияло: давно уже он не знал такой ласки.

Прежде чем начать совместные боевые действия, Урфин обратился к своим солдатам с речью:

— Воины! Присмотритесь к людям, с которыми мы сейчас встретились, запомните их одежды, лица. И знайте: это свои! Приказ: своих не бить!

— Своих не бить! — гаркнули десятки деревянных глоток.

Объединённые силы Железного Дровосека и Урфина Джюса покинули северо-западный сектор лабиринта и двинулись по дороге к Городу Семи владык, ведомые Арриго. В арьергарде следовали Шестилапые, с которыми справляться было всё труднее, так как они почуяли запах крови.

Элли пускает в ход колдовство

Чарли Блек вставил в одно из просверленных им отверстий длинный фитиль, поджёг его и заковылял прочь.

Мины взорвались с таким грохотом, что казалось: весь огромный каменный свод подземелья рушится на головы людей. С потолка пещеры посыпался щебень, пол заколебался, вороны с резким карканьем поднялись в воздух, Мигуны мигали и стонали от страха, Лев и Топотун ревели, Тотошка лаял…

Когда улеглась суматоха, осторожно двинулись вперёд. Прочный гранит коридора устоял, а щит, вырванный силой взрыва из глубоких пазов, валялся на полу.

Через несколько минут засветился слабым светом выход в Пещеру. Первая стратегическая задача Дина Гиора и Чарли Блека — привести армию в подземелье — была выполнена. Это произошло в то самое время, когда в Подземной стране кончилось междуцарствие, и король Ментахо взял власть в свои крепкие руки.

Войско Дина Гиора, вступившее в Пещеру и поражённое её необычайным видом, понемногу

приходило в себя и строилось в колонны. Для Элли, Чарли Блека и Тотошки зрелище подземного мира было знакомым. Моряк поднялся на пригорок и поднёс к глазу подзорную трубу.

— Летят! Они летят сюда! — в тревоге крикнул он. — Элли, действуй скорее! Приближаются драконы!..

Вокруг Элли поднялась невообразимая суматоха. Вороны били вокруг неё крыльями, садились ей на плечи и голову, цеплялись железными когтями за платье и все кричали:

— Я! Я первая! Меня вперёд!

Элли совершенно растерялась, ослеплённая и оглушённая. Кагги и Карр-Карайя героическими усилиями навели порядок и заставили птиц выстроиться в очередь. И, конечно, первой оказалась Кагги-Карр.

Элли дунула на Кагги-Карр, прошептала заветные слова: «Пикапу́, трикапу́, ско́рики, мо́рики…», и гигантская ворона взлетела в воздух, осенив своими крыльями всю очередь. За ней поднялась Карр-Карайя, а потом и третья, четвёртая, пятая гигантские птицы закружились над землёй, готовясь вступить в бой.

— Кагги-Карр! Кагги! — отчаянно закричал одноногий моряк. — Сюда! Ко мне!! Ты забыла

наш уговор!!

Кагги-Карр спустилась близ Чарли Блека. Заранее привязанная моряком к паланкину шёлковая лестница с перекладинами из спичек обратилась в настоящую висячую лестницу, и Чарли начал карабкаться по ней. Обернувшись, он крикнул Льву:

— Напоминаю тебе, что Элли остаётся под твоей охраной!

В штабе было заранее решено, что Элли останется у выхода в Пещеру, чтобы не подвергаться случайностям боя, и защищать её будут Смелый Лев и Топотун. Льву такое назначение было не по нутру, но пришлось подчиниться: он не очень надеялся на проворство и сообразительность набитого опилками медведя.

Чарли Блек устроился в паланкине, положил возле себя пару пистолетов и весь свой запас патронов.

— Клянусь ураганом! — проворчал он. — Кажется, битва будет горячая. Вот они, красавчики, мчатся взять нас на абордаж!

Уже десятки колоссальных птиц кружились в воздухе, а к Элли подходили всё новые и новые вороны, и у девочки уже кружилась голова, заплетался язык и не хватало дыхания. Однако она

стойко продолжала своё дело.

Оружие — факелы!

Дин Гиор, распушив свою чудесную, единственную в Волшебной стране бороду, шёл вперёд огромными шагами. За ним поспешали Лестар и Мин Кокус, а далее стройно отбивали шаг колонны Мигунов, обвешанных оружием. Но вот дорога разделилась надвое, и войско остановилось в нерешительности. И тут из рощицы выскользнул небольшой человек с бледным лицом и большими чёрными глазами, в оранжевой лакейской ливрее. Он приблизился к Дину Гиору, протянув руки в знак того, что у него нет враждебных намерений, и сказал:

— Я — Фенелла! Меня послал к вам Страшила Мудрый, служить вам проводником.

Радостный ропот пронёсся по рядам, а фельдмаршал воскликнул:

— От всей души приветствуем вас, сударь! Вы уже оказали нам ряд серьёзных услуг, а теперь продолжаете их. Что с нашим другом Страшилой?

— Он жив и здоров, находится в литейной мастерской и через адъютантов держит связь с рабочими нашей страны.

Это известие быстро распространилось по всей армии и подействовало на людей, как подкрепляющий бальзам. Они бодро зашагали по дороге, указанной Фенеллой. У полуразвалившейся хижины Фенелла сделал знак остановиться.

— Господин фельдмаршал, — сказал он, — здесь склад факелов, заготовленных невольниками по приказу Страшилы Мудрого.

— Зачем они нам? — удивился Дин Гиор. — Мы и так всё видим.

— Они послужат вам боевым средством, — объяснил Фенелла. — Я не намерен хулить ваше войско, но солдаты семи королей неизмеримо лучше владеют оружием. Ведь в этом их ремесло, оно переходит от отца к сыну, они его усваивают с детства. И вам придётся сражаться в сумраке, где мы различаем предметы несравненно лучше, чем люди верхнего мира. Вас расстреляют из луков, забросают дротиками, поразят копьями. Вы можете победить лишь в том случае, если ослепите глаза противников светом факелов.

Простое и умное объяснение Фенеллы заставило всех прославить мудрость Страшилы, давшего соотечественникам средство к победе. Факелы разошлись по рукам, но зажигать их прежде времени не стали. Армия двинулась дальше.

Вот и невольничий посёлок. Он казался безлюдным, но у двери каждой хижины стоял надсмотрщик с мечом в руке. По приказу короля Ментахо пленников загнали в дома, чтобы они не могли присоединиться к наступающему неприятелю.

Но Ментахо слишком понадеялся на щиты, он не предполагал, что армии верхнего мира так скоро появятся в Пещере. Надсмотрщики бежали, и из хижин хлынули освобождённые невольники. Их лица преобразила радость, плечи распрямились. С суровой решимостью граждане Изумрудного города и Жевуны разобрали оружие — мечи, кинжалы и копья — и влились в ряды своих собратьев. У них, правда, не хватало воинского мастерства, но зато была неистребимая жажда свободы, жажда мести за те мучения, что им пришлось вытерпеть…

Отряд, увеличенный вдвое, продвигался к Городу Семи владык. И впереди показались ряды солдат, одетых в чёрное: передовой отряд воеводы Гарринчо. Ещё целая сотня шагов оставалась до сближения, как в воздухе запели стрелы.

— Ложись! — крикнул Фенелла.

Не все успели последовать его совету, и первые убитые и раненые упали на землю. С самого Дина

Гиора стрела сбила шлем, и он остался с непокрытой головой.

Но тотчас в армии Гиора вспыхнули сотни факелов, и подземные воины были ослеплены. В их рядах наступило смятение. Они продолжали стрелять, но не могли целиться, и их стрелы уже не находили жертв.

Армия Мигунов наступала. И какую же великую услугу оказала им предусмотрительность Страшилы! Лучшим оружием Мигунов в рукопашной схватке оказались ярко горевшие факелы. Солдаты Гарринчо отворачивались, иные пытались закрыть глаза левой рукой, раздавали удары наугад, а противники разили их наверняка.

Разгромленный авангард семи подземных владык бежал, оставив на земле десятки трупов, а Мигуны и Жевуны потеряли всего несколько человек. Наступление продолжалось: главные силы врага были впереди.

Предатель получил по заслугам

Дин Гиор и Чарли Блек двигались с северо-востока, а Железный Дровосек и Урфин Джюс шли с северо-запада. Король Ментахо всё время получал донесения о ходе боёв от связистов, летавших на ящерах. На северо-запад он послал сильный отряд под командованием воеводы Карпаньо. Здесь сражение развернулось по-другому.

В отряде Железного Дровосека не было факелов. Арриго, как и Фенелла, знал воинское мастерство подземных солдат и рассказал о нём Дровосеку. Было произведено перестроение. Впереди стали в три шеренги дуболомы, образовав непробиваемый заслон для стрел. И так как Мигуны были ростом значительно ниже дуболомов, то они очутились за надёжной деревянной стенкой.

Когда полк Гарринчо приблизился к дуболомам, они устремили на людей свои глаза, сделанные из стеклянных пуговиц, и нерешительно спрашивали:

— Это свои или чужие? Бить их или не бить?

— Это чужие! — кричал Урфин. — Бейте их без пощады!

Битва продолжалась недолго. Стрелы и мечи

не могли повредить дуболомам. Они вплотную подошли к солдатам Карпаньо, поднялись в воздух тяжёлые молоты и ломы, и Карпаньо в ужасе бежал, опередив своих воинов, хотя был толст и стар.

Ментахо получил донесение, что с севера подступает к городу третья армия — восставшие крестьяне, рудокопы, искатели изумрудов, рабочие с фабрик и заводов. Их сопровождает сильный отряд дуболомов во главе с генералом, который выделяется из всех огромным ростом и зычным голосом. А ведёт эту армию Страшила, до того укрывавшийся в литейной мастерской.

Узнав эту тревожную весть, Ментахо схватился за голову.

«Кажется, приходит конец нашей тысячелетней власти, — подумал он. — О, проклятый, трижды проклятый Руф Билан, подбивший нас на этот злосчастный поход!.. Но что бы дальше ни случилось, предатель получит свою награду…»

— Где Руф Билан? — крикнул он. — Привести ко мне Руфа Билана!

Билана разыскали в лакейской и представили перед грозное лицо короля. Чувствуя беду, Билан с воплем бросился к ногам Ментахо.

— Довольно! — взревел разъярённый король. —

Тебя слишком долго терпела земля! Повесить предателя!..

Так нашёл свой конец изменник Руф Билан.

Битва гигантов

Три освободительные армии вели успешные бои с передовыми частями противника и продвигались к Городу Семи владык только потому, что Ментахо не мог бросить на них свои воздушные силы — злобных драконов. Будь это так, могучие ящеры смяли бы людей своими огромными тушами, растерзали бы длинными острыми когтями, отравили бы зловонным дыханием, откусывали бы им головы зубастыми пастями.

И то, что этого не случилось, было делом маленькой Элли. Увеличенные её волшебством гигантские вороны приняли на себя удар драконов и принудили их вести бой в воздухе.

Страшное, невиданное зрелище представляла эта битва чудовищных ящеров с перепончатыми крыльями и свирепыми мордами и чудовищных птиц с огромным размахом чёрных крыльев. Можно было бы подумать, что этот бой происходит в первобытные времена, если бы на спинах драконов не восседали люди с луками, пускавшие меткие стрелы, а в паланкине на спине одной из ворон не виден был человек с пистолетами в руках…

— Клянусь всеми чертями ада, — кричал Чарли Блек, — славная битва!..

И он выпускал пулю за пулей, целясь в огромные жёлтые глаза драконов, пытавшихся наброситься на Кагги-Карр. И какой вопль торжества вырывался из его груди, когда отвратительный летучий зверь, кувыркаясь, летел вниз с цеплявшимся за него седоком.

Воздушный бой распространился по всему огромному пространству Пещеры. Среди золотистых облаков то появлялись силуэты гигантских птиц, по две, по три нападавших на дракона, то группа ящеров окружала огромную ворону и расправлялась с ней. Пронзительный визг и скрежет драконов раздирал уши, а карканье ворон напоминало раскаты грома.

Не один, не два и не три часа длилась жестокая битва. Она начала подходить к концу, когда в воздухе почти не осталось сражающихся. В этом бою никто не просил и не давал пощады, и гиганты воздуха пали смертью храбрых. Настал момент, когда в облаках встретились два последних воздушных бойца: Кагги-Карр и старый боевой дракон с опытным стрелком на спине.

Из ворон Кагги продержалась дольше всех благодаря моряку Чарли, который отпугивал

нападающих выстрелами из пистолетов. Но к последнему смертельному бою Блек истратил все патроны. Свирепый ящер вцепился зубами в воронье крыло, а Кагги долбила ему шею железным клювом.

Противники одновременно лишились сил. Дракон, кувыркаясь, полетел вниз и разбился о твёрдую почву вместе с седоком. А смелая Кагги, чувствуя, что ей приходит конец, помнила о своём друге и защитнике и, напрягая последние силы, планировала, сколько могла. Лишь за несколько футов от земли ворона потеряла сознание и рухнула безжизненной массой. Чарли Блек, вылетевший из паланкина, упал рядом с ней недвижимый…

Настал момент, когда судьбу кампании предстояло решить борьбой сухопутных сил.

Генеральное сражение

Отряды, посланные Ментахо против Железного Дровосека, потерпели поражение и вернулись с уроном, но главные силы семи королей сохранились в целости и занимали под городом крепкую позицию, защищённую рвом и насыпью. Ментахо и воеводы ходили среди рядов, ободряя солдат и увещевая их драться до последней капли крови.

Драконы погибли в бою, но не стало и гигантских ворон, и подземному войску не грозило нападение с воздуха. Нападающие превосходили численностью королевскую армию, но на стороне солдат Ментахо была превосходная военная выучка, а их врагов вели воодушевление и любовь к свободе.

Кто победит?..

Три освободительные армии сошлись на таком расстоянии от укреплённого лагеря Ментахо, чтобы до них не долетали неприятельские стрелы. Собрался военный совет. В нём приняли участие Страшила, Дин Гиор, Железный Дровосек, Урфин Джюс, Лестар, Арриго, Фенелла. Члены совета с грустью услышали донесение одного из наблюдателей, что храбрая Кагги-Карр нашла

смерть в бою, а вместе с ней, вероятно, погиб и весёлый моряк Чарли Блек. На совете не было Смелого Льва и Элли, которые остались у выхода из Заповедника.

Положение наступающих представлялось весьма серьёзным. Пойти на штурм укреплений означало понести большие жертвы. А осаждать армию Ментахо было бессмысленно. Осаждённые с теми запасами провизии, что ещё имелись в городе, могли продержаться и неделю, и больше. А войска из верхнего мира, фабричные рабочие и крестьяне подземелья уже испытывали острый голод…

Встал Урфин Джюс. Его чёрные глаза горели отвагой.

— Мы достигнем победы только штурмом, решительным штурмом, — сказал он. — Но зачем терять человеческие жизни, когда у нас есть дуболомы? Разве я напрасно вернул им храбрость? Вы слышите, как они рвутся в бой?

Издалека доносился нестройный шум: это деревянные люди распевали воинственную песню, хоть и нескладно, но с большим воодушевлением. Из всех выделялся голос генерала Лана Пирота, прерывавшего куплеты песни криками:

— Вперёд, на врага! За мной, моя храбрая ар-

мия!

Освободительные армии отступили для перестроения. Впереди стали шеренги дуболомов и бывших полицейских, которые тоже получили от Урфина свою порцию храбрости, и хотя не отличались большой силой, зато были очень проворны. Правый фланг замыкали Лан Пирот и Урфин Джюс, на левом возвышался Железный Дровосек со своим огромным топором. Сзади разместилась кавалерия: вожаки оседлали своих Шестилапых, и у каждого наездника было в руке коротенькое копьё: укалывая им зверя в тот или другой бок, можно было заставлять его бежать в нужном направлении.

Мигуны составляли следующую колонну. Имя командовал Лестар. Освобождённые невольники образовали внушительный корпус под предводительством Страшилы при помощнике Фараманте. К ним примыкали рабочие полки во главе с Арриго и Фенеллой.

Все приготовления совершались в грозном молчании, и даже неугомонные дуболомы притихли, почувствовав важность момента.

Солдаты Ментахо занимали оборонительные позиции за высоким валом, перед которым пролегал ров. Их луки были натянуты, стрелы

наложены на тетивы, мечи, кинжалы, копья и дротики под рукой.

И вот Урфин Джюс сказал Лану Пироту:

— Генерал, ведите войско на приступ!

Лан Пирот отдал приказ таким оглушительным голосом, от которого разорвалась бы любая человеческая грудь. Он взмахнул огромной булавой и ринулся вперёд, увлекая своим примером дуболомов. Рядом с генералом бежал Урфин Джюс.

Воины семи владык подняли страшные луки…

Ещё мгновенье, и десятки смертоносных стрел вонзятся в Урфина Джюса. И в этот момент в дубовую голову капрала Арума пришла блестящая мысль. Он дал Урфину сзади такой толчок, что тот кубарем покатился в ров. Это спасло его: над головой Урфина с жужжаньем пронеслись стрелы, впиваясь в туловища дуболомов. А те уже преодолели и ров, и вал, ворвались в неприятельские ряды, и закипела жестокая сеча. На левом фланге наступающих могучий Железный Дровосек совершал чудеса, и вражеская линия гнулась под его напором. Справа бушевал Лан Пирот, булава в его руке вертелась, как пёрышко. Дуболомы не страшились ударов мечей, и солдаты Ментахо избрали иную тактику. Они наваливались на дуболома кучей, старались повалить его на зем-

лю, обезоружить. И так велико было их воинское искусство и храбрость, что натиск дуболомов начал ослабевать.

Но в этот момент в укрепление влетела шестилапая кавалерия. Под безжалостными ударами вожаков звери рассвирепели, чуя кровь, они подминали воинов мощными лапами, кусали острыми зубами…

А на вал поднимались одна за другой новые волны бойцов: Мигуны, освобождённые невольники, рудокопы, крестьяне, литейщики, стеклодувы…

И Ментахо понял бесполезность дальнейшего кровопролития. Он отдал приказ сдаться, и воины семи подземных королей положили оружие.

Много разных событий

Ещё в то время, когда шёл воздушный бой между воронами и ящерами, Ментахо послал воеводу Фантроно с отрядом — окружить посёлки и удержать рабочих от выступления. Сделать это не удалось. Рабочие, подкреплённые дуболомами Лана Пирота, отбили нападение. И тогда у Фантроно и состоявшего при нём ловчего Ортеги явилась смелая мысль. Они решили уйти в Заповедник и укрепиться там. Если бы это им удалось, они получили бы преимущество над противником, потому что могли бы защищаться там долгое время. Фантроно и Ортега повели своих солдат форсированным маршем.

Смелый Лев то и дело ворчал на Элли:

— Из-за тебя я не принял участия в битве и превратился в тыловую крысу…

Элли гладила Льва по спине, тормошила его жёсткие рыжие усы.

— Помолчи, мой славный старикашка, ты немало сражался на своём веку.

Топотун тоже томился в нетерпеливом желании поскорее увидеться с Урфином Джюсом, но

он ничего не говорил, а только шумно вздыхал.

Когда, наконец, смолкли звуки страшной битвы в воздухе, Элли сказала:

— Теперь мы можем двинуться в Город Семи владык. Мне ужасно хочется посмотреть, какой он…

Девочка села на спину Льву, и маленькая компания двинулась в путь. Они прошли около двух миль, как вдруг Элли ахнула от испуга. С севера, из глубокой лощины среди холмов, показались сначала копья, а потом кожаные шлемы воинов. Это был полк Фантроно.

Враги вышли так неожиданно и очутились так близко, что убежать было невозможно. Элли спрыгнула на землю и спряталась за спиной Льва. А тот выгнул спину, ощетинил гриву и зарычал:

— Я буду биться за тебя насмерть, Элли!

Топотун ничего не говорил, он просто бросился вперёд, глухо ворча.

Борьба казалась безнадёжной, слишком неравны были силы. И тут Элли пришла счастливая мысль. Она дунула на Тотошку, быстро сказала волшебные слова, и вдруг из-за львиной спины вырос чудовищный зверь, раз в десять выше Льва.

Одним гигантским прыжком чёрный косматый

зверь одолел пространство, отделявшее его от врагов. Десятки стрел прожужжали в воздухе и запутались в густой шерсти зверя. А тот махнул чудовищной лапой, и первый ряд воинов повалился на землю, как скошенная косарём трава. Солдаты побросали оружие и разбежались кто куда.

Одержав такую славную победу, Тотошка вернулся к Элли, чтобы приласкаться, но он был так страшен, что девочка поспешила вернуть ему прежний вид.

Смелый Лев и Топотун рысью примчались к Городу Семи владык. Там уже окончилось генеральное сражение. Элли спрыгнула со спины Льва и бросилась к Страшиле, который стоял на валу, поддерживаемый Фарамантом.

Девочка обнимала Страшилу, нежно гладила его нарисованное лицо, но тот был мрачен.

— Что с тобой, мой милый, старый друг? — удивилась Элли. — Ты как будто совсем не рад встрече?

— Нет, я рад, очень рад… Но дядюшка Чарли…

Элли в ужасе вскрикнула:

— Что с ним? Он погиб?

— Увы… Боюсь, что это так… И Кагги тоже убита…

Девочка зарыдала, но вдруг смолкла, а потом сказала:

— Я должна разыскать дядю Чарли. Лев, Топотун, ко мне!

Лев тотчас подбежал к Элли, а медведь не услышал зова: он разыскивал среди трупов Урфина Джюса. Элли даже не дала времени Льву поздороваться со Страшилой и велела ему спешить на розыски Кагги-Карр: где найдётся она, там будет и моряк Чарли.

Лев метался туда и сюда по обширному полю, над которым вёлся воздушный бой. То и дело встречались трупы ящеров и гигантские чёрные тела ворон. Но ни на одной из птиц не было паланкина.

Лев уже изнемогал от усталости, как вдруг Элли закричала:

— Там, там!..

На холме виднелась гигантская птица с паланкином. Лев, забыв об усталости, галопом примчался туда, и Элли с плачем упала на неподвижное тело Чарли Блека.

— Дядечка!.. Милый дядечка…

Она осыпáла лицо моряка поцелуями, и тот открыл глаза.

— Элли?.. Девочка?..

Элли чуть с ума не сошла от радости.

— Дядечка! Ты жив?..

— Коли не умер, значит жив, — хладнокровно ответил старый моряк.

К нему уже возвратилась обычная весёлость. Он встал, потянулся.

— Кости целы, клянусь сегодняшней битвой, — сказал он. — А старушка Кагги — молодец, она тянула до самой земли. Что с ней?

Теперь, когда Элли успокоилась за дядю Чарли, она подошла к Кагги-Карр. Хорошо бы послушать, бьётся ли сердце, но как доберёшься до груди, когда она на высоте третьего этажа? Даже обойти кругом гигантскую птицу с распростёртыми крыльями отняло порядочно времени. Как быть?

И тут Элли спохватилась. Она мигом сказала заклинание, подула на ворону… и на траве перед ней оказалась милая, старая, взъерошенная Кагги… Элли взяла её на руки, осмотрела. Глубокие раны, нанесённые вороне когтями дракона, превратились в простые царапины.

— Кагги, голубушка, милая…

Элли нежно гладила ворону, прижимала к груди… и та очнулась.

— Не так-то легко выбить из меня жизнь! — хвастливо заявила она. — А где та… эта… ну,

дрянная ящерица, с которой я дралась? А, вон она лежит…

Невдалеке виднелся огромный труп дракона, лежавшего вверх белым брюхом.

— Туда же, лезет драться с порядочными птицами, — пренебрежительно фыркнула Кагги-Карр.

Таково было надгробное слово последнему дракону Подземной страны.

Поле битвы, по приказу Элли, было тщательно осмотрено. Оказалось, что далеко не все вороны, сбитые в бою, погибли. Многие из них, и в том числе Карр-Карайя, сумели спуститься более или менее удачно, и когда Элли вернула им прежний вид, быстро оправились от ран. Недаром же славится живучестью воронье племя.

Пока Элли разыскивала дядю Чарли и оживляла ворон, Топотун обшаривал поле битвы в поисках своего хозяина. Он нашёл его полузадохшимся во рву, под трупами неприятельских солдат. Медведь выразил бурную радость и так сжал Урфина в своих объятиях, что чуть не окончательно отправил его на тот свет.

Время королей кончилось

В Подземной стране никогда ещё не бывало такого грандиозного митинга. Кроме павших в бою и тяжело раненых, собрались все. На обширной равнине, прилегающей к Срединному озеру, толпились горожане, солдаты, короли, министры, крестьяне, рабочие с фабрик и заводов, искатели алмазов, рудокопы, старики, дети, женщины, пришельцы из верхнего мира — Мигуны и Жевуны, граждане Изумрудного города. Отдельно стояли избитые, исколотые, исцарапанные дуболомы, гордые тем, что только благодаря им была одержана великая победа. Лан Пирот бил себя в могучую грудь деревянным кулаком и шумно разглагольствовал о том, что настало самое время дуболомам показать себя и идти завоёвывать новые страны.

На трибуну поднялись Элли с Тотошкой на руках, Страшила, Железный Дровосек с вороной Кагги на плече, Смелый Лев, Урфин Джюс, Фарамант, Чарли Блек, Лестар, Арриго, Фенелла.

Первым говорил Страшила. Голос его был слаб, но в многотысячной толпе стояла такая тишина, что слова оратора слышались повсюду.

— Граждане Подземной страны! — говорил Страшила. — Мы, верхние жители, народ мирный, и вы это хорошо знаете. Раньше мы не сталкивались с вами лицом к лицу, но жили в дружбе много столетий, торговали друг с другом, и разве это было плохо?

Страшила помолчал, а в толпе пронёсся гул. Оратор продолжал:

— Ваши короли первые принесли к нам войну, и мы только ответили ударом на удар. Мы пришли, это я говорю не о себе, меня принесли… — В толпе пронёсся смешок. — Я говорю о своих друзьях, мы пришли освободить наших пленников, и больше нам ничего от вас не нужно. Мы будем жить вверху, вы живите внизу, и, если хотите, мы по-прежнему будем торговать с вами. Потому что торговля — это не война, а война — не торговля. Если бы торговля была войной, она так бы и называлась, но она же так не называется…

Мудрость слов Страшилы потрясла толпу.

Страшила закончил свою речь:

— Мы не хотим навязывать вам такой образ правления, какой нам нравится. Живите, как вам угодно. Если вам нравится подчиняться власти семи королей, подчиняйтесь ей, если не нравится — не подчиняйтесь. Только я бы считал, что семь

королей — это слишком много. Смотрите сюда!

Он поднял растопыренные пять пальцев правой руки и два левой.

— Слушайте меня, я считаю.

Страшила начал медленно считать, загибая мягкие непослушные пальцы:

— Один… два… три… четыре… пять… шесть… семь! Видите, даже сосчитать трудно! А легко ли выносить капризы и прихоти семи королей?!

В толпе грянул оглушительный хохот. Этим хохотом навсегда была убита власть семи подземных владык.

Страшилу сменил Фенелла.

— Дорогие соотечественники! — начал он. — Быть может, не все из вас знают предыдущего оратора. Разрешите сказать о нём несколько слов. Это — Страшила, правитель Изумрудного города, унаследовавший свой пост от Гудвина Великого и Ужасного. Страшила — соломенный человек, но Гудвин дал ему удивительные мозги. В этих мозгах рождаются светлые мысли. За эти мысли Страшила заслужил от своих подданных прозвание Трижды Премудрого, и он это название заслуживает. В самом деле, я в жизни не слыхал ничего мудрее речи, только что сказанной уважаемым Страшилой. Зачем нам семь королей?

Зачем нам семь воевод? Зачем нам семь придворных штатов и семь банд разнузданных лакеев? Зачем нам семь королевских войск и семью семь дурацких приветствий, которым мы должны выучиваться при смене королей?..

Народ заревел от восторга, но короли, воеводы, министры и лакеи молчали. Фенелла продолжал:

— Я считаю, что нам достаточно и слишком достаточно одного короля, одного штата придворных и лакеев, одного воеводы, одного войска… Но я полагаю, что таким королём недостоин быть никто из потомков короля Тубаго, навязавшего нам эту бессмысленную ежемесячную смену королей. Я полагаю, что нашим королём должен быть человек, первым поднявший голос против затеянной семью владыками завоевательной войны, человек, нашедший в себе решимость покинуть родину и предупредить наших верхних братьев об опасности, которая им угрожала. Вы знаете, о ком я говорю, кто этот человек. Это — Арриго Честный! Да здравствует наш король Арриго Честный!!

Восторженные крики толпы поднялись до самых облаков:

— Ура! Ура! Да здравствует наш король Арриго

Честный!!

Но восторг толпы сменился удивлением и страхом. Раздался громовой голос Лана Пирота:

— Ура, ура, вперёд на врага, моя храбрая армия!!

Бравый генерал расслышал крики «ура», но понял их превратно.

Дуболомы зашевелились, подняли оружие, готовые врезаться в беззащитную толпу. Однако Урфин Джюс не дремал: он сбежал с трибуны и двумя-тремя ударами резца по деревянному лицу смирил воинственный пыл генерала. Урфин Джюс шепнул ему несколько слов, и дуболомы по приказу Лана Пирота отправились в поле закапывать мёртвых драконов.

Когда суматоха улеглась, Арриго поднял руку в знак того, что он просит слово.

— Дорогие соотечественники! — заговорил Арриго. — Я благодарю вас за высокое доверие и принимаю ваше избрание, но не в королевском сане, а в звании правителя. Мой друг Фенелла ярко нарисовал нам бедствия, которые мы терпели от семи королей, семи воевод, семи придворных штатов. Он хорошо сказал, что нам слишком достаточно одного короля, а я считаю, что и одного не надо, потому что время королей кончилось.

Одобрительный гул прокатился в толпе.

— Я буду править страной с немногими избранными вами советниками. У нас не будет придворных и лакеев, не будет воевод и солдат. Зачем нам войско? Короли содержали солдат, потому что боялись друг друга, а кого может бояться избранный вами правитель?

Крики восторга снова потрясли воздух.

Из толпы донёсся вопрос, заданный чьим-то густым басом:

— А что же делать королям?

— Вы, Ментахо, можете быть неплохим пахарем при вашем росте и силе, — ответил Арриго при смехе толпы. — Другие короли и министры тоже найдут себе подходящие занятия. На первое время нам особенно нужны будут кузнецы, потому что мы перекуём мечи и кинжалы на заступы, плуги, бороны. Когда мы возделаем всю нашу пустующую землю, она щедро прокормит нас, и нам не придётся вести войны для захвата рабов, — и да здравствует мир на долгие века!..

Громовые рукоплескания ответили на пылкий призыв Арриго, и долго ещё отражали их стены и свод колоссальной пещеры.

К о н е ц